NLRK 00306916

2010

НА СѢВЕРѢ.

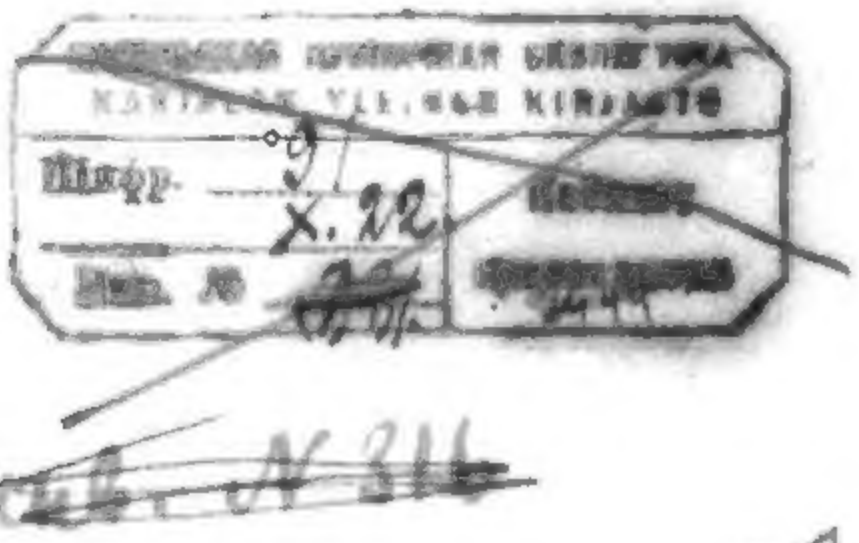
ПУТЕВЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

В. К.

91(47.20
К-22

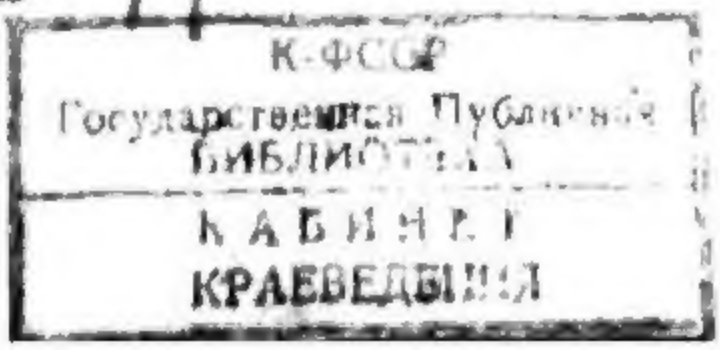
НА СѢВЕРѢ.

(ПУТЕВЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ).



В. Х.

МОСКВА.
Типографія Т-ва А. Левенсонъ и К°. Петровка, Рахмановскій пер., д. Левенсонъ.
1890.



ПРОВЕР[illegible]0 [illegible]9 г.

1998

БИБЛІОТЕКА

I.

Кивачъ. — Первое знакомство съ Пудожскимъ уѣздомъ.

* * *

Кивачъ, воспѣтый Державинымъ, посѣщаемый многими путешественниками, которые иногда спеціально для этого пріѣзжаютъ изъ Петербурга, составляетъ гордость жителей Петрозаводска.

Благодаря удобному сообщенію изъ Петрозаводска часто отправляются большими компаніями на Кивачъ — рѣже къ двумъ другимъ Сунскимъ водопадамъ Гирвасъ и Поръ-Порогъ.

Намъ посовѣтовали ѣхать утромъ, чтобы къ вечеру быть у водопада, ночевать тамъ у сторожа и на слѣдующій день видѣть восходъ солнца, отражающійся, по словамъ мѣстныхъ жителей, блестящей радугой на бѣлой пѣнѣ водопада.

Былъ Троицынъ день, когда мы выѣхали изъ Петрозаводска на Кивачъ; гудѣлъ соборный колоколъ, и мѣстное населеніе, оживляя обыкновенно пустынныя улицы, стекалось къ собору. Проѣхали главную улицу, которая тѣмъ не менѣе не мощена, миновали почтамтъ, окрашенный въ голубую краску

губернаторскій домъ и поросшую травою площадь передъ нимъ, на которой возвышается памятникъ Петра I; миновали и зданіе городской тюрьмы — высокое бѣлое строеніе казарменнаго типа; остались позади послѣдніе маленькіе домики. Остановились на минуту привязать къ дугѣ колокольчикъ. Весело залился онъ; лошади взяли крупной рысью.

Непривѣтливъ и дикъ сѣверный пейзажъ. Вьется широкою лентою пустынная, молчаливая дорога черезъ мелкій рѣденькій лѣсочекъ по кочковатой, болотистой почвѣ. Жиденькія елочки выдѣляются на сѣромъ фонѣ хмураго неба. Вдали свинцовыя волны Онежскаго озера.

Вотъ свернули въ сторону и спустились въ долину рѣки Шуи.

Точно вдругъ повеселѣлъ пейзажъ отъ внезапно упавшаго луча солнца. Блещутъ свѣжей зеленью пашни, блещутъ свѣтлыя струи рѣки Шуи. По обѣимъ сторонамъ рѣки раскинуто много деревень, которыя всѣ вмѣстѣ носятъ названіе Шуи. Всѣхъ ихъ какъ будто соединяетъ вокругъ себя старинная деревянная церковь о многихъ куполахъ.

Дорога пошла лѣсомъ; тутъ и тамъ мелькаютъ обрывки скалъ, частью поросшіе мхомъ, частью темно-сѣрой голой массой поднимающіеся изъ земли.

Вотъ внезапно разступилась темная стѣна лѣса, и длинное узкое озеро выступило изъ-за густой зелени; сѣрыя волны его плескались почти-что у самой дороги.

„Это Укшезеро“, сказалъ намъ ямщикъ.

Трудно передать всю прелесть этихъ лѣсныхъ озеръ, характерныхъ для нашего сѣвера. Они ожив-

ляютъ однообразную картину на десятки верстъ растянувшагося лѣса, и невольно радуешься, когда послѣ долгаго пути черезъ лѣса вдругъ увидишь сѣрыя волны этихъ озеръ.

Укшезеро составляетъ часть огромнаго водоема, который состоитъ изъ трехъ озеръ: Пертозера, Кончезера и Укшезера. При этомъ замѣчательно, что Пертозеро лежитъ выше Кончезера, и это послѣднее выше Укшезера. Пертозеро, соединенное съ Кончезеромъ посредствомъ шлюза, приводитъ въ дѣйствіе Кончезерскій заводъ. Этотъ заводъ, основанный въ 1707 году Петромъ Великимъ и назначенный имъ для плавки мѣди, съ 1753 года прекратилъ мѣдно-плавильное производство и теперь исключительно занимается выплавкою изъ болотныхъ и озерныхъ рудъ чугуна, который потомъ отправляется на Петрозаводскій Александровскій заводъ. Съ шлюза, соединяющаго Пертозеро съ Кончезеромъ видны оба озера. Особенно красиво Кончезеро съ массою острововъ. Острова, вообще, оживляютъ иногда громадную, однообразную гладь сѣверныхъ озеръ. Здѣсь же ихъ цѣлая масса—они пестрятъ все озеро; замѣчательно, что всѣ они лежатъ въ одномъ направленіи — вдоль озера и всѣ носятъ имя какого-нибудь святаго, кромѣ одного, который легъ поперекъ и поэтому прозывается „Дуракомъ“.

Проѣхали Кончезерское селеніе. На дорогѣ встрѣчались намъ цѣлыя группы разряженныхъ крестьянъ. Троицынъ день—храмовой праздникъ и открытіе ярмарки въ Кончезерѣ; поэтому сюда собрался народъ изъ сосѣднихъ деревень. Нашъ ям-

щикъ, парень лѣтъ 25-ти, очевидно желая щегольнуть передъ проходящими по дорогѣ бабами и дѣвушками, лихо бокомъ усѣлся на облучкѣ и погналъ лошадей, что есть мочи. Лошади неслись вскачь, почти разстилаясь.

Вдругъ случилось что-то необычайное—какой то толчекъ; неясно замелькало все въ глазахъ; почувствовался сильный ударъ. Дѣло объяснилось очень просто. На полномъ скаку телѣга соскочила съ бонда и насъ вывалило. Очнувшись отъ минутнаго обморока, я прежде всего увидала телѣгу, всю изломанную, колесо, валявшееся поодаль и ямщика, бившаго себя по поламъ и кричавшаго неистовымъ голосомъ: „Батюшки, пособите! Добрые люди, пособите!“.

Подошли „добрые люди“—три парня, очевидно отправлявшіеся на ярмарку—подняли телѣгу, вправили кое-какъ колесо.

„Батюшки мои, что же тутъ дѣлать! Вотъ приключилось! Батюшки, какъ же тутъ быть!“ восклицалъ между тѣмъ совсѣмъ растерявшійся ямщикъ.

„Добрые люди“ стали спрашивать, какъ все это случилось, потомъ начали подавать совѣты и подъ конецъ напомнили, что тутъ рядомъ есть деревня—Кончезерская Чупа—что всего лучше направиться туда.

Кончезерская Чупа—деревушка, состоящая всего изъ нѣсколькихъ дворовъ, дѣйствительно, оказалась въ двухъ шагахъ. Деревня, впрочемъ, на этотъ разъ была почти совершенно пуста: всѣ ушли въ Кончезеро. Разыскали, однако, какого-то старика. Но онъ, посмотрѣвъ сначала на наши сильно

расшибленныя лица и руки и, боясь, очевидно, что его притянутъ въ свидѣтели, испуганно бросился отъ насъ въ сторону: „Не видалъ ничего... и нѣту у меня ничего.... не знаю“, быстро заговорилъ онъ.

„Да дай же воды, дѣдушка“.

„Нѣту у меня ничего—вотъ озеро близко, пойдите туда“.

Тотъ же результатъ у двухъ бабъ, проходившихъ мимо.

„И ничего не видали—и знать мы ничего не знаемъ“, замахали онѣ на насъ руками. „Вотъ озеро—воды много“ — и онѣ поспѣшно удалились.

„А вотъ сюда ступайте. Хозяйка така добра. Вотъ, въ эту-то избу“, кричали намъ между тѣмъ мужики, пособившіе ямщику и теперь послѣдовавшіе за нами.

Хозяйка, дѣйствительно, оказалась хорошей. Живо вспоминается мнѣ она: на 50-мъ году все еще бодрая и стройная женщина, съ правильными чертами лица, прекрасными свѣтло-карими глазами, полными живой мысли, глубокой доброты и силы воли. Она приняла насъ радушно, принесла воды, деревяннаго масла, сама стала ухаживать за нами.

Праздникомъ пользуются для того, чтобы побывать другъ у друга въ гостяхъ. Поэтому въ избу то и дѣло входилъ празднично одѣтый народъ. Здоровались всѣ за руку. Женщины иногда цѣловались, т. е. обнимались и прикладывались другъ къ другу щеками (такого рода привѣтствія между женщинами намъ неоднократно случалось замѣчать въ Олонецкой губерніи); затѣмъ чинно садились

по лавкамъ. Говорили больше старшіе, хотя и молодые принимали участіе въ общемъ разговорѣ. Нѣкоторые разговаривали по-корельски *).

Посидѣвъ немного, гости вставали и уходили; кое-кто оставался пить чай. Вернулись также нѣкоторые члены семейства нашей хозяйки. Два мальчика усѣлись въ уголъ играть въ шашки; дѣвочка лѣтъ 3-хъ, переваливаясь на толстенькихъ ножкахъ, ковыляла по комнатѣ и всѣмъ показывала купленные на ярмаркѣ леденцы и уже замусоленныя разноцвѣтныя бумажки изъ подъ карамели.

Происшествіе съ нами скоро стало извѣстно всѣмъ находившимся въ то время въ Кончезерѣ и въ Кончезерской чупѣ. Приходили взглянуть на насъ; насъ разсматривали, жалѣли; качали головами, выслушивая отъ хозяйки подробный разсказъ о случившемся.

„Какъ ихъ, Господи... въ кровь!... этакъ и убить до смерти можно“... „Хорошо—на ровномъ мѣстѣ еще—а дальше тамъ камни пойдутъ—такъ тамъ бы...“ „Тутъ ужъ ямщикъ виноватъ“. „Кто же, какъ не онъ?...“ „Да и то сказать, по ровной дорогѣ—и подумать нельзя было“.

Особенно горячился одинъ старикъ, успѣвшій, какъ казалось, угоститься на ярмаркѣ. Онъ положительно не отходилъ отъ насъ.

„Ямщикъ виноватъ, вѣстимо—чего смотритъ? Не видитъ онъ, тарантасъ какой у него? Ты, баринъ,

---

*) Знаніе корельскаго языка объясняется тѣмъ, что около Кончезера, а именно на западномъ берегу его, находится нѣсколько корельскихъ селеній

пожалуйся, безпремѣнно пожалуйся. И губернатору не надо, а Царю-батюшкѣ пожалуйся. Теперь ты поѣхалъ—съ тобой случилось. А поѣдетъ онъ—и его разобьютъ. Что тутъ станешь дѣлать? А кто виноватъ? Ямщикъ виноватъ. Съ насъ деньги берутъ—а кто станцію держитъ—тотъ и смотри. Съ насъ взыщутъ. А мы чѣмъ виноваты?“

„Васильичъ!“ послышался изъ сосѣдней комнаты голосъ хозяйки. „Пой сюда“.

Но старика трудно было угомонить.

„Постой, я не все сказалъ. Что бабы знаютъ? Ты, баринъ, слухай меня—пожалуйся, безпремѣнно. Потому, намъ отъ того польза будетъ. Самому Государю, въ Питерѣ, пожалуйся“.

„Васильичъ, ужинать садись—крещеные-то всѣ сѣли“, снова раздался голосъ хозяйки.

„Постой, иду сейчасъ“—и опять начиналось то же самое. „Ты пожалуйся, потому такъ-то съ самимъ Государемъ-батюшкой сдѣлать могутъ.

„Васильичъ барину ты наскучишь“. Хозяйка наконецъ явилась сама и увела съ собою все еще разсуждавшаго старика.

Гостей осталось ночевать очень много—пришлось поэтому потѣсниться. Трехъ мальчиковъ надѣлили полушубками и отправили спать въ сарай. Остальнымъ постлали тюфяки на полу. Хозяйка положила свою маленькую внучку около себя.

Мнѣ не спалось. Въ избѣ было душно, но изъ оконъ страшно дуло; сердито гудѣлъ вѣтеръ вокругъ дома; блѣдное мерцаніе бѣлой сѣверной ночи освѣщало комнату. Рядами растянутые тюфяки были заняты бабами и дѣвушками. Мѣрное ды-

ханіе здороваго сна слышалось со всѣхъ сторонъ. Вдругъ проснулась дѣвочка и громко закричала. Хозяйка мгновенно вскочила. „Богъ съ тобой, Дунюшка—что тебѣ?“ зашептала она. „Ну перестань—Ангелъ съ тобой хранитель“. Прижавшаяся къ ней дѣвочка скоро затихла.

На слѣдующее утро меня разбудилъ говоръ проснувшихся и встававшихъ вокругъ меня бабъ. Спали всѣ въ платьяхъ—поэтому привести себя въ порядокъ было недолго. Всѣ онѣ поочередно, позѣвывая и потягиваясь, подходили къ рукомойнику, висѣвшему около печки, пригоршнями брызгали себѣ водой въ лицо, потомъ лѣниво обдергивали на себѣ платья и поправляли головные платки. Стали выносить тюфяки. Меня обходили, стараясь не шу мѣть. „Спитъ?... пущай себѣ спитъ: непривычны рано-то вставать... да и легко ли?“

Принялись за стряпню. Шелъ говоръ, прерываемый учащеннымъ дыханіемъ людей, занятыхъ труднымъ дѣломъ; раздавались удары тѣста, брошеннаго сильной рукой о столъ, частыя постукиванья мотовки о край горшка, поскребыванье ножика, сбирающаго муку со стола. Ярко запылалъ огонь въ печи, загремѣли горшки и сковороды. Торопливые шаги ходили взадъ и впередъ по комнатѣ отъ стола къ печкѣ и отъ печки къ полкамъ.

Въ комнату то и дѣло входили мужики; повторилось то же, что и при вставаньѣ бабъ: позѣвыванье, лѣнивыя движенія несовсѣмъ проснувшихся людей, полосканье у рукомойника. Наконецъ сѣли за столъ въ переднемъ углу. Другой столъ, на которомъ приготовляли стряпню, бабы чисто вымыли.

Мы рѣшили ѣхать дальше. На Кончезерскую станцію послали за лошадьми. Пріѣхавшій тарантасъ тщательно осмотрѣли всѣ присутствовавшіе „Небось—этотъ крѣпокъ будетъ и ямщикъ хорошій—знающій... небось“ успокаивали насъ со всѣхъ сторонъ.

„Ну, Господь съ вами... Дай вамъ Богъ... Путь добрый!“ „Будете опять въ нашей сторонѣ—заѣзжайте въ нашу чупу“—такими привѣтливыми словами провожали насъ наши гостепріимные хозяева. Денегъ за ночлегъ они ни за что не хотѣли взять: „Что вы, что вы... какъ можно?... да вы у насъ ничего и не ѣли... а за постой, что вы?“

Еще долго стояла пестрая толпа на крыльцѣ и около избы. Среди всѣхъ возвышалась фигура хозяйки, глядѣвшей намъ вслѣдъ, придерживая въ то же время за руку Дуню, которая дѣлала всевозможныя усилія освободиться, чтобы поднять какой то предметъ на полу, занимавшій ее.

„Какая хорошая женщина наша хозяйка“, сказали мы ямщику, еще находясь совершенно подъ впечатлѣніемъ радушія этой семьи, все тепло котораго мы особенно почувствовали въ минуту невзгоды.

„Хорошая она... Да она и въ Питерѣ была—знаетъ, какъ обойтись“, задумчиво замѣтилъ нашъ ямщикъ, полуоборотясь къ намъ.

Безмолвная лѣсная чаща по обѣимъ сторонамъ дороги; ясное голубое небо, усѣянное бѣлыми облаками, игра утреннихъ лучей солнца на свѣжей листвѣ деревьевъ — вотъ общее впечатлѣніе отъ

этихъ послѣднихъ 15-ти верстъ до Кивача, оставившее неизгладимый слѣдъ въ моей памяти.

Ямщикъ внезапно осадилъ лошадей. Мы находились на краю крутаго спуска. Таинственно шумѣлъ по сторонамъ лѣсъ, весь пропитанный солнечными лучами. Изъ за его густой зеленой стѣны слышался могучій ревъ. Откуда-то несся запахъ свѣжести.

„Пѣшкомъ бы тутъ пройти вамъ; а я бы потихоньку и спустился за вами. Падунъ (водопадъ) тутъ то и есть".

...Голубая красавица Суна гнѣвно метала бѣлые клубы пѣны по камнямъ пороговъ. Шумя и спѣша убѣгала она, скрываясь за крутыми извилинами лѣсистыхъ зеленыхъ береговъ. Выше „падунъ" сіялъ ослѣпительнымъ блескомъ въ лучахъ солнца. Бѣлая пѣна, бѣлая водяная пыль—все смѣшалось и образовало одну сплошную массу, клокочущую, разрывающуюся, дробящуюся и сливающуюся снова. Утренніе лучи солнца, преломляясь, ложились блестящей радугой у ногъ падуна. Мрачно выдвигались черные утесы изъ клокочущей пѣны.

Голубая красавица Суна тихо выплываетъ изъ лѣсу; плавно и мирно катитъ она свои свѣтлыя волны, не подозрѣвая опасности. И вдругъ видитъ—стоятъ черные, мрачные утесы, загородили, заступили ей дорогу. И проситъ красавица Суна: „пропустите, утесы, дайте дорогу". Стоятъ черные утесы, усмѣхаются: „попробуй, красавица, сама пройти—авось посчастливится; держать насильно не станемъ". Видитъ Суна—пройти трудно будетъ, и заворачиваетъ она тихонько въ сторону, чтобы выиграть время. А сама все ластится: „дайте прой-

ти, утесы!“ „Проходи, проходи, красавица.“ И рѣшилась Суна на трудное дѣло: пройти во что бы то ни стало. Бросается она грудью на утесы, спѣшитъ, мечется въ разныя стороны. Разрываютъ ее утесы, ставятъ преграды, ловятъ красавицу—да вырывается она всею силою—вотъ и вырвалась, и, еще утомленная трудной, почти непосильной борьбой, гнѣвная, испуганная, собирая разрозненныя струи, бѣжитъ она изо всѣхъ силъ дальше отъ мѣста страшной борьбы.

Самый лучшій видъ на водопадъ Кивачъ открывается съ такъ называемаго Царскаго Дворца *), поставленнаго здѣсь для пріѣзда Государя Александра II въ 1858 г. Построенный по образцу павильона при Рейнскомъ водопадѣ, царскій павильонъ красиво ютится среди зелени деревьевъ. Легкая, едва замѣтная, водяная пыль долетаетъ до его балкона—до того близко стоитъ онъ къ водопаду. Кругомъ шумъ и ревъ: грохочетъ водопадъ; шумитъ, ударяясь о скалистый берегъ, освободившаяся Суна; шумитъ и кипитъ кругомъ отведенная въ сторону часть воды, которая, огибая павильонъ, покрытая бѣлой пѣной, стремительно пробѣгаетъ по деревяннымъ желобамъ и спѣшитъ снова соединиться съ родными струями.

„Жаль, что вы поздно ѣдете на Кивачъ, говорили намъ въ Петрозаводскѣ; лучшее время для поѣздки на Кивачъ—ранняя весна, когда гонятъ

*) Билеты для входа въ этотъ павильонъ можно достать у управляющаго Петрозав. Александр. завода, также у управл. Кончезерск. завода.

лѣсъ. Вотъ что дѣйствительно интересно посмотрѣть.“ Когда весною сплавляютъ лѣсъ по Сунѣ, отдѣльныя бревна часто застрѣваютъ среди утесовъ на Кивачѣ. Мужики, которымъ порученъ надзоръ за лѣсомъ, протягиваютъ канатъ съ одного берега на другой и надѣваютъ на него такъ называемую „люльку“, въ которую садится одинъ изъ мужиковъ. Наклоняясь осторожно изъ „люльки“, онъ долженъ багромъ отцѣпить застрявшія бревна. Можетъ быть интересная, но за то какая страшная картина! Видѣть человѣка почти что въ рукахъ смерти, который отъ одного неловкаго движенія можетъ скатиться въ эту клокочущую бездну, изъ которой иногда самыя толстыя бревна выходятъ изломанными въ щепки....

Ревъ водопада давно остался за нами; мы возвращаемся въ Петрозаводскъ. Опять окружаетъ насъ безмолвіе лѣса. Тѣ же мѣста—только при другомъ освѣщеніи. Дневные лучи солнца жарче и живѣе утреннихъ, и какъ будто больше живетъ и дышетъ кругомъ природа.... Осталась въ сторонѣ внизу привѣтливая Кончезерская Чупа. Деревня пуста, не видно никакого оживленія. Мирно лежитъ она на берегу озера, верхушками своихъ крышъ вырисовываясь на свѣтлыхъ волнахъ его.

Вотъ и Кончезеро — шлюзъ, красное зданіе завода, красная церковь. Бросаешь послѣдній прощальный взглядъ на Укшезеро; въ послѣдній разъ любуешься Шуей, теперь уже освѣщенной мягкими золотистыми лучами заката,—вотъ и Онежское озеро засинѣлось вдали—вотъ и городъ развертывается передъ нашими глазами. Несется намъ

навстрѣчу гулъ соборнаго колокола, призывающаго ко всенощной—и при его стройныхъ звукахъ, медленно расплывающихся въ тиши вечерняго воздуха, мы въѣзжаемъ въ Петрозаводскъ.

* * *

Только медленно могъ двигаться нашъ извощикъ среди наполнявшей деревянную пристань пестрой и шумной толпы. Прибытіе и отходъ парохода одно изъ главныхъ развлеченій жителей Петрозаводска. Было воскресенье—свободно всѣмъ, и поэтому чуть ли не весь городъ собрался на пристань. На пароходѣ также масса посторонней публики. Тѣснятся на лавочкахъ, толкаются; мастеровые грызутъ орѣхи; дѣвушки мѣщанки любопытно заглядываютъ въ рубку перваго класса.

Пароходъ запоздалъ отходомъ на цѣлый часъ! Прошелъ цѣлый томительный часъ, пока наконецъ не послышался крикъ: „трапы долой!“ Наконецъ раздается давно ожидаемый свистокъ—колеса мѣрно ударяютъ по водѣ, и пароходъ сначала лѣниво, потомъ все быстрѣе и быстрѣе начинаетъ разсѣкать волны. Далеко за нами остается пестрѣющая народомъ пристань. На горѣ, заслоняя собою заходъ солнца, чудно выдѣляется на золотистомъ фонѣ заката темной массой своихъ зданій Петрозаводскъ, прелестный въ зелени недавно распустившихся деревьевъ.

Вечеръ былъ дивный; волны залиты золотомъ заката; гладь озера неподвижна. Наступила затѣмъ бѣлая сѣверная ночь, которую не различишь пожа-

луй отъ вечера—до того незамѣтенъ переходъ отъ одного къ другой. Тихо озеро; спятъ волны, окрашенныя въ тотъ же монотонный бѣловато-сѣрый цвѣтъ, какъ и небо. Только пароходъ гудитъ, да стучитъ и этимъ нарушаетъ тишину ночи. Пассажиры, по большей части, разошлись. Лишь нѣкоторые быстро ходятъ взадъ и впередъ по палубѣ, чтобы согрѣться; слышится въ одномъ углу чей-то разговоръ; тамъ пассажирка III класса кое-какъ укладывается на тюки, кутаясь въ большой шерстяной платокъ. Кто то остановился у машины и внимательно слѣдитъ за ея вращеніемъ. Холодно. Не смотря на то, что май уже приходитъ къ концу, въ воздухѣ всего +5° R. А все-таки не хочется идти въ душную каюту, не хочется разстаться съ этой тихой ночью.

Бѣлыя ночи, столь любимыя сѣвернымъ жителемъ, на насъ, непривыкшихъ къ нимъ, производили странное, сначала даже непріятное впечатлѣніе. Нервы, привыкшіе отдыхать среди темноты нашей ночи, никакъ не улягутся при этомъ блѣдномъ сіяніи. Въ сѣверныхъ ночахъ чего-то будто недостаетъ. Но красоты ихъ нельзя оспаривать. Такъ и теперь мы долго ходили по палубѣ, не будучи въ состояніи оторваться отъ нея.

Все равно надо было лечь. Въ 3 часа утра пересадка. Пароходъ въ 3 ч. утра долженъ былъ придти въ Вознесеніе; оттуда намъ предстояло направиться въ Пудожъ.

Прямаго сообщенія между Петрозаводскомъ и Пудожемъ черезъ Онежское озеро не существуетъ. Путешественникамъ приходится огибать озеро Оне-

го, или направляясь изъ Петрозаводска въ Повѣнецъ и затѣмъ спускаясь по восточному берегу Онежскаго озера—или же, слѣдуя избранному нами пути, доѣхать до Вознесенія и оттуда, пересѣвъ на маленькій пароходъ („Геркулесъ"), обогнуть южный и часть восточнаго берега оз. Онеги.

Пароходъ „Геркулесъ", совершающій рейсъ вдоль восточнаго берега Онежскаго озера, маленькій и грязный, служащій больше для перевозки грузовъ, чѣмъ для пассажирскаго движенія, ожидалъ въ Вознесенской пристани прибытія Петрозаводскаго парохода.

Команда его состояла, большей частью, изъ мальчиковъ. Эти мальчики, одѣтые одинаково въ синія суконныя курточки, въ темныхъ картузахъ, поражали своей ловкостью и выдержанностію, и вмѣстѣ веселостью и бодростью. Оказалось, что это ученики мореходныхъ классовъ, которые, готовясь въ лоцманы, на „Геркулесѣ" имѣютъ практическія занятія лѣтомъ. Къ сожалѣнію на этомъ пароходѣ они могутъ знакомиться только съ одной частью Онежскаго озера, а именно съ южнымъ и восточнымъ берегами его, отъ Вознесенія до Повѣнца.

...Темной, зубчатой стѣной выдѣлялся покрытый густымъ еловымъ лѣсомъ берегъ. Видно было устье рѣки Шалы или Водлы, въ которое долженъ былъ войти „Геркулесъ". Раздавалась команда съ мостика; лоцманъ зорко слѣдилъ за носомъ парохода. Нѣкоторые изъ пассажировъ, знакомые съ этой мѣстностью, показывали на берегу нѣсколько по-

строекъ, принадлежащихъ стоящему тутъ же лѣсопильному заводу Русанова.

Размѣры построекъ все увеличивались и увеличивались; все выше становились ели на берегу; Шала расширялась на нашихъ глазахъ и тихо плыла намъ навстрѣчу. Вотъ мы уже и въ устьѣ ея. Пароходъ ударился о деревянную пристань.

И тотчасъ начинается шумъ, говоръ и крики на пристани. Нѣкоторые входятъ на пароходъ, переговариваются съ капитаномъ, стоящимъ на мостикѣ.

Черезъ 10 минутъ раздается рѣзкій свистокъ, обозначающій отъѣздъ.

Онежское озеро со своими бурными, свинцовыми волнами далеко осталось за нами. Отошли такъ же вдаль лѣсопильный заводъ съ его постройками, съ грудами правильно сложенныхъ досокъ, съ кучами опилокъ на берегу. Проѣхали и Шальскій погостъ*). Мирно и тихо течетъ Шала; берега, покрытые лѣсомъ, довольно однообразны, но очень живописны; лиственныя деревья не теряли еще нѣжный желтовато-розовый оттѣнокъ, который они имѣютъ при своемъ распусканіи и, перемѣшиваясь съ ними, даже темныя ели теряютъ свой мрачный характеръ Пароходъ часто лавируетъ; иногда онъ такъ близко подходитъ къ берегу, что, кажется, ничего не стоитъ соскочить на сушу.

Начинаетъ накрапывать дождь; но положительно не хочется уходить съ палубы — и пассажиры толь-

---

*) Погостомъ въ Олон г. называется мѣсто, занятое церковью и домами причта. Только рѣдко погостъ соединенъ съ деревнею. Обыкновенно онъ стоитъ отдѣльно отъ нея.

ко тогда рѣшаются удалиться въ каюту, когда дождь становится черезчуръ уже сильнымъ.

Пароходъ не доѣзжаетъ до самого Пудожа. Онъ останавливается у пристани Подпорожье, называемой такъ потому, что близко отъ нея во всю ширину рѣки легъ порогъ, который и мѣшаетъ дальнѣйшему плаванію по Водлѣ.

Дождь все еще шелъ, когда мы послѣ 8-часоваго плаванія, считая отъ Вознесенія, наконецъ остановились въ Подпорожьѣ.

...Глинистая дорога вся размокла отъ дождя; лошади вязли въ грязи, и медленнно катился нашъ тарантасъ. Такое путешествіе не могло быть особенно пріятнымъ; мы стали торопить нашего ямщика. Везшій насъ мужикъ, въ ожиданіи парохода успѣвшій подвыпить, хладнокровно сталъ успокоивать насъ, говоря, что поѣдетъ скорѣе, какъ только дорога будетъ лучше.

Наконецъ началась, по его понятію, хорошая дорога. Разговоры прекратились; онъ выпрямился на облучкѣ и ударилъ по лошадямъ. Лошади быстро понеслись. По нашему мнѣнію дорога была все такая же. Ноги лошадей скользили, не находя себѣ опоры въ жидкой грязи. Комки размокшей глины то и дѣло летѣли на насъ. Тарантасъ подпрыгивалъ, наклоняясь то на ту, то на другую сторону.

„Вѣдь ты такъ вывалишь насъ“, замѣтили мы ямщику.

„Небось, небось, не опру́жу (не вывалю),“ успокаивалъ онъ насъ, оборачивая къ намъ широко

К...
Госуд...
К А Г
КРАЕВЕДЬ...

улыбающееся лицо съ плутовато подсмѣивающимися глазами.

„Не опру́жу, небось,“ повторялъ ямщикъ все съ тою же плутоватой улыбкой, между тѣмъ какъ лошади во весь опоръ скакали по улицѣ деревни Харламовской, привлекая къ окнамъ любопытныхъ.

„Не опружу,“ слышалось то же успокоеніе, когда лошади по отлогому скату мчали нашъ тарантасъ къ берегу р. Шалы или Водлы. Тутъ должна была быть переправа на паромѣ.

„Ишь, хорошо какъ—паромъ какъ разъ сюда ѣдетъ,“ замѣтилъ ямщикъ. „А то ужъ очень долго ждать приходится.“

Паромъ тихо плылъ по рѣкѣ. Наши лошади стояли смирно. Ямщикъ, соскочившій съ облучка, стоялъ, опершись на перила парома, и съ самодовольной улыбкой поглядывалъ на насъ. Между тѣмъ на паромъ то и дѣло наталкивались короткія бревна, которыя медленно плыли по теченію, покрывъ собою почти всю поверхность рѣки. Масса такихъ же бревенъ тихо покачивалась у берега, задержанная его извилинами.

„Лѣсъ гонятъ. Тутъ и Русановскій есть, и Лебедевскій,“ объяснили намъ.

Здѣсь лѣсъ не сплочивается, какъ у насъ, въ большіе плоты, которые плывутъ по рѣкѣ подъ надзоромъ нѣсколькихъ мужиковъ. Срубивъ лѣсъ въ сѣверной части Пудожскаго уѣзда, его пускаютъ плыть по озерамъ и рѣкамъ; черезъ нѣсколько времени прикащики съ лѣсопильныхъ заводовъ, которымъ принадлежитъ лѣсъ вмѣстѣ съ нанявшимися для сплава мужиками, объѣзжаютъ

эти озера и рѣки и собираютъ остановившіяся гдѣ-либо бревна. Требуютъ. однако. что бы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуетъ пароходное движеніе, лѣсъ не оставался несплоченнымъ; поэтому, на извѣстномъ разстояніи отъ Онежскаго озера, лѣсъ останавливаютъ, разбираютъ (у каждаго завода есть свое особое клеймо, такъ что перепутать лѣсъ нельзя) и связываютъ въ плоты. Затѣмъ уже осторожно плавятъ его дальше. наблюдая, чтобы онъ не занималъ собою фарватера.

Опять во весь опоръ несли насъ лошади. Глинистая почва уступила мѣсто песчаной, и насъ, по крайней мѣрѣ, не забрасывало мокрой глиной. Дождь пересталъ; но въ воздухѣ еще стоялъ сѣрый сырой туманъ. Дорога шла то мимо засѣянныхъ пашенъ, то по густому лѣсу съ болотистой почвой, то по краю крутаго обрыва, склонъ котораго поросъ елями и лиственными деревьями.

„Ты знаешь, гдѣ въ городѣ живетъ Кошутинъ?“ спросили мы нашего ямщика. Въ Подпорожьѣ намъ сказали, что у Кошутина можно помѣститься—о гостинницѣ въ Пудожѣ нѣтъ и помину, да и не для кого было бы держать ее.

„Да я самый Кошутинъ и есть,“ усмѣхнулся на насъ ямщикъ.

„Ну вотъ и хорошо. Есть у тебя двѣ комнаты?“

„Есть двѣ: одна большая, другая поменьше. Да вы посмо́трите: коли понравится, остановитесь“.

Потянулось ровное мѣсто; вдали виднѣлась масса сѣрыхъ домовъ; бѣлая церковь съ синимъ куполомъ видѣлялась изъ общаго сѣраго фона.

„Это что за село?“ спросили мы.

„Да это Пудога городъ и есть!“
„Вотъ такъ Пудожъ!“ невольно удивились мы.

* * *

Масса сѣрыхъ домиковъ совершенно однообразной постройки, напоминающихъ собою деревенскія избы, вмѣстѣ съ скромнымъ соборомъ, ютятся на краю крутаго обрыва, спускающагося къ рѣкѣ Водлѣ. Въ перемежку съ домами идутъ огороженныя пашни, засѣянныя овсомъ и рожью, рѣже огороды, принадлежащіе обывателямъ. По прямымъ линіямъ пересѣкаютъ другъ друга узкія улицы, почти что сплошь заросшія травой. На улицахъ непробудный покой; на нихъ мирно пасутся овцы, лѣниво переходя съ одного мѣста на другое; да ребятишки кое-гдѣ собираются около лужъ и со звонкимъ смѣхомъ загорѣлыми ножками мѣсятъ жидкую грязь. Спитъ весь городъ, спитъ съ утра до вечера и съ вечера до утра. Въ окнахъ, уставленныхъ горшками съ дикимъ перцемъ, бобами и фуксіей рѣдко, рѣдко покажется чье нибудь лицо. Но не подумайте, чтобы васъ не видали, потому что вы шли все время по спящему городу или даже вовсе никуда не выходили. Васъ видѣли; откуда, когда—вы этого не можете постигнуть; васъ разглядѣли со всѣхъ сторонъ, про васъ все знаютъ. Но такова уже жизнь въ провинціи—съ этимъ надо мириться. Сплетни, сплетни и сплетни—да что же другое и дѣлать? Гдѣ же тѣ интересы, которые могли бы пробудить нашу провинцію и заставить ее жить, хотя бы ненапряженной дѣятельной жизнью столицы, а отвлечь ее.

по крайней мѣрѣ, отъ глубокаго нравственнаго сна? Теперь Пудожъ спитъ, какъ и всѣ самые плохіе провинціальные городки. Напрасно бы вы искали обывателей на улицахъ—все пусто; даже на такъ называемой Главной улицѣ, которая отличается отъ прочихъ только тѣмъ, что на ней меньше травы и по сторонамъ сдѣланы деревянные мостки вмѣсто тротуаровъ—и на этой улицѣ никакого движенія. Лавки—и тѣ почти всѣ заперты, и. только дернувъ нѣсколько разъ за звонокъ, вы можете вызвать изъ внутреннихъ комнатъ самого торговца, который лѣниво отворитъ вамъ дверь, какъ бы удивляясь самъ такому рѣдкому явленію, какъ приходъ покупателя. Такъ, напримѣръ, для того, чтобы найти щетку для чистки платья, намъ пришлось сдѣлать цѣлое путешествіе по городу, заходя во всѣ лавки, звоня и стуча во многія двери, пока, наконецъ, мы не нашли одну единственную завалявшуюся щетку. Относительно оживленно идетъ торговля въ лавкѣ Базицкаго, куда приходятъ многіе крестьяне за нужными припасами. Базицкій знаменитый гражданинъ г. Пудожа. Имя его очень извѣстно на сѣверѣ: онъ ведетъ большое дѣло и слыветъ «милліонщикомъ». Въ Пудожѣ среди приземистыхъ домиковъ гордо возвышается, подобно дворцу, большой кирпичный домъ его съ красивымъ видомъ на круто извивающуюся Водлу. Базицкому же Пудожъ обязанъ и устройствомъ богадѣльни. Въ Пудожѣ есть и больница и при ней аптечка—зданіе чистенькое, хотя и маленькое. Вообще зданія казенныя отличаются отъ остальныхъ тѣмъ, что они окрашены преимущественно въ свѣтло-коричневую

краску и выглядятъ чище и красивѣе. Недостатокъ жизни и ограниченность потребностей ощущается повсюду: почта идетъ только два раза въ недѣлю и это считается вполнѣ достаточнымъ; тому же можно приписать и вялость торговли; къ тому же можно, пожалуй, отнести и то, что во всемъ Пудожѣ есть только одинъ булочникъ, который взялся печь бѣлые хлѣбы—да и то ему надо заранѣе заказывать ихъ. Для развлеченія обывателей есть библіотека, есть и клубъ. Въ низенькихъ закоптѣлыхъ комнаткахъ мужчины играютъ въ карты, барышни танцуютъ подъ звуки гармоніи. Барышни скучаютъ смертельно и жаждутъ прибытія какого нибудь новаго кавалера.

Первое мѣсто въ Пудожѣ, конечно, занимаютъ чиновники, которые держутся въ сторонѣ своимъ кругомъ. Остальное населеніе исключительно составляютъ мѣщане и ссыльные. Было время, когда Пудожъ былъ почти буквально наводненъ ссыльными поляками. Между ними было много людей состоятельныхъ; жизнь они вели на широкую ногу, устраивали балы и концерты. Городу жилось весело съ этими невольными гостями. Теперь ссыльныхъ въ Пудожѣ относительно мало. Богатыхъ нѣтъ вовсе, а положеніе ссыльныхъ бѣдныхъ очень тяжелое. Вспомоществованіе выдается имъ отъ полиціи въ размѣрѣ 2 р.—6 р. 50 к. въ мѣсяцъ. Понятно, что существовать на эти деньги нельзя. Лѣтомъ многіе изъ нихъ отправляются на лѣсопильные заводы; но трудная работа на заводахъ не всѣмъ приходится по силамъ, и многіе гибнутъ. Зимою бѣдствуютъ окончательно. Въ Пудожѣ ра-

боты нельзя найти, потому что въ каждомъ хозяйствѣ есть достаточно своихъ рабочихъ рукъ. Рѣдко кто изъ жалости дастъ пилить или колоть дрова; заработать въ мѣсяцъ 1 р. или 1 р. 50 к. значитъ, что неслыханное счастье привалило къ удачнику ссыльному.

Такъ описывали намъ бѣдственное положеніе ссыльныхъ сами пудожане.

„И какіе мы мѣщане? Мѣщане—что крестьяне. Всю работу крестьянскую справляемъ," такъ говоритъ про себя коренное пудожское населеніе. И дѣйствительно, когда посмотришь на пудожскихъ мѣщанъ: на ихъ лица, костюмы, на ихъ жизнь и обстановку — невольно приходитъ въ голову вопросъ, какими судьбами, за что, изъ всего этого уѣзда, жребій выпалъ именно жителямъ Пудожа, а не какого-либо другаго селенія именоваться мѣщанами.

Пашни за городомъ, пашни около домовъ – вотъ въ чемъ заключается ихъ главный интересъ. Каждое утро мужчины выѣзжаютъ на сохахъ и боронахъ за городъ; каждый вечеръ возвращается ихъ пестрая толпа на утомленныхъ лошадяхъ. Женщины справляютъ дома работу, какъ и деревенскія бабы: стряпаютъ, ходятъ за скотомъ, возятся въ огородѣ, ходятъ также на полевыя работы. Это тѣ же типы, что въ деревнѣ: рослые, сильные мужики, сильныя, здоровыя женщины, загорѣлыя, лохматыя дѣти въ холщевыхъ, рѣже ситцевыхъ рубахахъ и сарафанчикахъ. Въ разговорѣ, конечно, обнаруживается бо́льшее знаніе городскихъ словъ, болѣе широкій кругозоръ—Петербургская культу-

ра съ внѣшней стороны не осталась безъ вліянія на Пудожъ, а отсюда разносится и по окрестнымъ деревнямъ. Пудожане пьютъ кофе, знакомы и съ иностранными словами, видали многое—но въ сущности остались такими же невѣжественными, какъ и обитатели глухихъ угловъ Олонецкой губерніи.

Домъ Кошутина, у котораго мы остановились, такъ же какъ и остальные дома пудожскихъ мѣщанъ, чрезвычайно сходные съ деревенскими избами—двухъ-этажный. Внизу—въ такъ называемой „подъизбицѣ“, живетъ семья хозяина. Наверху, въ „горницѣ“, спитъ самъ Кошутинъ съ женой. Другія комнаты наверху заняли мы. Кошутинъ толстый, рыжій мужикъ, съ плутоватой усмѣшкой, готовый подчасъ и обмануть кого можно, любящій выпить иногда, веселый въ мѣру, осторожный и никогда не забывающій дѣла. Кошутина рѣдко бываетъ видно дома: онъ то въ лѣсу, или на полѣ за работою, то отбываетъ ямщину. Ему дѣятельно помогаетъ старшій сынъ. Другіе сыновья, два высокихъ рыжихъ мальчугана лѣтъ 12-ти и 13-ти иногда подсобляютъ, но больше бѣгаютъ съ товарищами, и безъ умолку хохоча, подталкивая другъ друга, врываются въ избу, чтобы поѣсть, и затѣмъ съ такимъ же шумомъ исчезаютъ. Младшія дѣвочки цѣлый день возятся съ подругами возлѣ дома. У Кошутина есть еще дочь, 15-ти лѣтняя Поля. Поля весь день на работѣ; за то и рада же она празднику. Съ утра причешется, умоетъ миловидное, немного капризное личико, достанетъ изъ своего сундука новый сарафанъ и кумачную съ широко открытымъ воротомъ и короткими пышными рука-

вами рубашку и куда какой красавицей идетъ на «бесёду» *). Поля уже невѣста; не налюбуется на нее отецъ; мать и бабушка питаютъ таѣныя надежды.

По внутренней лѣстницѣ я спустилась однажды въ „подъизбицу“. Въ широкой комнатѣ было тихо. На лавкахъ и въ углахъ лежало грудой наваленное платье, валялись инструменты и клубки нарѣзанной въ ремни бересты. На столѣ остались неубранными деревянныя чашки, ложки и корки хлѣба. На одной изъ лавокъ сидѣла старуха въ полиняломъ сарафанѣ и платкѣ. Она протянула на лавкѣ ноги и, поставивъ между ними полугодовую дѣвочку, заставляла ее выдѣлывать руками разныя движенія.

„Иди, иди пѣстовать внучку“, сказала она, увидавъ меня, и протянула мнѣ свою морщинистую руку. „Помогай бабушкѣ“.

И затѣмъ, обратясь снова къ дѣвочкѣ, она начала подбрасывать ее, приговаривая:

„Марьюшко! Любанчикъ! Мань-ко! Хорошая дѣвушка будетъ, парни любить будутъ. Скажи: ножки у меня славныя, ручки большія—скоро сосватаютъ! Любушка! Марьюшка! У Пашутки-то ротъ большой, большой — а у нашей Марьюшки ротъ, что у ласточки!“

Вошла 6-лѣтняя дѣвочка.

„Анко, что не уберешь со стола? только и ду-

*) Такъ называется собраніе молодежи въ Пудожскомъ уѣздѣ.

маешь, что бѣгать. Помощница!“—улыбнулась она въ мою сторону, когда дѣвочка съ опечаленнымъ личикомъ, поглядывая въ окно на рѣзвящихся подругъ, стала исполнять приказаніе.

Съ бабушкой мы скоро подружились. „Ахъ ты, боженая,“ встрѣчала она меня всякій разъ—„иди пѣстовать“—а сама улыбалась мнѣ своимъ беззубымъ ртомъ. Бывало сидитъ бабушка около зыбки—сама чинитъ платье семейныхъ, а ногой раскачиваетъ колыбель. Раскричится дѣвочка—бабушка тотчасъ затянетъ колыбельную пѣсню—„байканье“. Но обыкновенно бабушка бесѣдовала со мной. Разсказывала про свою молодость, про Полю, какъ она ходитъ на бесѣды, какъ дѣвушки играютъ тамъ съ парнями, про нашего хозяина, своего ненаглядпаго Пешу, который одинъ остался у нея; наконецъ тихонько повѣряла мнѣ свои невзгоды. свои ссоры съ невѣсткой. Обыкновенно въ комнатѣ не было никого. Изрѣдка только прибѣгали за чѣмъ-нибудь дѣти или пріѣзжалъ на время самъ хозяинъ. Хозяйка была больна и по большей части лежала въ „горницѣ“. Старуха, на обязанности которой теперь лежало самое легкое, по понятіямъ домашнихъ, дѣло: смотрѣть за дѣтьми, наскучивъ сидѣть все одна съ внучкой, была безъ сомнѣнія рада хоть какому-нибудь обществу.

II

На озерѣ Купецкомъ.

***

Медленно двигалась наша телѣга по глинистой, вязкой дорогѣ. Хмурое небо глядѣло на насъ въ узкую просѣку. А то все лѣсъ кругомъ—густой, непроходимый лѣсъ. Сорокъ верстъ лѣсомъ—вотъ дорога на озеро Купецкое. Сначала березнякъ, потомъ сосна и ель. Высоко къ небу устремились зубчатыя верхушки, а внизу такъ густо переплелись нижнія вѣтви, что кажется только съ помощью топора можно пробраться сквозь эту темную сѣтку. По обѣимъ сторонамъ дороги лежатъ простертыми могучіе великаны лѣса: срубленные во время проведенія дороги, они медленно гніютъ здѣсь. Жесткая, на половину болотистая, на половину лѣсная трава, мелкорослый ивнякъ да мохъ покрываютъ бывшіе когда-то мощными стволы. Тутъ и тамъ попадаются вывороченныя съ корнями деревья—цѣлыми рядами лежатъ они. То жертвы вихря, когда онъ съ страшнымъ ревомъ проносится по лѣсу. Лѣсъ тогда шумитъ, гнется, стонетъ; то и дѣло слышится трескъ не устоявшихъ де-

ревьевъ, шелестъ зацѣпившихся за сосѣднее дерево могучихъ вѣтвей — лѣсъ оживился.

Но теперь все тихо кругомъ — безмолвье, безлюдье. Ѣдешь десятки верстъ, не встрѣчая не только ни одного селенія, но даже ни одного человѣка. За то какъ обрадуешься, когда на половинѣ дороги издали замѣтишь человѣческую фигуру. То олончанинъ, пробирающійся изъ одной деревни въ другую, или идущій на свои пашни, или вышедшій, по распоряженію старшины, чинить дорогу. Суровой, но сильной кажется вся его фигура, облеченная въ бѣлесоватый армякъ; голова и шея покрыта „кукелемъ“*), за спиной „крошни“**), въ мускулистыхъ, жилистыхъ рукахъ пила, заступъ или другой инструментъ.

Иногда на краю дороги увидишь такъ называемую „артель“ пильщиковъ — два мужика вмѣстѣ согласились напилить себѣ досокъ. Кромѣ кукеля они надѣли себѣ на лица сѣтки, зажгли костеръ рядомъ, чтобы избавиться хоть немного отъ комаровъ. То выскакиваетъ изъ-за густаго синеватаго дыма, то внезапно исчезаетъ за нимъ быстро движущаяся пила; рѣзкій лязгъ слышенъ еще издали.

Нѣтъ, лѣсъ не мертвъ. Слѣды пребыванія въ немъ человѣка замѣтны. Тутъ и тамъ догораетъ еще несовсѣмъ остывшій костеръ; среди густой сѣни лѣса скромно поднимается крыша низенькой

---

*) „Кукель“—холщевый мѣшокъ, надѣваемый на голову и предохраняющій отъ укушенія комаровъ и мошекъ.

**) „Крошни“— изъ бересты сплетенный мѣшокъ для переноски тяжестей и для сохраненія припасовъ.

лѣсной избушки или „фатєрки“; *) чуть замѣтная тропа убѣгаетъ въ чащу. Трудна борьба съ лѣсомъ, окружившимъ со всѣхъ сторонъ олончанина; за то природа надѣлила его всѣми качествами, необходимыми въ борьбѣ съ ней самой: смѣлостью, упорствомъ, энергіей и находчивостью.

Кто видалъ пашни въ лѣсу — такъ называемыя „лядины“, кто знаетъ, что такое „лядиное“ или подсѣчное хозяйство, тотъ не станетъ сомнѣваться въ силѣ воли олончанина.

Вотъ что такое эта „работа въ лисяхъ“, о которой сами крестьяне говорятъ, какъ о самой тяжелой работѣ. Довольствоваться надѣломъ пахотной земли близъ своего селенія олончанину положительно нѣтъ возможности: онъ слишкомъ малъ— всего $^1/_3$ десятины на душу. Вотъ почему ранней весной, едва только сойдетъ снѣгъ, олончанинъ уже отправляется въ лѣсъ выбирать себѣ мѣсто для лѣсной пашни, такъ называемой „лядины“. Обыкновенно выборъ его падаетъ или на лѣсную поляну, куда легко и удобно было бы свести побольше валежнику, или же на мѣсто, поросшее осиной, березой, вообще лиственными породами. Просохнетъ немного земля—и вся семья крестьянина отправляется на работу. Идутъ молодые и старые, женщины и подростки. Женщины вооружаются такъ называемыми „женскими топорами“

*) „Фатерки“ или „лѣсныя избушки“ ставятся въ лѣсу для ночлега крестьянъ, уходящихъ въ лѣсъ на работу, иногда на цѣлую недѣлю. Въ нихъ находятъ себѣ пріютъ и запоздавшіе охотникъ и путникъ.

или „косарями“ (длинный согнутый ножъ, у котораго лезвіе находится съ внутренней стороны), и для удобства переодѣваются въ лѣсу въ мужской костюмъ*). Уходитъ семья изъ дому въ понедѣльникъ, обыкновенно на цѣлую недѣлю. Съ шутками, смѣхомъ и говоромъ уходятъ въ лѣсъ эти неутомимые работники; еще веселѣе они возвращаются домой. Въ лѣсу работа кипитъ съ утра до вечера. Рубятъ маленькія деревца, срубаютъ нижнія и верхнія вѣтки съ большихъ деревьевъ. На ночь возвращаются домой только въ томъ случаѣ, если своя деревня близка. Въ противномъ случаѣ ночуютъ въ „фатеркѣ“. Она обыкновенно тѣсна и низка до того, что стать въ ней взрослому нѣтъ никакой возможности. Въ эту-то „фатерку“ вползаютъ рабочіе и здѣсь находятъ ночной пріютъ. Но бичъ олонецкихъ лѣсовъ — комаръ и мошка, мучившіе ихъ впродолженіи цѣлаго дня, зачастую не даютъ имъ уснуть. Часто, потерявъ терпѣніе, олончанинъ зажигаетъ березовую вѣтку и накалившимися листьями прижигаетъ свои раны. Часто за десятки верстъ онъ бѣжитъ въ свою деревню попариться въ банѣ — единственное почти средство, по мнѣнію крестьянъ, облегчить эти ужасныя страданія.

Кончилась подготовка работы на лядинѣ: срубаніе вѣтокъ и деревьевъ — и олончанинъ оставляетъ ее до будущаго года. Получившаяся куча валежника успѣваетъ высохнуть до слѣдующаго

*) Также поступаютъ и при рыбной ловлѣ, когда женщинѣ подчасъ приходится ходить по поясъ въ воду.

лѣта. Тогда снова является сюда хозяинъ ея съ домашними; лядина поджигается со всѣхъ сторонъ; горитъ валежникъ, коробятся и трещатъ листья, искры взлетаютъ вверхъ — и среди этого пламени, среди ѣдкаго густаго дыма ходятъ владѣльцы лядины, переворачивая сучья и бревна, не давая гаснуть огню до тѣхъ поръ, пока не испепелится весь валежникъ. Эта работа, большей частью, отражается на глазахъ, которые потомъ страдаютъ воспаленіемъ.

Вспахиваютъ лядину сохой особеннаго устройства, которая не глубоко забираетъ землю. Боронуютъ особенной, олонецкой бороной, сдѣланной изъ толстыхъ сучьевъ сосны. снабженныхъ многочисленными мелкими сучками. Такіе сучья расщепляютъ и обращаютъ всѣми сучками внизъ, которые такимъ образомъ замѣняютъ желѣзные зубцы нашей бороны.

Много труда стоитъ олончанину его пашня, но она вознаграждаетъ его хорошо, возвращая ему его посѣвъ иногда самъ 20.

По своему внѣшнему виду лядины съ особенной мягкой сѣроватой зеленью, свойственной злакамъ, сквозь которую проглядываютъ черные, обгорѣвшіе пни, съ высоко выдвигающимися бѣлыми и сѣрыми стволами березъ и осинъ представляютъ вполнѣ оригинальную картину.

... Но вотъ послѣ долгаго пути сосновымъ боромъ мѣстность принимаетъ болѣе веселый характеръ. Лиственный лѣсъ такъ свѣжъ, такъ сочень. На прозрачномъ вечернемъ небѣ покоятся недвижныя листья. Закатъ золотитъ верхушки лѣса;

ниже лучи его не могутъ проникнуть сквозь густую зеленую чащу; иногда только за поворотомъ дороги, сквозь болѣе рѣдкія деревья мелькнетъ оно, и снопъ золотыхъ лучей внезапно ослѣпитъ глаза. Спитъ темная неподвижная вода въ маленькихъ болотцахъ по краямъ дороги. Уже покрылись тѣнью мелкорослыя березы и ивы, торчащія изъ нихъ и густая трава на опушкѣ. Ландыши въ полномъ цвѣту—сильный сладкій запахъ ихъ сопровождаетъ насъ. Вечерняя сырость начинаетъ чувствоваться въ воздухѣ.

Вдали заблестѣло озеро Купецкое. Точно зеркальце брошено оно среди березовыхъ рощъ. На берегахъ сѣрыми пятнами выступаютъ деревни. Высоко поднимается бѣлая колокольня „погоста". Всѣ контуры сливаются въ мягкомъ свѣтѣ заката. Небо блѣднѣетъ—все готовится къ тихой бѣлой ночи.

Вотъ потянулись уже изгороди. По дорогѣ встрѣчаются группы бабъ и мужиковъ, возвращающихся съ работы. Вотъ уже промелькнули первыя избы деревни Авдѣевской. Сразу осаживаетъ ямщикъ лошадей передъ волостнымъ правленіемъ Авдѣевской волости.

Печку въ избѣ только что затопили и отдушину еще не открывали. Густой дымъ стоялъ въ комнатѣ; едва замѣтно передвигались его синеватыя, прозрачныя волны. Какія-то лица съ любопытствомъ оглядывали насъ, какія-то фигуры выступали въ полумракѣ. Ихъ прибывало съ каждой минутой: вся деревня бѣжала въ домъ волостнаго правленія. Мы между тѣмъ сидѣли во второй комнатѣ,

т. н. „горницѣ“, въ ожиданіи хозяевъ, которыхъ не было дома. Ежеминутно въ дверяхъ показывались новыя лица.

Высокая женщина сердито прогнала однако большинство посѣтителей.

Я вышла въ первую комнату, „фатеру“. Меня тотчасъ же обступило нѣсколько бабъ и дѣтей. Стали разглядывать платье, обувь, часы—все. Схватились за браслетъ.

„А это что?“

„Точно перстенечекъ, вишь — только на рукѣ носитъ. У насъ того нѣтъ.“

„Ты—большуха?“, спросила я ту высокую сердитую женщину, которая избавила насъ отъ любопытства своихъ односельчанъ.

Ее немного передернуло; рука быстро оставила мой браслетъ, занимавшій ее до сихъ поръ, и она отвернувшись проговорила.

„Большуха рыбу ловить пошла на озеро. Кто-жъ и пойдетъ? Мы въ лисяхъ были—устали“

Впослѣдствіе только мы узнали, что большуха и она сильно враждовали между собою.

„А гдѣ же хозяинъ?“

„Въ байнѣ; всѣ они теперь въ байну пошли. А потомъ мы, бабы, пойдемъ. У насъ почитай кажный день байну топятъ.“

Пришолъ наконецъ самъ хозяинъ. Высокій, слегка сгорбленный старикъ, съ печатью достоинства на лицѣ, обрамленномъ прямыми сѣдыми волосами и сѣдой бородою, съ умнымъ и проницательнымъ взглядомъ, онъ производилъ крайне пріятное впечатлѣніе. Въ волости онъ пользовался большимъ

уваженіемъ. Его домъ—полная чаша, и „гоститься“ съ нимъ, то-есть водить съ нимъ знакомство считалось большой честью. У него всякій находилъ гостепріимный пріютъ. Долгое время онъ былъ волостнымъ старшиной, пока самъ не отказался отъ этой должности. Но и до сихъ поръ его слова и совѣтъ имѣютъ большой вѣсъ. Онъ помнитъ хорошо Гильфердинга.

Узнавъ о прибытіи гостей, онъ немного только смутился, натянулъ на себя „пинджакъ“, такъ какъ быть въ одной рубашкѣ безъ „пинджака“ считается несовсѣмъ приличнымъ, и наконецъ предсталъ передъ нами.

Четверть часа спустя онъ ласково, хотя серьозно, бесѣдовалъ съ нами за кипящимъ самоваромъ.

* * *

Семья Мошниковыхъ—такъ звали нашихъ Авдѣевскихъ хозяевъ—состояла изъ десяти членовъ. Это была такъ называемая „большая семья“, гдѣ жили вмѣстѣ дѣти трехъ умершихъ братьевъ. Во главѣ стоялъ сынъ старшаго брата, Ѳеодоръ Гавриловичъ—большакъ. Ѳеодоръ Гавриловичъ уже старъ, женатъ во второй разъ на молодой вдовѣ лѣтъ 20—30—Авдотьѣ Ѳеодоровнѣ. У него нѣтъ дѣтей. Но жена его не тужитъ объ этомъ. „Да и къ чему дѣти? только лишняя забота. У нея и безъ того дѣла много“. Она помогаетъ мужу въ его красильнѣ (Ѳеодоръ Гавриловичъ беретъ на домъ холстъ и краситъ его въ кубовый цвѣтъ съ разными рисунками по 1 к. за аршинъ). Кромѣ

того она большуха—нужно стряпать на всю семью, надо съумѣть распредѣлить всѣмъ работу. Большуха должна не только быть дѣльной, умной и работящей, но ей необходимъ еще тактъ въ обращеніи со всѣми членами семьи. Авдотья Ѳеодоровна держитъ мужа въ рукахъ: онъ слѣдуетъ ея совѣтамъ; она даже взяла ключъ отъ сундука, гдѣ у него хранятся деньги и порой осмѣливается требовать отъ него отчета въ затратѣ ихъ. Но къ чему ей показывать явно свою власть и тѣмъ вооружить противъ себя самолюбиваго мужа? Авдотья Ѳеодоровна, какъ большуха, можетъ всѣхъ заставить дѣлать, что хочетъ. Но она дѣлаетъ это ласково, привѣтливо. Она даже поступится иногда своими правами: пойдетъ ловить рыбу, доить коровъ, дать корму овцамъ, вмѣсто того, чтобы поручить это кому-нибудь. Она никогда сразу не выскажетъ своей мысли, не узнавъ сначала мнѣнія и расположенія собесѣдниковъ; иногда она отдѣлывается рѣзкимъ, сдержаннымъ смѣхомъ, звучащимъ непріятно, неестественно, или протянетъ полувопросительное, полуутвердительное „ну“. Авдотья Ѳеодоровна образцовая хозяйка: все у нея въ порядкѣ, все чисто, всего вдоволь—домъ Мошниковыхъ ставится въ примѣръ въ окрестныхъ деревняхъ. Сама она оживленная, вѣчно веселая, вѣчно въ хлопотахъ. Одаренная въ высшей степени практическимъ умомъ, она еще потому получила навыкъ въ обращеніи, что въ ихъ домѣ всегда останавливаются проѣзжіе чиновники. Ходитъ она въ простомъ ситцевомъ сарафанѣ, съ низко-открытымъ воротомъ и широкими короткими рукавами

выше локтя. Ключи, обыкновенно ввѣряемые только большухѣ, привязаны къ помочамъ сарафана и спрятаны за пазухой. Въ праздникъ надѣваетъ она шерстяной сарафанъ и сверху закрытую кофту, потому что „не ладно такъ-то въ рубашкѣ“. Есть у нея и „подзоръ“ *) на голову, богато шитый жемчугомъ; но онъ бережется только для самыхъ большихъ праздниковъ.

Большая семья на первый взглядъ производитъ замѣчательно пріятное впечатлѣніе стройности и порядка. конечно, если во главѣ ея стоятъ умные большакъ и большуха. Вы видите передъ собою огромную машину, въ которой отдѣльные колеса, блоки и винты движутся постоянно въ опредѣленномъ для нихъ пространствѣ, не задѣвая другъ друга. Каждый имѣетъ свое назначеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ получается стройное цѣлое. Рано утромъ встаетъ семья и тотчасъ требуетъ „обѣда“. Большуха накормитъ ихъ, дастъ хлѣба въ запасъ, и вся семья отправляется на работу. Большакъ и большуха въ богатыхъ семьяхъ остаются дома. Стряпать на всю семью—эта обязанность лежитъ исключительно на большухѣ. „Я пять лѣтъ хлѣбы пеку“ равносильно выраженію: „я пять лѣтъ состою большухой“. Въ богатой большой семьѣ, гдѣ не дорожатся каждымъ кускомъ, стряпать приходится много: каждый день печь хлѣбы и „рыбники“ **),

---

*) „Подзоръ“—женскій головной уборъ, обыкновенно украшенный мѣстнымъ жемчугомъ. (Въ Олон. губ., въ рѣкахъ водится мелкій жемчугъ; въ Судожск. у., жемчугъ привозятъ также изъ Арханг. губ.).

**) „Рыбники“—пироги съ запеченной въ нихъ рыбой.

замѣшивать огромное количество сыраго тѣста **), по праздникамъ изготовить на всю семью пироги съ толокномъ и оладьи, калитки ***), крендели и овсяные блины. Аппетитъ у всѣхъ этихъ работниковъ уравновѣшиваетъ израсходуемыя на трудной работѣ силы. Но все-таки работа большухи можетъ считаться отдыхомъ въ сравненіи съ трудомъ прочихъ членовъ семьи. Кромѣ того у нея остается еще много свободнаго времени, которое она можетъ употребить на себя. Но вотъ наступаетъ вечеръ, и возвращается изъ лѣсу утомленная семья. Сбрасываютъ съ отекшихъ ногъ берестяные лапти; крошни и топоры живо складываются въ сторону; армяки летятъ на лавки—семья прежде всего требуетъ ѣсть. Теперь наступаетъ чередъ большухи. Быстро ходитъ она взадъ и впередъ, тащитъ горшки съ сырымъ тѣстомъ, достаетъ свою стряпню изъ печки. Надо не только накормить семью—надо и убрать за нею оставшіеся куски, вымыть посуду, приготовить „мякушекъ“ (круглые черные хлѣбы) на завтрашній день. Иногда кромѣ того приходится топить баню. Другіе члены семьи не вмѣшиваются въ эти дѣла, не помогаютъ большухѣ; иногда даже шутливо торопятъ ее: теперь насталъ ихъ чередъ отдыхать, а ея чередъ работать—все это въ порядкѣ вещей.

Такъ съ внѣшней стороны стройно и гармонично идетъ жизнь большой семьи. Не то на са-

**) Сырое тѣсто—замѣшивается овсяная мука съ водой; ее оставляютъ киснуть весь день; это кислое тѣсто составляетъ одно изъ любимыхъ кушаній крестьянъ Пудожск. уѣзда.

***) Калитка—лепешка изъ гречневой муки съ пшеномъ, имѣющая видъ ватрушки; очень прѣсна на вкусъ.

момъ дѣлѣ. Неравенство отношеній между отдѣльными членами, большія права большака и большухи съ одной стороны и масса обязанностей подчиненныхъ членовъ съ другой даютъ себя чувствовать и отзываются на взаимныхъ отношеніяхъ. Возникаетъ недовольство другъ другомъ—мелкія дрязги, интриги ведутся въ этомъ маленькомъ міркѣ. Исключены изъ нихъ развѣ маленькія дѣти, къ которымъ олончане вообще чувствуютъ большую нѣжность.

Ѳеодоръ Гавриловичъ бездѣтенъ. Послѣ его смерти мѣсто большака займетъ его братанъ (двоюродный братъ), Аверіанъ Марковичъ. Онъ тоже уже старикъ—съ виду очень добродушный—избѣгаетъ разговоровъ въ присутствіи Ѳеодора Гавриловича. Можно подумать, что онъ не уменъ. Стоитъ однако уйти Ѳеодору Гавриловичу, какъ языкъ у него развяжется и онъ выскажетъ такія здоровыя, серьозныя мысли, какихъ вы никогда не ожидали отъ него. Его жена держитъ себя также въ сторонѣ. Она высокая, сухощавая баба, вѣчно старается сказать колкость Авдотьѣ Ѳеодоровнѣ, и злобно сверкаютъ ея злые сѣрые глаза всякій разъ, когда при ней оказывается какое либо предпочтеніе большухѣ. Видно, что властолюбивый, сдержанный характеръ ея въ концѣ испортился въ этой глухой борьбѣ, и она хоть въ мелочахъ старается выказать свою самостоятельность. Она рано или поздно будетъ большухой и тогда съумѣетъ выместить на Авдотьѣ Ѳеодоровнѣ свое теперешнее униженіе.

Помню, разъ вечеромъ, мы съ хозяйкой стояли на крыльцѣ. Къ намъ подошла молодуха, недавно

только вышедшая замужъ за одного изъ братановъ хозяина, Ефима. и сестра этого Ефима—Ганя, 30-ти лѣтняя дѣвушка, невышедшая замужъ вслѣдствіе прирожденной глупости.

„Знаешь что?“ смѣясь, сказала мнѣ хозяйка. „Ганя наша въ Питеръ собирается.“

„А что? не пойду, думаешь?—пойду, что тутъ то дѣлать?“ отвѣтила Ганя.

„Пойди ты, дура, куда ужъ тебѣ въ Питеръ? Изъ Питера къ намъ солдатка пришла,—наболтала ей“, обратилась хозяйка ко мнѣ—„теперь собирается.“

„Да безпремѣнно уйду—твой то не вѣкъ проживетъ. А съ той то, большухой. проживешь нешто?“

Лицо хозяйки сдѣлалось суровымъ. Молодуха безпомощно взглянула на нее.

„И ты со мной пойдемъ—тебѣ что тутъ дѣлать? Большухой то небось она будетъ“, энергично замахала руками Ганя.

„А что дѣлать? вотъ что: красить буду. Думаешь, задаромъ училась?“ съ сдержаннымъ спокойствіемъ сказала хозяйка.

„Думаешь, не знаю, что ли? Шла. такъ знала, что недолго проживетъ мой-то. Уйду отъ васъ—красить сама буду“, продолжала она.

„Дунюшка“! послышался изъ сѣней голосъ большака. Улыбка, нѣсколько принужденная, появилась на лицѣ Авдотьи Ѳеодоровнѣ. и она кинулась на зовъ.

Какъ мало истиннаго сочувствія существуетъ теперь между членами семьи, это показало намъ слѣдующее происшествіе. Молодуха, сильная и здоровая женщина, внезапно захворала лихорадкой.

Только мужъ ея, Ефимъ, сильно безпокоился о ней. Ему нельзя было не идти въ лѣсъ на работу, а покинуть молодую жену было тяжело. Ефимъ—мужикъ 27 лѣтъ. Тихій, безотвѣтный, углубленный въ себя, онъ всю жизнь бѣгалъ отъ дѣвушекъ, пока наконецъ, посланный зачѣмъ-то въ Шальскій погостъ, онъ не полюбилъ вдругъ веселую, бойкую Хавронью. Ефимъ и теперь ни на кого не смотритъ, избѣгаетъ всякаго общества и не наглядится на жену. Тяжело было ему оставлять больную Хавронью. Она вся въ жару лежала на скамьѣ у двери и громко стонала. Никто не обращалъ на нее вниманія. Большуха сердито ходила взадъ и впередъ.

„Что, не знаю, что-ли? Тоже вѣдь: любитъ похать. Работать въ лѣсъ не надо ходить. Ну, и поваляется.“

Фельдшеръ, за которымъ послали по нашимъ убѣжденіямъ, прислалъ сказать, что онъ знаетъ, что это лихорадка, но такъ какъ хины ему не прислали изъ городской аптеки, то онъ и считаетъ излишнимъ прійти. Послали сказать фельдшеру, что хина есть у насъ. Послѣ этого фельдшеръ сталъ навѣщать молодуху каждый день. „Такъ то при васъ онъ ходитъ,“ сообщили намъ. „Нешто такъ часто сталъ бы ходить? Иной разъ зовешь его—кланяешься—не идетъ.“ Надо замѣтить, что фельдшеръ живетъ тутъ же рядомъ.

Молодуху приходили навѣщать сосѣдки. Онѣ чаще всего соболѣзновательно качали головой, сидя у ея изголовья, и удивлялись, какъ это вдругъ попритчилось съ ней. Многія приносили ей гостин-

цевъ—моченой брусники и клюквы, пироги съ толокномъ и т. п. Молодуха тщательно прятала все это отъ большухи подъ лавкой или подъ изголовье, такъ какъ знала, что фельдшеръ предписалъ ей строгую діэту. Ничто однако не могло убѣдить ни ее, ни бабъ не дѣлать этого. „Вы тамъ по своему—мы по старому, по нашему", важно отвѣчали на наши представленія бабы.

Но если члены большой семьи такъ страшно враждуютъ между собой и въ мелочной борьбѣ стараются выдвинуть впередъ свои собственные интересы, то надо имъ отдать справедливость — они исключаютъ изъ этой общей вражды дѣтей. Этихъ младшихъ членовъ семьи всѣ любятъ, всѣ балуютъ — въ нихъ точно всѣ находятъ отраду жизни.

Въ семьѣ Мошниковыхъ не было дѣтей совсѣмъ маленькихъ — были только подростки.

Вотъ растетъ будущій большакъ въ лицѣ 11-лѣтняго Павлухи, сына Аверьяна Маркыча. Тоненькій мальчикъ, съ правильними чертами лица и свѣтло-карими умными глазами, Павлухо смотритъ такимъ счастливымъ, такимъ довольнымъ, какимъ можно выглядѣть только при дѣйствительно хорошей жизни. Нѣжно поглядываетъ на него отецъ подслѣповатыми, мигающими глазами; даже холодное, вѣчно недовольное лицо его матери проясняется при его видѣ. Ѳеодоръ Гавриловичъ съ важностью, какъ бы неохотно, но съ затаенной гордостью говоритъ: „Ничего паренекъ—вотъ грамотѣ научился, второй годъ теперь въ училище ходитъ".

„Помощникъ", улыбается Авдотья Ѳедоровна,

„какъ же? — помогаетъ въ работѣ: бороновать ѣздилъ сегодня.“

Павлуху не принуждаютъ работать: онъ еще маленькій въ глазахъ семейныхъ; кромѣ того у Мошниковыхъ нѣтъ нужды въ рабочихъ рукахъ. Онъ самъ взялся за боронованье и. хотя отецъ и Ѳеодоръ Гавриловичъ, какъ будто мимоходомъ, замѣчаютъ: „Попривыкнетъ по-маленьку такъ то“ — можно легко по ихъ тону замѣтить, что они видятъ въ этой рѣшимости мальчика работать выдающееся качество. И стоитъ посмотрѣть на Павлуху, когда онъ, окончивъ свою работу, возвращается домой, побѣдоносно возсѣдая верхомъ на лошади и стараясь всѣми силами показать, что онъ не придаетъ никакого значенія только что оконченному дѣлу, между тѣмъ какъ все его лицо сіяетъ гордостью и торжествомъ.

Павлуху часто видишь дома — всего чаще старается онъ подогнать свое возвращеніе домой ко времени чаепитія семьи. До чая онъ страшный охотникъ. Всѣ это знаютъ и подчасъ дразнятъ его этимъ.

„Такой-то любитель у насъ — сколько хочешь выпьетъ“. смѣется бывало Авдотья Ѳеодоровна. „Такъ вѣдь, Павлухо?“

Павлухо ничего не отвѣчаетъ, но оборачивается къ окну, между тѣмъ какъ въ его глазахъ уже блестятъ слезы обиды.

„Онъ вѣдь у насъ плакса — ото всего плачетъ. Павлухо, хочешь еще чаю?“

Павлухо, обиженно отвернувшись, вытираетъ слезы, но все-таки подаетъ пустую чашку боль-

шухѣ. Со слезами же онъ принимаетъ ее обратно, со слезами дуетъ на горячій чай и пьетъ чашку за чашкой.

И никто не бранитъ мальчика, никто на него не сердится — только снисходительно подчасъ кивaютъ на него головой: „Малъ еще — глупъ".

Сверстница Павлухи 13-лѣтняя Марьюшка пользуется сравнительно меньшей любовью семьи.

Она сестра придурковатой Гани, именно вслѣдствіе этого невышедшей замужъ, и семья знаетъ, что и эта дѣвочка подаетъ мало надеждъ и, пожалуй, подобно 30 лѣтней сестрѣ останется на ея рукахъ. Это худенькая, стройная дѣвочка, дикая и недовѣрчивая, принимающаяся съ жаромъ за работу, но скоро утомляющаяся. Бѣлокурые волосы, которые она рѣдко причесываетъ, несмотря на частыя замѣчанія Авдотьи Ѳеодоровны, то и дѣло выбиваются изъ-подъ головнаго платка; черные глаза то сверкаютъ смѣлостью и веселостью, то принимаютъ внезапно печальное утомленное выраженіе; губы всегда плотно сжаты, будто боятся проронить лишнее слово; если же онѣ впезапно раскроются для веселаго, порывистаго смѣха, васъ ослѣпятъ своей бѣлизной крѣпкіе, правильные зубы. Марьюшка уклоняется отъ всякой ласки; недовѣрчиво, кажется, относится ко всей семьѣ. Вся отрада ея жизни заключается въ игрѣ въ мячъ, въ которой она достигла совершенства и которой предается съ страстнымъ увлеченіемъ. Любитъ она также и купанье со сверстницами и другія забавы, гдѣ можно показать свою удаль и ловкость.

Но вотъ и третій подростокъ—15-лѣтній Ваня. Какимъ образомъ попало въ эту семью, среди чисто великорусскихъ лицъ, это финское лицо? А оно чисто финское: блѣдное съ отвислыми губами, съ глазами свѣтлыми, почти бѣлыми, обрамленное прямыми волосами, жесткими и желтыми. Но въ этомъ лицѣ, не носящемъ на себѣ отпечатка особеннаго ума, было такъ много самой добродушной веселости, что его любили всѣ. Для него все какъ то живѣе дѣлалось, чѣмъ для другихъ: ему скорѣе подавали ѣсть, ему плелись лапти, съ особеннымъ удовольствіемъ чинилось платье. И Ваня, принимая все это какъ должное, часто понукалъ другихъ сдѣлать ему то или другое; но онъ дѣлалъ это такъ весело, такъ безобидно, что никто не думалъ сердиться на него. Да и потѣха была съ этимъ Ваней: никто не смѣялся такъ весело, какъ онъ; никто такъ не насмѣшитъ во-время кинутой шуткой, кстати сказаннымъ словомъ. Ваня кромѣ того отлично игралъ на пастушьей трубѣ, умѣлъ играть и на гармоніи.

„Эхъ ты, Ваня, какой!“ толкнетъ его бывало въ бокъ молодуха Хавронья послѣ какой нибудь выходки Вани,—и все лицо ея дрожитъ отъ смѣха. Кругомъ сидятъ другіе члены семьи и всѣ довольны случаю посмѣяться.

„Ишь вѣдь, какой онъ у насъ вострый. Думаешь что? Ефимъ у насъ бывало и на дѣвушекъ не глядѣлъ, а у этого всего и думъ, что о „бесёдѣ“ – не таковъ будетъ“—говорила мнѣ Авдотья Ѳеодоровна, съ улыбкой указывая на Ваню.

* * *

Мы скоро сблизились съ нашими хозяевами. Происходили ежедневно взаимныя угощенія: насъ поили кофеемъ *), свареннымъ въ горшкѣ, кормили „сычнями“ (соченки) съ сахаромъ, толокномъ, овсяными блинами, оладьями — однимъ словомъ всѣми праздничными кушаньями; мы въ свою очередь, угощали чаемъ съ вареньемъ и бѣлымъ хлѣбомъ, привезеннымъ изъ города. Даромъ, что хлѣбъ успѣлъ уже почерствѣть—онъ все-таки былъ въ диковинку деревенскимъ жителямъ. Одна старуха просила насъ дать ей хоть корочку этого хлѣба, чтобы отнести своей больной дочери. При чаепитіи соблюдались извѣстныя формальности. Сидѣть ближе къ переднему углу считалось большой честью—отъ нея скромно отказывались, но бывали очень рады, если настаивали на упрашиваньѣ. Женщины сидѣли отдѣльно, за другимъ столомъ, если присутствовали мужчины. Кажется, очень удивлялись, что я садилась рядомъ съ братомъ. Впрочемъ, чаще всего я подсаживалась къ женщинамъ, что доставляло имъ большое удовольствіе. Пили помногу—по 10 или 12 стакановъ безъ остановки. Класть сахаръ въ чай считалось также бо́льшимъ почетомъ, чѣмъ давать его въ прикуску.

Съ большухой я часто предпринимала длинныя прогулки. „Погоди“, шепнетъ она мнѣ бывало—

*) У употребленіе кофе въ Пудожск. у. быстро распространяется. Онъ пришелся по вкусу пудожанамъ. Случается, что бѣдные ходятъ просить у богатыхъ „на кофе“.

коль мой то съ брателкой твоимъ—красить, значитъ, не будетъ. Пойдемъ и мы съ тобой". Или въ другой разъ: „погоди, уберусь я маленько—ужо, пойду съ тобой". Черезъ 5 минутъ уже видишь—летитъ Авдотья Ѳеодоровна. „Пой теперь! Теперь можно!" Одернетъ быстрымъ движеніемъ сарафанъ, возьметъ меня подъ руку—и мы уйдемъ за деревню.

Озеро Купецкое не велико **), но, окруженное довольно возвышенными берегами, необыкновенно красиво. Все оно, съ лѣсами, окружающими его, съ деревнями, ютящимися на его берегахъ, какъ-то миніатюрно и изящно. Сколько разъ оно, бывало, измѣнитъ свой видъ, сообразно погодѣ и освѣщенію. Прелестно оно, когда яркое золото утренней зари зальетъ его. Пожалуй, еще красивѣе, когда вдали, за березовой рощей садится солнце—небо блѣднѣетъ ежеминутно, принимая лиловато-розовый оттѣнокъ на западѣ—и весь небосклонъ со своими измѣнчивыми, но нѣжными тонами кажется опрокинутымъ на недвижной, готовящейся къ ночному отдыху глади. Но вотъ, просыпаешься утромъ, бѣжишь къ озеру, еще полная впечатлѣнія вчерашняго мирнаго вечера— и не узнаешь его. За послѣдней избой ударилъ въ лицо сильный порывъ сѣвернаго вѣтра—онъ прерываетъ дыханіе, леденитъ своими холодными объятіями. А озеро—что сталось съ нимъ? Свинцовыя волны, увѣнчанныя зловѣщими бѣлыми гребнями, несутся къ берегу. Свинцовое небо мрачно повисло надъ головой; на его

*) Около $4^1/_2$ вер. въ длину.

темномъ фонѣ величественно выдѣляется бѣлая колокольня Бураковскаго погоста. Шумитъ, реветъ озеро—неприглядно, непріютно. „Сѣверикъ дуетъ—и рыбу ловить нельзя ѣхать“, говорятъ мужики, у которыхъ нѣтъ большихъ лодокъ, способныхъ выдержать такое волненіе.

За самой деревней Авдѣевской идутъ пашни Не тянутся онѣ до горизонта зеленымъ волнующимся моремъ, какъ у насъ—столько мѣста лѣсъ не уступаетъ олончанину. Тутъ же темной стѣной стоитъ онъ на стражѣ, ограничивая ту небольшую равнину, на которой расположены пашни. Но и этому небольшому сравнительно клочку земли, который предоставленъ имъ, онѣ придали необыкновенно свѣжій, привлекательный видъ. Какъ мягко сквозятъ солнечные лучи сквозь ихъ низкую еще зелень; какими прелестными тѣнями пробѣгаютъ по ихъ волнующейся поверхности гонимыя вѣтромъ облака. Дальше тянется лѣсъ, мѣстами лиственный, мѣстами хвойный. А тамъ, пройдешь версту, другую—начинаются уже изгороди сосѣдней деревни, пойдутъ опять пашни вплоть до избъ.

Большуха водитъ меня всюду. Показываетъ баню, амбаръ, *) въ которомъ стоятъ огромные сундуки съ толокномъ и мукой всѣхъ родовъ и гдѣ

---

*) Бани въ Шудожск. у. строятся двумя тремя хозяевами вмѣстѣ. Возятъ лѣсъ и строятъ сообща; топятъ же поочереди. Бани представляютъ изъ себя просто деревянный срубъ, съ земляным поломъ и со сложенной въ одномъ углу каменкой. Амбары, гдѣ хозяйки хранятъ свои припасы—низкія строенія, въ которыхъ, однако, умѣщаются два этажа, оба заставленные огромными ящиками для храненія муки, зерна и пр.

на полкахъ рядами положены высушенные и прессованные сыры,—водитъ на огородъ, засѣянный рѣпой и съ особенной гордостью указываетъ на картофель, который относительно недавно началъ прививаться среди пудожскихъ крестьянъ.

„А въ рощѣ нашей была, гдѣ часовня? Вотъ куда тебя надо сводить“.

Замѣчательно, что окруженные со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, крестьяне съ такой любовью относятся къ небольшой, состоящей изъ нѣсколькихъ деревьевъ рощицѣ, окружающей часовню. Такую любовь къ этимъ такъ называемымъ „священнымъ рощамъ“ мы замѣчали и въ другихъ мѣстахъ. Обыкновенно наше вниманіе обращали на эти рощи, указывая на ихъ красоту. Нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно отличались своимъ живописнымъ мѣстоположеніемъ, какъ напр. священная роща около деревни Шишкино на Кенозерѣ. Другія ничѣмъ не отличались, но народъ все также восхвалялъ ихъ.

На ряду съ любовью къ своимъ священнымъ рощамъ среди крестьянъ замѣчается и большое уваженіе къ нимъ. Въ священной рощѣ никто не смѣетъ рубить деревьевъ. Нерѣдко случалось намъ слышать разсказы о томъ, какъ посягнувшіе на деревья такихъ рощъ были наказаны отнятіемъ рукъ или ногъ. Замѣчательно также, что иногда разростающейся рощѣ крестьяне даютъ мѣсто, даже если отростки деревьевъ выростаютъ на пахотной землѣ. „Гуляшки“, т. е. собранія молодежи въ день праздника церкви или часовни извѣстной деревни также чаще всего происходятъ въ этихъ рощахъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ мѣстами, освященными раньше языческими святилищами, теперь же христіанскими часовнями. И какъ раньше во времена язычества на этихъ мѣстахъ происходили гульбища, такъ и теперь молодежь идетъ веселиться подъ сѣнь той же самой рощи, не подозрѣвая объ ея прежнемъ значеніи. Можетъ быть многія изъ этихъ рощъ недавняго относительно происхожденія: народъ, вспоминая старину, насаживаетъ деревья вокругъ новопостроенной часовни, и такимъ образомъ образуется новая роща. Иногда вокругъ часовень расположено и кладбище—чаще же всего часовня стоитъ одна посреди рощи. Праздникъ того святаго, въ честь котораго она построена, глубоко чтится и считается праздникомъ деревни, подобно храмовому. Иногда, если роща находится около воды, служится молебенъ съ водосвятіемъ, и народъ тотчасъ послѣ освященія воды, бросается въ струи озера купаться „для здоровья“. Эти купанья происходятъ не только лѣтомъ, но и зимой, если праздникъ приходится въ зимніе мѣсяцы. Преимущественно же купанья происходятъ въ слѣдующіе дни: въ праздникъ перваго Спаса, или, какъ тутъ называютъ—въ Спасъ-Маккавіевъ, въ Крещеніе, въ дни памяти св. Макарія Унженскаго (26-го іюля), св. Пахомія (8-го сентября), Тихвинской Б. М., Іоанна Крестителя и на Николу вешняго и осенняго. Купаются по „завѣщанію“, т. е. по обѣту, который иногда даютъ и за малолѣтнихъ дѣтей, и который эти послѣдніе должны свято хранить. Иногда обѣтъ купаться въ извѣстный праздникъ дается на цѣлую

жизнь, и связанный имъ пудожанинъ идетъ иной разъ за десятки верстъ въ отдаленную деревню на праздникъ, чтобы исполнить его.

Авдѣевская роща, состоящая изъ нѣсколькихъ елокъ, темные хвои которыхъ прекрасно сочетаются съ зеленью нѣсколькихъ березъ, скрываетъ подъ своей густой сѣнью маленькую деревянную часовню, выкрашенную въ темную охру; тутъ же течетъ родникъ. По шаткимъ деревяннымъ ступенямъ, усыпаннымъ сухими иглами, входишь въ часовню. Черезъ узкое рѣшетчатое окно падаетъ въ нее скудный свѣтъ. Образа старинные, по всѣмъ вѣроятіямъ старовѣрческаго происхожденія, иногда съ апокрифическими сюжетами: Егорій Храбрый, освобождающій царевну отъ змія, Воскресеніе Христово съ изображеніемъ Иліи и Еноха, сидящихъ за круглымъ столомъ въ раю, и разбойника съ осьмиконечнымъ крестомъ въ рукахъ, который „пріиде ко вратамъ св. рая, и возбрани ему оружіе пламенное; онъ же показавъ крестъ и вниде въ свѣтлый рай“. Тихо въ часовнѣ, тихо и въ рощѣ. Журчитъ только родникъ, вырываясь изъ земли, да иногда тяжело упадетъ на землю еловая шишка и съ сухимъ трескомъ покатится по желтымъ иглам.

Иногда во время этихъ прогулокъ встрѣчаешь слѣдующія картины: бабы съ подоткнутыми юбками, съ „косарями“ въ рукахъ и съ крошнями за спиной, идутъ въ лѣсъ на работу; мужикъ ѣдетъ куда нибудь верхомъ, сидя при этомъ бокомъ на лошади; кладь везутъ на пошевняхъ; тащась по сухой глинистой дорогѣ отчаянно скрыпятъ по-

лозья. Вообще колесные экипажи встрѣчаются въ маломъ количествѣ среди пудожанъ. Конечно, на каждой станціи, даже самой маленькой, найдешь тарантасъ; бываютъ и телѣги, иногда, правда, съ колесами совсѣмъ примитивнаго устройства. Большею же частью кладь возятъ на пошевняхъ лѣтомъ, такъ же, какъ и зимой. Недостатокъ колесныхъ экипажей объясняется очень легко: пути сообщенія весьма плохи; иной разъ изъ одной деревни въ другую можно проѣхать только верхомъ. Такова напр. дорога въ отдаленную и бѣдную дер. Коппельозеро, которую народъ въ насмѣшку зоветъ „Питеромъ“. „На Коппельозеро проѣхать—святымъ сдѣлаешься“, смѣются Пудожане. Въ иныхъ мѣстахъ въ сухопутныхъ путяхъ сообщенія нѣтъ нужды. Селенія, разбросанныя по берегамъ большихъ озеръ, пользуются воднымъ путемъ.

Съ хозяйкой мы ведемъ длинные разговоры. Говоритъ больше она: разсказываетъ про „гулянки“ и „бесѣды“, передаетъ деревенскія сплетни. Часто говоримъ мы и про лѣсныхъ и домовыхъ духовъ, про злаго баенника и про добраго овинянника. Сначала она избѣгала подобныхъ разговоровъ; но когда я ей сама сообщила нѣсколько разнообразныхъ „страшныхъ исторій“, она стала откровеннѣе.

„Вонъ хоть господа и баютъ, нѣту того—а есть,“ сказала она, вдругъ сдѣлавшись серьезной. —„Кто скотинку-то уводитъ, да кого и такъ заведетъ въ лисяхъ?“ прибавила она таинственнымъ полушепотомъ.

„Вѣдь вотъ что было со мной. Работали мы въ лисяхъ — я тогда еще за первымъ мужемъ была,

не большухой. Жарко было, страсть—я и выкупалась въ лисяхъ. Сдѣлалось со мною что послѣ этого, не знаю — разнемоглась я совсѣмъ. И къ фельдшеру я ужъ ходила и къ „бабушкѣ“ — тутъ ворошунья была одна—ничто не беретъ „Значитъ, говоритъ она мнѣ, прощаться надо пойти“. Пошли мы съ ней, значитъ, къ тому самому мѣсту, гдѣ купались. Велѣла она за собой говорить: „Царь лѣсовый и царица лѣсовая и лѣсовыя малыя дѣтушки, простите меня въ чемъ я согрѣшила“. И какъ скажемъ, такъ и поклонимся съ ней. А какъ въ третій разъ сказали, какъ зашумитъ что-то, словно выстрѣлилъ кто рядомъ. Ужъ послѣ того лечить меня стала „бабушка“ и вылечила“.

Чаще всего ея разсказы касались лѣснаго царя. Неудивительно, что лѣсъ, обступившій со всѣхъ сторонъ олончанина—этотъ лѣсъ, въ которомъ проводятъ почти всѣ дни года крестьяне, будь-то на охотѣ или за работою на лядинѣ, лѣсъ, полный таинственности, производитъ могучее впечатлѣніе на умъ олончанина, держитъ въ плѣну его фантазію. Вотъ какъ представляетъ себѣ мощнаго властителя лѣса пудожанинъ. Весь лѣсъ, говорятъ пудожане, принадлежитъ лѣсному царю, который живетъ въ немъ вмѣстѣ съ женой и дѣтьми. Это такая же семья, какъ и человѣческая, и на людей-то они похожи, только „почернѣе будутъ“. У лѣснаго царя есть вѣрныя собачки, сопровождающія его всюду—маленькія и пестрыя, которыхъ, однако, рѣдко можно увидать; есть и вѣрные слуги, подчиненные ему—то лѣсовикъ или лѣшій, ростомъ съ дерево, и другіе лѣсные духи, боровики и мо-

ховики, отличающіеся отъ лѣшаго только тѣмъ, что они меньше его ростомъ. Злой лѣсовикъ—врагъ крестьянина: онъ уводитъ у него скотину въ лѣсъ, такъ что иногда и не сыщешь ее; онъ-же сбиваетъ съ пути охотника, заводитъ въ лѣсу ушедшую по грибы да по ягоды дѣвушку. Собственно лѣсному царю не приписываютъ злобы, развѣ только въ рѣдкихъ случаяхъ, при чемъ ясно смѣшеніе его съ лѣсовикомъ. Въ большинствѣ случаевъ изъ разсказовъ пудожанъ явствуетъ, что лѣсной царь „праведный“: даромъ никого не обидитъ. Онъ даже часто возвращаетъ заблудившуюся скотину ея хозяину, хотя для этого и требуется соблюденіе извѣстнаго обряда. Живо переноситъ насъ этотъ обрядъ въ далекую эпоху язычества, напоминая намъ жертвоприношеніе.

„Пропадетъ коли скотинка, говорили намъ, вотъ что дѣлаютъ. Пойдутъ въ лѣсъ, положатъ на перекресткѣ яйцо на лѣвую руку отъ себя. А на яйцо наговорить должно: „кто этому мѣсту житель, кто настоятель, кто содержавецъ, тотъ возьмите даръ, возьмите и домой скотину спустите, нигдѣ не задержите, не за рѣкама, и не за ручьяма, и не за водама“ -- отдастъ“. „А бываютъ и такіе, что знаются съ лѣсовикомъ, и лѣсовикъ отдаетъ имъ скотинку. Только ужъ грѣхъ-то великій. Тотъ, значитъ, и говорить съ нимъ можетъ, и увидать его. Пойдетъ онъ на перекрестокъ, засвищетъ—а онъ тутъ и придетъ. Скажетъ можно-ли отдать ее. Коли можно—завсегда отдастъ“.

Отдать скотину является невозможнымъ въ томъ случаѣ, когда она была „завѣщана“, т. е. обѣщана

лѣсному царю. Дѣло въ томъ, что люди, знающіеся съ лѣсовикомъ, при выгонѣ скота на пастбище, вступаютъ въ соглашеніе съ нимъ. Лѣсовикъ обѣщаетъ охранять скотъ отъ волковъ, медвѣдей и россомахъ, но за то получаетъ въ даръ двѣ или три штуки изъ стада. Такой союзъ съ лѣснымъ духомъ считается величайшимъ грѣхомъ и слова, посредствомъ которыхъ заключается онъ, хранятся въ глубокой тайнѣ.

Есть и другое, болѣе употребительное, средство обезопасить свой скотъ. Это произнесеніе такъ называемаго „отпуска“ или особеннаго заговора, который составленъ спеціально для сбереженія стада. Этотъ заговоръ есть ничто иное, какъ молитва, въ которой грубо смѣшиваются христіанскія идеи съ языческими. Онъ читается при выпускѣ скота, и читающій его пастухъ обходитъ стадо съ иконою. При этомъ берется также воскъ, дѣлаются изъ него три шарика, въ которые закатывается иногда немного шерсти отъ каждой скотины. Эти шарики прилѣпляются къ иконѣ и иногда осенью по окончаніи пастьбы пускаются на воду. Глубоко чтятся „отпуски“ крестьянами. Пастухъ иногда дорого платитъ за него свѣдующимъ лицамъ, и, получивъ его, тщательно сберегаетъ.

Интересно, что то же жертвоприношеніе, которымъ стараются побудить лѣснаго царя отпустить домой утраченную скотину, употребляется и въ томъ случаѣ, когда кто-либо заболѣетъ въ лѣсу. Мѣняютъ только нѣсколько словъ при жертвоприношеніи. „Вы даръ возьмите, говоритъ заболѣвшій, кладя на дорогу яйцо, а меня простите во всѣхъ

грѣхахъ и во всѣхъ винахъ и сдѣлайте здрава и здорова, чтобы никако мѣсто не болѣло, не шумѣло". Итакъ, когда дѣло касается болѣзни, полученной во владѣніяхъ лѣснаго царя, не ограничиваются простымъ заговоромъ, гдѣ призывается помощь Христа, Апостоловъ, Божіей Матери и Святыхъ или даже свѣтлыхъ миѳическихъ божествъ, какъ напримѣръ утренней зари, противъ злыхъ духовъ „отъ лѣсовыхъ, отъ боровыхъ, отъ моховыхъ и отъ витреняго, и отъ уличнаго, и отъ водянаго, и отъ баеннаго и т. д. и отъ всего нечистаго духа и отъ непадшей силы". Напротивъ, здѣсь стараются умилостивить лѣснаго царя жертвою или „прощаніемъ", т.-е. просьбою о прощеніи. Очевидно, что по вѣрованіямъ крестьянъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, они имѣютъ тутъ дѣло съ высшимъ существомъ, котораго они однако не признаютъ за „нечистаго духа" и за „непадшую силу". Точно также всякая ворожея, берущая воду въ лѣсу для лѣченія должна испросить на это позволеніе у лѣснаго царя, иногда наряду съ царемъ водянымъ и съ царемъ земли. „Царь земной и царица земная, говоритъ обыкновенно берущая воду, и царь водяной, и царь лѣсной, благословите водушки взять не ради хитрости, не ради мудрости—для добраго здоровья раба Божья".

Такъ глубоко чтутъ владыку лѣса пудожане. Вѣка прошли, исчезли языческія божества, оставивъ лишь смутные намеки на свое существованіе въ нѣкоторыхъ преданіяхъ, въ заговорахъ народа,—а культъ лѣснаго царя такъ же крѣпокъ, такъ же

живъ, какъ и прежде. Сохраненію его безъ сомнѣнія содѣйствовала сама мѣстность, въ которой приходится жить пудожанамъ. Даже не во всѣхъ деревняхъ этого уѣзда онъ сохранился одинаково. Близость большаго озера, занятія рыболовствомъ тотчасъ мѣняютъ настроеніе жителей. Рѣже имѣя дѣло съ лѣсомъ, они хранятъ культъ его уже не такъ строго и склоняются больше къ почитанію водянаго царя, со стихіей котораго имъ приходится быть въ болѣе тѣсныхъ сношеніяхъ. Такъ жители береговъ большаго Водлозера, которые занимаются преимущественно рыболовствомъ *), хранятъ въ большей неприкосновенности культъ водянаго царя, о которомъ на небольшомъ Купецкомъ озерѣ ходитъ сравнительно мало разсказовъ.

* * *

„Приходи въ гости ко мнѣ — моя изба тутъ съ краю. Спроси Матрену—тебѣ покажутъ“, позвала меня одна баба. Она была средняго роста, молодая и красивая. Глаза большіе, голубые, полные какого-то тихаго, затаеннаго выраженія; верхняя губа слегка приподнята и часто нервно подергивающаяся; движенія медленныя, точно утомленныя.

„Дай, я провожу тебя“, быстро проговорила на слѣдующій день какая-то старуха, услыхавъ, что я собираюсь въ гости къ Матренѣ; „я вѣдь у нихъ въ пѣстуньяхъ живу“. Эта старуха, которая

*) Водлозеры занимались сначала хлѣбопашествомъ, но принуждены были обратиться къ рыболовству вслѣдствіе запрещенія, наложеннаго правительствомъ на подсѣчное хозяйство.

проводила чуть-ли не цѣлый день въ избѣ нашихъ хозяевъ, дѣйствительно постоянно ходила съ какимъ-то ребенкомъ. Матрена, принужденная уходить на весь день въ лѣсъ съ мужемъ, наняла себѣ „пѣстунью“. Обычай нанимать пѣстуновъ дѣтямъ на рабочее время очень распространенъ здѣсь. Обыкновенно въ няньки нанимаются старухи, мальчики и дѣвочки. Старухѣ платится 5 р. 50 к. за лѣто; дѣтямъ отъ 2 до3 р. Наниматели же обязаны обувать и одѣвать пѣстуновъ во все время ихъ пребыванія въ ихъ домѣ. Бываютъ случаи, что по окончаніи срока найма обувь и одежду отнимаютъ и нянькѣ не въ чемъ идти домой Дѣти, отдаваемыя подъ надзоръ наемныхъ нянекъ, рѣдко находятъ хорошій уходъ, особенно если они поручены дѣтямъ, которыя часто покидаютъ ихъ на произволъ судьбы, часто неосторожно носятъ ихъ: порой, не будучи въ состояніи удержать такую тяжесть на рукахъ, они перекидываютъ ребенка черезъ плечо и т. п.

Изба Матрены была маленькая и грязная, хотя также состояла изъ двухъ комнатъ—„горницы“ и „фатеры“. Но обѣ онѣ были невелики и плохо убраны. Матрена жила только одна со своимъ мужемъ, „маленькой“, отдѣлившейся семьей. Работниковъ на семью не было, кромѣ ихъ самихъ; не было и благосостоянія, которое замѣчается среди крестьянъ преимущественно въ „большихъ“ семьяхъ. Въ Пудожскомъ уѣздѣ раздѣлы семей стали повторяться все чаще и чаще изъ года въ годъ, и такой семьи, какъ у Мошниковыхъ, теперь уже не асто встрѣтишь. При раздѣлѣ или строятъ себѣ

особыя избы, при чемъ отцовская изба (если раздѣлъ происходитъ между братьями, обыкновенно достается младшему брату, какъ и въ большинствѣ мѣстностей Россіи), или же (какъ мы видѣли на Кенозерѣ) остаются въ одной избѣ, но раздѣляютъ ее самую на нѣсколько частей, такъ что одна комната приходится на долю одной семьи, другая — другой и т. д.; точно также поступаютъ съ хлѣвомъ и со дворомъ. Интересно, что съ тѣхъ поръ какъ правительство стало противодѣйствовать семейнымъ дѣлежамъ, крестьяне нашли новый способъ раздѣла. Большая семья живетъ въ одной избѣ, какъ будто нераздѣленная, на самомъ же дѣлѣ подѣлено все имущество и каждая маленькая семейка въ этой большой семьѣ имѣетъ право на свой собственный заработокъ.

Въ общемъ экономическое благосостояніе крестьянъ Пудожскаго уѣзда производитъ благопріятное впечатлѣніе. Исключеніе представляютъ, конечно, жители многихъ деревень, особенно Водлозерскихъ; отличаются также бѣдностью деревни Сарозеро и Коппельозеро, (изъ которыхъ первую называютъ въ насмѣшку „Москвою“, а вторую „Питеромъ“). Но въ общемъ пудожане живутъ лучше крестьянъ среднихъ губерній, хотя и трудятся гораздо больше для своего благосостоянія чѣмъ они. „Хоть денегъ нѣтъ, а голову кормимъ“, говорятъ пудожане. И дѣйствительно капиталовъ у нихъ нѣтъ, но нѣтъ и той безпощадной бѣдности, которая кидается въ глаза въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Ветхую, перекосившуюся избу встрѣтишь относительно рѣдко; лѣсъ даетъ обильный строи-

тельный матеріалъ пудожанину, и онъ строитъ себѣ жилище просторное и удобное. Обыкновенная изба въ пудожскомъ уѣздѣ состоитъ изъ сѣней, фатеры, горницы, подъизбицы, т. е. нижняго этажа, двора – помѣщенія въ верхнемъ этажѣ для телѣгъ и земледѣльческихъ орудій – и хлѣва. У нѣкоторыхъ близь избы есть еще и баня и амбаръ для муки и крупы. Пудожанинъ имѣетъ возможность вести также молочное хозяйство. Число коровъ въ большой семьѣ доходитъ иногда до 6, 10 и 12, и опытная хозяйка имѣетъ всегда въ запасѣ большое количество творога, сметаны и сушенаго, и прессованнаго сыра, который идетъ въ прокъ. Держатъ пудожане и лошадей, овецъ и куръ. Конечно, не всѣ семьи пользуются такимъ благосостояніемъ. Раздѣлъ, даже по словамъ самихъ крестьянъ, наноситъ всегда сильный ударъ богатству семьи. Бывшія еще недавно богатыми семьи теперь совсѣмъ обѣднѣли. Это и вполнѣ понятно. При раздѣлѣ часто приходится на семью по одной коровѣ; пахотной земли нельзя имѣть много по недостатку пашему и рабочихъ рукъ. Въ голодные годы приходится иногда смѣшивать хлѣбъ съ соломою.

Въ такую то бѣдную семью привела меня бабушка пѣстунья.

Хозяевъ не было дома.

„Грязненько у насъ, кому же и мыть? вѣдь не то, что у Мошниковыхъ — гдѣ у насъ рукъ-то взять?“—объяснила мнѣ бабушка-пѣстунья, поспѣшно и неосторожно опуская ребенка въ колыбель.

„Эхъ, руки-то всѣ мои оттянулъ. Горькая моя жизнь, боженая“, продолжала она—„вѣдь богато

жила я. Мой то померъ; теперь, никого у меня на свѣтѣ не осталось. Въ пѣстуньи вотъ пошла. А легкое ли дѣло съ ихнимъ возиться?“.

„Вишь сарафашишко-то какой — многаго не дадутъ. Охъ, боженая ты моя голубушка, не легкое-то житье. Скупы они—плохо у нихъ живется, а дѣла много“, добавила она шепотомъ, наклонившись ко мнѣ, и тотчасъ же быстро отодвинулась, услыхавъ шорохъ въ сѣняхъ.

Вошелъ мужъ Матрены, держа въ рукахъ плачущую дочку, 4-хъ лѣтнюю хорошенькую Оксютку.

„Живѣй — здоровѣй!“ проговорилъ онъ, бросая шапку на скамью и подавая мнѣ руку. „Оксюта, не плачь—тетя чужая пришла“.

Оксюта взглянула на меня своими живыми черными глазенками и затѣмъ быстро спрятала свою бѣлокурую головку на груди у отца.

Пришла и Матрена. Она съ утомленнымъ видомъ молча сѣла у дверей, спрятавъ скрещенныя на груди руки подъ рукавами сарафана.

„Ѣсть хочетъ Оксюта—нешто не видишь?“ коротко сказалъ ей мужъ.

Матрена покорно встала и, взявъ у мужа Оксюту, посадила ее на лавку; потомъ поставила передъ нею горшокъ съ сырымъ тѣстомъ. Она сдѣлала это бережно; но не было видно нѣжности и любви къ дѣвочкѣ: она точно не умѣла обращаться съ дѣтьми. Равнодушно скользнулъ также ея взглядъ на младшаго ребенка въ колыбели.

Было что-то тяжелое въ этомъ хозяйствѣ.

Разговорились о только что конченной работѣ.

„Больно мошки кусаютъ — тяжело въ лисяхъ“,

проговорила Матрена. „Меня вотъ какъ искусали“.

Она медленно подняла платокъ, наброшенный на шею—шея, грудь и руки всѣ были покрыты темнокрасными пятнами. Только при видѣ этихъ страшныхъ кроваваго цвѣта пятенъ можно понять, какъ трудно дается хлѣбъ пудожанину.

„Какъ сѣверикъ-то дуетъ—легче; а какъ тепло станетъ, такъ мочи нѣтъ“, тихо сказала она, слабо улыбнувшись.

„Извѣстное дѣло, въ лисяхъ мошка, а дома мать спать не даетъ,—поговорка такая есть—все работать заставляетъ“, проговорилъ мужъ Матрены.

„Теперь недолго, до Иванова дня всего; а тамъ, говорятъ, всѣ мошки уйдутъ къ Муромскому монастырю, къ Лазарю святому—все одно какъ и странички,“ съ своей стороны замѣтила бабушка-пѣстунья, которая теперь уже сидѣла у колыбели и усердно раскачивала ее ногой. „Комаръ тотъ больше живетъ, всю кровь высосетъ“.

„До какихъ же поръ?“

„А у насъ вотъ какъ говорятъ: до Ильина дня комара убить—рѣшето прибудетъ; послѣ Ильина дня комара убить—рѣшето убудетъ. Тогда ему и конецъ.“

„Мошка хуже, сказала Матрена, она все наровитъ пропихаться, куда бы потѣснѣе; ни чѣмъ отъ нея не спасешься.“

„Ну, ужъ и загостилась—хозяйкѣ пора коровъ доить“, сказала, входя, Авдотья Ѳеодоровна.

„Успѣется“, промолвила Матрена.

„Мѣшаешь ты хозяйкѣ—она при тебѣ не пойдетъ“, смѣясь повторила Авдотья Ѳеодоровна.

Едва я успѣла выйти, какъ за мною въ дверь шмыгнула бабушка.

„Боженая, не будетъ ли твоей милости—попроси у брателки, на бѣлность мнѣ“, быстрымъ шопотомъ проговорила она.

Многіе приходили изъ Авдѣевской и изъ окрестныхъ деревень просить у насъ милостыню. Но многіе приходили издалека съ единственною цѣлью посмотрѣть на насъ.

Разъ входитъ хозяйка въ горницу: „Уай! (это было еялюбимое восклицаніе, распространенное, вообще, среди женщинъ)—„пришла изъ Ананьева поглядѣть на васъ бабушка одна. Ужъ давно сидитъ здѣсь.“

„Знаешь, вѣдь это ворошунья. Скажи ей, она тебѣ пошепчетъ“, предварила меня хозяйка.

Ворожея—женщина лѣтъ подъ 60, юркая, веселая старушка, съ немного плутоватой улыбкой на ввалившихся губахъ, пришла за нѣсколько верстъ со своей внучкой, блѣдной и задумчивой дѣвочкой лѣтъ 15.

„Пойдемъ“, торопила бабушку дѣвочка, „дома насъ ждутъ, поглядѣли и довольно.“

„Постой“, отвѣчала говорливая старушка. „Успѣемъ—вотъ еще маленько потолкуемъ.“

Ворожея стала приходить ко мнѣ каждый день. Она сообщала мнѣ заговоры, преданья, повѣрья; разъ даже предложила погадать на картахъ. Авдотья Ѳеодоровна освѣдомлялась иногда, о чемъ у насъ идутъ бесѣды.

„И „слова“ (заговоры) она сказывала тебѣ?“ спросила она меня внезапно.

„Да, и „слова.“

„Уай, ты какая! воскликнула хозяйка, ударивъ руку объ руку и коротко и отрывисто засмѣявшись; „ты вѣдь хлѣбъ у нея отняла!“

„Не знаешь ты“, объяснила она мнѣ — „у насъ такъ баютъ: коли кто скажетъ „слова“ другому — силу тотъ теряетъ. Только когда зубы всѣ выпадутъ, сказать можетъ. Къ ней никто и ходить не станетъ теперь, какъ ты сказала. Поди, развѣ не узнаютъ?“

Разъ ворожея принесла мнѣ въ гостинецъ „сычни“.

„Это ворошунья тебѣ принесла?“ серьезно спросила меня Авдотья Ѳеодоровна.

„Зачѣмъ ты мнѣ не сказала? Коли хотѣлось тебѣ, такъ я бы такихъ мигомъ тебѣ напекла.“

„Мнѣ не хотѣлось вовсе“, сказала я, „а она принесла — нельзя же было не брать ихъ.“

„Ужъ какъ ты хочешь, дѣлай — а я бы не стала ѣсть“, энергично возразила Авдотья Ѳеодоровна. „Мало ли что бываетъ: нашепчутъ они тамъ, что — не знаешь, а потомъ Богъ знаетъ, что сдѣлается.

„Ну, хорошо, я не стану ихъ ѣсть“.

Черезъ часъ Авдотья Ѳодоровна съторжествующимъ видомъ внесла въ комнату тарелку, наполненную свѣжими горячими „сычнями“ своего собственнаго издѣлья.

* * *

Одинъ изъ мысовъ, вдающихся въ озеро Купецкое, носитъ названіе „Старовѣрческаго Носа“. Тутъ было раньше кладбище старовѣровъ, когда

ихъ жило много въ этой мѣстности. Теперь старовѣровъ насчитываютъ съ десятокъ въ окрестныхъ селеніяхъ — и ихъ обыкновенно чуждаются и не любятъ православные крестьяне.

Старшина Авдѣевской волости вызвался насъ проводить на Старовѣрческій Носъ, съ тѣмъ, чтобы мы сначала зашли къ нему въ гости. Онъ самъ былъ православный, но происходилъ изъ старовѣрческой семьи.

„Любитъ гулять нашъ старшина, что и говоритъ“, разсказывали намъ про него.

„И дѣло прогуляетъ, коли выйдетъ случай“, морщась, какъ бы неохотно, говорилъ Ѳеодоръ Гавриловичъ, который въ качествѣ умнаго, дѣльнаго хозяина несочувственно относился ко всякому небрежному отношенію къ дѣлу.

Но, впрочемъ, серьезнаго недовольства старшиной нельзя было замѣтить среди крестьянъ. Дѣло въ томъ, что дѣйствительно трудно было устоять противъ обаянія его добродушнаго лица, всегда довольнаго всѣмъ и преимущественно самимъ собой. Кромѣ того онъ нимало не кичился своимъ старшинствомъ, за панибрата былъ со всѣми, „гулять“ и веселиться былъ не прочь никогда, ни съ кого строго не взыскивалъ.

Стоялъ жаркій день, когда мы двинулись въ сопровожденіи самого старшины Филиппа Назарьевича въ деревню Загубье, гдѣ находилась его изба. Едва, едва плелся за нами, шлепая надѣтыми на босую ногу башмаками, приглашенный также Ѳеодоръ Гавриловичъ—да и намъ казались нескончаемыми двѣ версты, лежащія между Авдѣевской

и Загубьемъ. Не унывалъ только самъ Филиппъ Назарьевичъ. Онъ съ трудомъ сдерживалъ шагъ, соразмѣряя его съ нашей лѣнивой походкой. За то вся его сухая, худощавая фигура перегибалась изъ стороны въ сторону; онъ то забѣгалъ съ одной стороны, то съ другой; то разстегивалъ кафтанъ, на которомъ болтался его мѣдный значекъ, то сдвигалъ на бокъ картузъ или надвигалъ его на лобъ.

„Ну, вотъ, слава Богу, вы и въ го́стяхъ у меня“, сказалъ Филиппъ Назарычъ, вводя насъ въ горницу, оклеенную новыми голубыми обоями. Окна, дверь и лавки въ этой комнатѣ были окрашены въ темно-красную краску; столъ, какъ обыкновенно въ Пудожскомъ уѣздѣ, былъ также расписанъ: на красномъ полѣ въ серединѣ и по угламъ по розану.

Мы съ удовольствіемъ опустились на скамьи. Между тѣмъ Филиппъ Назарьевичъ хлопоталъ объ угощеніи: принесъ баранокъ, оладій и, наконецъ, рыбникъ съ лососиной; самъ досталъ тарелки, ножи и вилки. Хозяйки не было видно.

„Ры́бничка покушайте—съ лососемъ; въ городѣ былъ—купилъ на базарѣ—ужъ очень хорошъ.“

„Ну, какъ знаете“, проговорилъ онъ, услыхавъ нашъ отказъ. „Просить хорошо, не́волить грѣхъ“— и онъ самъ принялся за восхваляемый рыбникъ.

„Назарычъ, иди сюда, неси самоваръ; мнѣ вѣдь и не подъ силу будетъ“, раздался изъ сѣней крикливый недовольный женскій голосъ.

Старшина бросилъ рыбникъ, остановился на полусловѣ и бросился на зовъ. Черезъ секунду онъ появился, таща огромный самоваръ. За нимъ шла

его жена, одѣтая въ праздничный кумачный сарафанъ.

. . . . . Озеро было совершенно тихо, когда лодка, въ которой мы должны были переѣхать на Старовѣрческій Носъ, отчалила отъ деревни Загубья.

Тутъ и тамъ на берегу рыбаки готовили къ ловлѣ свои мережи и лодки. Голубая гладь воды съ поразительной ясностью отражала деревья, песокъ и траву на берегу и вдали своей серебристой каймой сливалась съ голубой линіей горизонта.

Старовѣрческій Носъ покрытъ лѣсомъ. Недвижно стояли зеленыя сосны; сквозь ихъ густыя вѣтки прорывались клочки синяго неба; между стволами мелькали голубыя воды озера.

Тишина царила кругомъ. Самъ Филиппъ Назарычъ притихъ.

„Вездѣ тутъ могилки, вездѣ“, проговорилъ онъ. „Глянь-кось, ты сейчасъ на бугоркѣ стоишь, а все заросло травой да свиникой *). Глянь-кось вотъ и тутъ, и тутъ. Все тутъ ихъ хоронили: на погостъ вѣдь не пускали“.

Старшина медленно повелъ головой и задумчиво оглянулъ мѣсто, гдѣ лежало много его родственниковъ.

„Земля эта наша: некуда было класть ихъ — купилъ эту землю дѣдъ — а можетъ быть и побольше тому времени будетъ. Вѣдь наши-то ста-

---

*) Свиника или вороника — Empetrum nigrum.

рой вѣры были; только какъ умеръ отецъ, я да братья перешли".

Изъ разсказовъ старшины мы узнали, что могилы на Старовѣрческомъ Носу были снабжены сначала крестами и кивотками *), но во время общаго гоненія на раскольниковъ при Императорѣ Николаѣ они были снесены по приказанію исправника Рожнова.

„Лютой былъ; какъ пришелъ онъ сюда, на самое это мѣсто, говорилъ Филиппъ Назарьевичъ, — началъ онъ кресты наши (осмиконечные) сшибать, кивотки наши ногами переворачивать — ничего на мѣстѣ и не оставилъ".

И дѣйствительно теперь трудно отличить могилы въ этихъ частью обвалившихся, частью осѣвшихъ буграхъ, покрытыхъ густой травой и кустами голубицы и вороники.

„Ну, Богъ тебѣ на прощаньице, наконецъ проговорилъ Филиппъ Назарьевичъ, теперь и безъ меня вернетесь, а завтра дастъ Богъ свидимся" — пожалъ намъ руку и побрелъ черезъ лѣсъ.

* * *

Въ Бураковѣ жилъ пѣвецъ былинъ, Никифоръ Прохоровъ, по прозванію Утка.

„Порàто (очень) хорошо поетъ старинку", говорили намъ про него, „а если рюмочки двѣ для голоса выпьетъ — совсѣмъ хорошо будетъ пѣть."

---

*) На нѣкоторыхъ могилахъ въ Олонецкой губерніи ставятъ деревянные, низенькіе памятники въ видѣ избушекъ, которые называются „кивотками".

„Вотъ ѣдетъ Утка, ѣдетъ!“ радостно кричали намъ, указывая на лодку, везущую пѣвца, которая быстро ныряла по сѣрымъ волнамъ озера. Наши хозяева не менѣе насъ ожидали удовольствія послушать пѣнія былинъ.

„Просятъ, нельзя-ли прійти послушать въ горницу къ тебѣ“, спросилъ брата большакъ отъ имени другихъ мужиковъ, собравшихся при вѣсти о прибытіи пѣвца. День былъ воскресный и народу въ деревнѣ много. Горница быстро наполнилась народомъ. Впрочемъ пришли больше пожилые мужики; молодыхъ парней было мало. Сѣли на лавкахъ, на кровати; жались въ дверяхъ.

Взошелъ Утка, невысокаго роста старикъ, коренастый и плечистый. Сѣдые волосы, короткіе и курчавые, обрамляли высокій красивый лобъ; рѣдкая бородка клинушкомъ заканчивала морщинистое лицо, съ добродушными, немного лукавыми губами и большими голубыми глазами. Во всемъ лицѣ было что-то простодушное, дѣтски безпомощное.

Почванившись немного, Утка, ободряемый присутствующими, рѣшился выпить рюмочку „для голоса“.

„Про кого же пѣть старинку тебѣ?“ спросилъ онъ, сбрасывая съ себя толстый, теплый армякъ и откидывая немного назадъ свою голову. „Записывать станешь?“ Старикъ уже пѣлъ былины Гильфердингу *).

---

*) Въ собр. Гильфердинга есть его краткая біографія. Собраніе Гельфердинга. Спб. 1873. стр. 226.

Утка откашлянулся—всѣ тотчасъ замолкли. Утка далеко откинулъ назадъ свою голову, потомъ съ улыбкой обвелъ взглядомъ присутствующихъ и, замѣтивъ въ нихъ нетерпѣливое ожиданіе, еще разъ быстро откашлянулся и началъ пѣть. Лицо старика-пѣвца, мало-по-малу, измѣнялось; исчезло все лукавое, дѣтское и наивное. Что-то вдохновенное выступило на немъ: голубые глаза расширились и разгорѣлись; ярко блестѣли въ нихъ двѣ мелкія слезинки; румянецъ пробился сквозь смуглость щекъ; изрѣдка нервно подергивалась шея.

Онъ жилъ со своими любимцами-богатырями; жалѣлъ до слезъ немощнаго Илью Муромца, когда онъ сидѣлъ сиднемъ 30 лѣтъ, торжествовалъ съ нимъ побѣду его надъ Соловьемъ-разбойникомъ. Иногда онъ прерывалъ самого себя, вставляя отъ себя замѣчанія.

Жили съ героемъ былины и всѣ присутствующіе. По временамъ возгласъ удивленія невольно вырывался у кого-нибудь изъ нихъ; по временамъ дружный смѣхъ гремѣлъ въ комнатѣ. Иного прошибала слеза, которую онъ тихонько смахивалъ съ рѣсницъ. Всѣ сидѣли, не сводя глазъ съ пѣвца; каждый звукъ этого монотоннаго, но чуднаго, спокойнаго мотива ловили они.

Утка кончилъ и торжествующимъ взглядомъ окинулъ все собраніе. Съ секунду длилось молчаніе; потомъ со всѣхъ сторонъ поднялся говоръ.

„Ай да старикъ... какъ поетъ... ну, ужъ потѣшилъ... недаромъ для голоса выпилъ...“

Утка улыбался; лицо его приняло опять обычное выраженіе.

„Пожалуй, и сказка все это, нерѣшительно проговорилъ одинъ мужикъ.

На него набросились всѣ.

„Какъ сказка? Ты слышишь, старина это. При ласковомъ князѣ при Владимірѣ было.“

„Мнѣ во что думается: кому же это подъ силу — вишь вѣдь какъ онъ его.“

„На то и богатырь—ты что думаешь?... Не то, что мы съ тобой—богатырь!.. Ему что? Намъ невозможно, а ему легко“, разъясняли со всѣхъ сторонъ.

„Ну, да что толковать тутъ. Старикъ, спой-ка лучше еще старинку какую-нибудь.“

Вмигъ воцарилось молчаніе; черезъ минуту снова раздалась своеобразная мелодія...

„Сказитель пришелъ изъ Мелентьева — послушать его не изволишь?“ доложили брату.

Сказитель былъ старикъ высокій и худой, съ длинными совершенно бѣлыми волосами, съ привѣтливымъ и умнымъ лицомъ. Держался онъ спокойно и чинно. Онъ былъ старовѣръ и поэтому сдержанно и съ достоинствомъ отказался отъ водки.

Утка немного напряженно поздоровался съ нимъ; онъ зналъ, что дѣло идетъ теперь о томъ, кто изъ нихъ удостоится бо́льшаго одобренія слушателей. Старикъ изъ Мелентьева пожалъ его руку, сѣлъ на скамью и, прислонившись къ стѣнѣ, началъ разсказывать.

Сказитель знаетъ тѣ же былины, какъ и пѣвецъ „старины“; но у него нѣтъ голоса, нѣтъ

умѣнія пѣть ихъ — и онъ ихъ разсказываетъ. Мѣрно и плавно, былиннымъ слогомъ, лилось повѣтствованіе о Добрынѣ и о женѣ его Настасьѣ Микулишнѣ изъ устъ Мелентьевскаго сказителя. Онъ ни разу не остановился; ни разу не пришлось ему подыскивать ускользнувшее изъ памяти слово. Спокойно глядѣлъ онъ на окружающихъ яснымъ старческимъ взглядомъ. Утка волновался, хотя и старался скрыть свое волненіе. Онъ сложилъ руки на колѣняхъ и притворно спокойно оглядывалъ комнату.

Торжествовать пришлось Уткѣ.

„Хорошо говоритъ сказитель, нечего сказать“, хвалили мужики. „А все-жъ лучше старинку пѣть.“

И Уткѣ пришлось пѣть снова. Впрочемъ и сказитель удостоился одобренія. Его просили также разсказывать и очень хохотали надъ извѣстной сказкой „какъ мужикъ гусей дѣлилъ“.

„Бесёда собралась — пойдемъ поглядѣть“, шепнула мнѣ Авдотья Ѳеодоровна.

Наработавшись цѣлую недѣлю въ лѣсу, молодежъ ждетъ-недождется воскресенья, чтобъ отдохнуть, позабавиться вдосталь. Зимою — другое дѣло: дѣвушки почти каждый день собираются на такъ называемыя „вечерки.“ Лѣтомъ же собираться можно только по воскресеньямъ да по праздникамъ. Въ большіе праздники (церковенные и часовенные) въ деревняхъ устраиваютъ „гулянку“ — обыкновенно близъ часовни *). Въ

*) Такъ въ Авдѣевской „гулянка“ бываетъ въ рощѣ и на кряжѣ близъ часовни; на Кенозерѣ, въ дер. Вершинѣ, въ

воскресенье же на бесёду, (а зимой на вечерку) собираются въ избу, которую нанимаютъ на цѣлый годъ у какой нибудь бѣдной семьи (богатые не отдаютъ своего дома изъ боязни безпокойства). Съ каждой дѣвушки берется по 10 фун. муки; каждый парень всякій разъ за право присутствія на бесёдѣ платитъ по 5 коп. Дѣвушки кромѣ того приносятъ съ собой и муки, яицъ, толокна, пироговъ и т. п. На угощеніе парни приносятъ сласти. Въ Новый годъ дѣвушки вечеромъ варятъ кашу, которая называется „васильевщиной“; въ день св. Варвары собираются также и варятъ тоже кашу „варварщину“. Есть также обычай, чтобы въ послѣдній день масляницы парни дарили любимой дѣвушкѣ („игрицѣ“) пряники. За это дѣвушка должна отдарить своего „играка“ въ первый день Пасхи яицами. Весь Великій Постъ дѣвушки поэтому копятъ яица, чтобы подарокъ вышелъ замѣтнѣе. Въ первый день Пасхи дѣвушки идутъ на бесёду, заготовивъ каждому парню по яйцу.

„А играковы-то яицы спрячетъ, въ карманъ что ли, за пазуху, чтобы не примѣтно сразу-то было! А „холостые“ знай пристаютъ: „яица, яица,“ кричатъ. Гоморра-соморра у нихъ подымется. Такъ иная съ полсотни своему играку-то принесетъ“.

Вообще старшіе относятся къ беседамъ по большей частью доброжелательно, хотя иногда и ворчатъ на молодыхъ. Дѣло въ томъ, что, вечёрни иногда длятся слишкомъ долго.

полѣ, около часовни Св. Николая Чудотворца, въ дер. Алексіевкѣ на Купец. оз. близъ сосны, которая, по преданію, выросла изъ косы пановой сестры, похороненной тутъ и т. д.

„До пѣтуховъ, случается, пѣсни поютъ, играютъ. Придутъ—а дома-то печку уже топятъ; пора и въ поле“.

Беседы посѣщаются между прочимъ и замужними, а иногда даже и стариками.

Въ небольшой избѣ сидѣла масса дѣвушекъ, наряженыхъ по праздничному. Яркіе сарафаны, яркія ленты въ головахъ придавали оригинальную красоту ихъ пестрой толпѣ. Дѣвушки всѣ были заняты какой-нибудь работой, по большей части вышиваньемъ въ пяльцахъ. Въ одномъ углу толпились парни вокругъ одного своего товарища, играющаго на гармоніи. А дальше отъ передняго угла, оттѣсненная къ самой печкѣ, стояла толпа подростковъ-дѣвочекъ. На нихъ никто не обращаетъ вниманія, никто не танцуетъ съ ними—развѣ молодой парень изъ небывалыхъ пригласитъ которую-нибудь изъ нихъ—но дѣвочки страшно любятъ бесѣды и не пропустятъ ни одной. Выпросятся у матерей, разрядятся и бѣгутъ на собраніе дѣвушекъ.

При нашемъ входѣ общій говоръ затихъ; нѣкоторыя изъ дѣвушекъ уткнулись въ работу; другія внимательно оглядывали меня; изрѣдка слышался шепотъ сосѣдки съ сосѣдкой.

„Чтой-то вы, дѣвушки, сидите такъ, пѣсню бы какую спѣли“, проговорила Авдотья Ѳеодоровна.

Но пѣть долго не рѣшались, пока наконецъ самая смѣлая дѣвушка не затянула пѣсню. Ее подхватили всѣ, и, переливаясь, то повышаясь, то понижаясь, полилась грустная, за душу хватающая русская пѣсня.

Бесѣда оживилась. Парни предложили „сыграть кандрель или ланцьетъ“. Занесенныя изъ Петрозаводска подъ именемъ игръ, кадриль и лансье быстро привились въ деревнѣ и вытѣснили старинныя „игры“.

Стали танцовать кадриль въ 4 пары. Танцовали безъ ошибокъ. Дѣвушки неуклюже и нетрацiозно двигались взадъ и впередъ; за то отличались парни. Они выкидывали всевозможныя па, присядали, подскакивали, кубаремъ вертѣлись вокругъ своихъ неповоротливыхъ дамъ.

„Смотри на Ригина нашего—пляшетъ какъ“—Авдотья Ѳеодоровна указала мнѣ на одного парня.

Ригинъ, недавно вернувшiйся съ Петрозаводскаго завода, вполнѣ привившiй къ себѣ городскую мѣщанскую культуру, въ глазахъ своихъ односельчанъ былъ украшенiемъ бесѣды. Щегольски одѣтый, съ остриженными по городски волосами, съ самодовольнымъ видомъ человѣка, сознающаго свое превосходство, Ригинъ рисовался предъ всѣмъ собранiемъ. Онъ ухитрялся играть на гармонiи и танцовать въ одно и тоже время. И дѣйствительно онъ игралъ и плясалъ мастерски. Онъ не присядалъ, лихо не выкидывалъ па, какъ остальные, но мелкими частыми шагами сопровождалъ мелкiе частые переборы плясоваго мотива. Вокругъ него всѣ вертѣлись, кружились, дѣвушки быстро проходили мимо, а онъ ни на кого не обращалъ внимания, гордо и спокойно выдѣлывалъ красивыя, грацiозныя па. Не одно сердце въ своей деревнѣ погубилъ Ригинъ и пляской, и игрой.

Въ избѣ становилось душно, да и тѣсно было

танцовать. Веселой, шумной гурьбой выбѣжали дѣвушки на улицу. Подъ сѣрымъ хмурымъ небомъ быстро составилось лансье въ 8 паръ. Снова раздалась гармонія Ригина; снова замелькали быстро двигающіяся фигуры. Но вотъ сквозь тучи упалъ сначала блѣдный лучъ солнца; тучи расползались и постепенно все ярче и ярче становилось освѣщеніе. Красиво замелькали ставшіе болѣе яркими пестрые наряды.

А неподалеку на лужайкѣ собрались подростки и дѣти. Происходила оживленная игра въ мячъ. Берестяные мячи высоко взлетали въ воздухъ; сверкали на солнцѣ загорѣлыя рученки и босыя ноги. Смѣхъ, крикъ и визгъ неслись оттуда подъ аккомпанементъ Ригинской гармоніи.

III.

Водлозеро.

* * *

„Водлозеро—загна́но мѣсто“, говорили намъ еще въ Пудожѣ. „Дома плохенькіе, живутъ бѣдно—да что и говорить.“

И намъ пришлось убѣдиться въ справедливости этихъ словъ. Деревня Большой Кулъ-Наволокъ на Водлозерѣ, куда лежалъ нашъ путь, оказалась по истинѣ „загна̀нымъ мѣстомъ“. Брошенная на самый конецъ узкаго и длиннаго, съ версту, наволока или мыса, съ своими бѣдными одноэтажными, покосившимися избами, она казалась какой то безпріютной, печальной и дикой. Рыболовныя снасти, лодки, весла, шесты для просушки сѣтей наполняли собой весь берегъ. И общимъ суровымъ фономъ этой печальной картины служило хмурое, сѣдое озеро.

Непріютное, холодное широко разлилось Водлозеро *) въ низменныхъ берегахъ, густо поросшихъ

*) Площадь озера занимаетъ 411 кв. вер.

лѣсомъ. Страшна его необозримая гладь въ тихую погоду; еще страшнѣе, когда грозный сѣверикъ поднимаетъ на немъ высокія, бурныя волны. Крѣпки Водлозерскія лодки, но и имъ страшно пускаться въ холодныя воды озера при такомъ волненіи. И холодно и непріютно живется Водлозерамъ. Это огромное озеро точно тяготѣетъ надъ ними. Подуетъ сѣверный вѣтеръ — и скудное дневное пропитаніе, заключающееся преимущественно въ уловѣ рыбы, почти совсѣмъ отнято у Водлозёра. Развѣ только гдѣ нибудь въ небольшой лахтѣ или заливѣ можно половить рыбу. Кромѣ того то же озеро не позволяетъ ему часто сообщаться со своими сосѣдями. Между деревнями, разбросанными по берегамъ и на островахъ его, часто на цѣлые мѣсяцы прекращается сообщеніе. По мѣсяцамъ имъ не удается иногда съѣздить въ погостъ или волостное правленіе. Вотъ чѣмъ объясняется, что Водлозеры такъ рѣдко обращаются за рѣшеніемъ споровъ къ волостному суду, что они рѣже, чѣмъ въ какой-нибудь другой мѣстности уѣзда, зовутъ къ себѣ фельдшера, что часто по два, по три мѣсяца новорожденный ребенокъ остается у нихъ безъ крещенія.

Да, тяжела жизнь Водлозеровъ. Ранней весной идутъ они массами въ южную часть губерніи на водныя системы или на сѣверъ для рубки и гонки лѣса. И тутъ и тамъ ужасныя условія жизни: часто непосильная работа, сырость, холодъ, плохое питаніе развиваютъ заразныя болѣзни—и гибнутъ Водлозёры вдали отъ родныхъ деревень. Понятно, цѣна за ихъ работу весьма малая; да и то пол[illegible]аютъ

они ее не изъ прямыхъ рукъ, а отъ своего же брата богатѣя крестьянина, который наряжаетъ ихъ еще осенью. У богача-крестьянина бѣднякъ зачастую бываетъ въ долгахъ – вотъ почему при разсчетѣ онъ получаетъ весьма малую сумму за цѣлое лѣто усиленной работы.

Въ деревнѣ Большой Кулъ-Наволокъ всего одинъ большой двухъэтажный домъ. Онъ принадлежитъ мѣстному богачу крестьянину Кузнецову. Кузнецовъ держитъ при своемъ домѣ лавку—сильное орудіе, чтобы захватить въ свои руки бѣдныхъ крестьянъ. Жалуются на него односельчане и не любятъ его—а все же приходится ходить къ нему то за тѣмъ, то за другимъ. Кузнецовъ беретъ страшныя цѣны—такъ напр. за фунтъ соли—3 к., за крендель (баранки) — 1 к., за 1 ф. кофе — 80 к. и т. д.

Въ деревняхъ, оставляемыхъ весной Водлозерами, остаются бабы съ кучею ребятишекъ. На отвѣтственности бабъ лежитъ прокормленіе семьи, обработка поля. Не покладая рукъ работаетъ Водлезерка: она и на пашню поспѣетъ и рыбу выѣдетъ ловить съ неводомъ. Вечеромъ на большой дорогѣ, *) ведушей въ деревню, постоянно видишь группы бабъ и дѣтей, возвращающихся съ одного изъ заливовъ озера съ огромными корзинами изъ сосновыхъ дранокъ за плечами; это они несутъ дневной уловъ.

---

*) Проѣзжая дорога на Водлозеро проведена очень недавно; до этого времени Водлозеро принадлежало къ такимъ глухимъ угламъ Пудожскаго уѣзда, куда можно было проникнуть только верхомъ или пѣшкомъ.

Смѣла Водлозерская женщина: въ греблѣ она не уступитъ мужчинѣ. Впрочемъ бабѣ ставится даже въ укоръ сидѣть за рулемъ, когда мужикъ сидитъ въ веслахъ; она непремѣнно должна перемѣниться съ нимъ мѣстамъ. Неудивительно, что при такой суровой жизни Водлозерка пьетъ водку въ очень большомъ количествѣ, тогда какъ на озерѣ Купецкомъ, напр., бабы позволяютъ себѣ угощаться только наливками, по большей части купленными въ городѣ. Такъ живутъ Водлозеры дико и непривѣтливо, смотрятъ на первый взглядъ какъ-то сурово и невесело — развѣ потомъ при бесѣдѣ прояснятся ихъ хмурыя лица. Занимаются они преимущественно рыболовствомъ, особенно послѣ того, какъ стали преслѣдовать подсѣчное хозяйство; но есть у нихъ и пашни—и по цѣлымъ днямъ ихъ не видать дома. Даже и въ воскресенье уходятъ на работу; да и чѣмъ отличается у нихъ воскресенье отъ прочихъ дней?...

По истинѣ загна́но мѣсто это Водлозеро....

* * *

Много было работы у нашихъ Водлозерскихъ хозяевъ.

„И рады-бы были посидѣть съ вами“, часто извинялись они, „да работушки больно много.“

Семья была многочисленная и состояла больше изъ малолѣтнихъ. Да и старшіе казались какими-то Богомъ обиженными людьми. Большакъ, Михаилъ Ѳедотовичъ, очень добрый, но глуповатый мужикъ; его братъ—заика; большуха, Акулина Са-

вельевна, добродушная, преданная мужу и дѣтямъ, но сильно дурковатая, какъ-то пассивно относящаяся ко всему. Отъ снохи, почти занятой исключительно своими дѣтьми, нечего было ждать большой помощи; да она сама, выданная за заику, угнетенная заботами о больныхъ дѣтяхъ, сдѣлалась злой и сварливой и срывала свою злобу на Акулинѣ Савельевнѣ. А старшій сынъ Михаила Ѳедотовича, Яковъ, парень здоровый и сильный, казалось, больше думалъ о пѣсняхъ, играхъ, бесѣдахъ—да о своей собственной красотѣ, чѣмъ о работѣ, и всѣми силами отлынивалъ отъ нея.

Вотъ какова была семья нашихъ Водлозерскихъ хозяевъ. Въ небольшой, всегда почти наполненной дымомъ, „фатерѣ“, рѣдко можно было встрѣтить взрослыхъ; за то цѣлый день тамъ толкалась куча дѣтей. Тутъ были и свои и сосѣдскія: кроткій съ конфузливой улыбкой на губахъ, 10-лѣтній Алеша; Иля 6-лѣтній мальчикъ, всегда молчаливый, всегда задумчивый, до страсти любящій цвѣты, съ замѣчательно яснымъ и чистымъ взглядомъ голубовато-сѣрыхъ глазъ, и безотвѣтная, робкая Хоня, которая вѣчно таскала съ собой полуголовую сестренку, съ трудомъ, вся перегнувшись назадъ, удерживая ее на слабыхъ худенькихъ рученкахъ; и косматый, рыжый Пронька съ недобрымъ блескомъ въ темно-карихъ глазахъ. У этого Проньки была злая мачиха—вотъ почему можетъ быть этотъ 10-лѣтній мальчикъ казался такимъ озлобленнымъ. Двухгодовой братишка, котораго ему поручено было пѣстовать, то и дѣло лѣзъ къ нему, а онъ его

грубо отталкивалъ и съ рѣзкимъ и злымъ смѣхомъ рвалъ на немъ и безъ того худую рубашку.

„Пусть себѣ ходитъ такъ“, торжествующимъ тономъ говорилъ онъ на укоризненныя замѣчанія доброй Акулины Савельевны.

Но изъ всѣхъ дѣтей выдавались 11-лѣтняя дочь большака Марьюшка и ея однолѣтка подруга Дарко. Въ Пудожскомъ уѣздѣ намъ приходилось часто видѣть замѣчательныхъ по красотѣ дѣтей. И куда дѣваются потомъ эти тонкія, правильныя черты лица, чудные глаза, цвѣтъ волосъ? По крайней мѣрѣ у взрослыхъ намъ рѣдко случалось видѣть красивое лице. Марьюшка и Дарко были не только красивы, но замѣчательно изящны и граціозны. Обѣ были черноволосыя, чернoглазыя; только Марьюшка была живѣе и веселѣе, а у Дарки въ прекрасныхъ, опушенныхъ длинными рѣсницами, глазахъ сквозило больше мечтательности и томности. У Марьюшки движенія были ловкія и смѣлыя, и когда она дѣлала что нибудь, всегда казалось, что сама она любуется ими. Дарко же, казалось, всегда ластилась къ чему то. Обѣ знали о своей красотѣ; можетъ быть имъ наговорили о ней проѣзжіе чиновники, останавливающіеся у Михаила Ѳедотовича, потому что врядъ ли этого рода красота была по вкусу деревенскимъ. Сама Акулина Савельевна сказала разъ про обѣихъ дѣвочекъ: „Ихъ всѣ господа любятъ и балуютъ“. Какъ бы то ни было онѣ обѣ сознавали свою красоту и любили щеголять ею. Братъ захотѣлъ снять съ нихъ фотографію. Марьюшка отказалась: „Теперь не хочу; въ воскресенье вотъ—наряжусь тогда“. У Дар-

ки не было во что нарядиться: она всегда и по буднямъ, и по праздникамъ, ходила въ одномъ и томъ же полиняломъ заплатаномъ сарафанѣ. „Меня сейчасъ, только вонъ здѣсь“, быстро проговорила она почти умоляющимъ голосомъ. „Здѣсь можно?“ Она не захотѣла стать около стѣны, гдѣ снимались другіе, но побѣжала къ выдвинутой на берегъ лодкѣ, вскочила въ нее и встала въ позу, опершись рукой на высокій носъ лодки.

И во всемъ что бы онѣ ни дѣлали, и Марьюшка и Дарко старались выказать какъ можно больше ловкости и граціи. Бывало видишь, Дарко возвращается со своими семейными съ рыбной ловли. Большая, наполненная рыбами корзина у нея за плечами; утомленная непосильной работой сгибается она подъ тяжелой ношей—и всетаки какъ легка и миловидна вся ея тоненькая стройная фигура. Марьюшка не отступаетъ отъ подруги. Всегда веселая, всегда одинаково граціозная, убираетъ ли она, тихо напѣвая пѣсню, домашнюю посуду, причесываетъ ли младшихъ сестеръ, защищаетъ ли ихъ отъ нападенія старшаго братана Ѳеди.

Это былъ по истинѣ ужасный мальчуганъ, котораго никто не могъ засадить за какую нибудь работу, который смѣялся надъ приказаніями старшихъ, жилъ какъ ему хотѣлось, билъ и дразнилъ окружавшихъ его дѣвочекъ. Всегда оборванный и грязный, съ спутанными волосами, изъ подъ которыхъ выглядывали дерзко и нахально сѣрые глаза, съ всегда приподнятой вверхъ головой, съ отчаяннымъ видомъ, онъ, казалось, только и искалъ случая и возможности сдѣлать какую-нибудь ша-

лость. Не смотря, однако, на всѣ его продѣлки, дѣвочки любили безшабашнаго, лѣниваго, неуслужливаго Ѳедю, отъ котораго имъ порой даже сильно доставалось.

Разъ вечеромъ вхожу въ „Фатеру.“ Собралась масса дѣтей. Въ серединѣ, на лавкѣ, сидитъ Ѳедя, болтая ногами и безумно хохочетъ; смѣется и вся компанія; только двухлѣтняя Олена, не обращая ни на кого вниманія, высунувъ языкъ, бѣгаетъ вдоль скамьи, придерживаясь за нее руками.

„Посмотри, тетенька, какой дуракъ“, указала мнѣ на Ѳедю Дарко. „Смѣется, самъ не знаетъ чему“, — и Дарка тотчасъ же сама разсмѣялась.

„Безсовѣстный, ему говорятъ: кто будетъ зыбку, качать? А онъ и не думаетъ“, произнесла Марьюшка, метнувъ грозный взглядъ по направленію Ѳеди, и все-таки улыбнулась. „Ну, ужъ погоди: придетъ ужо дяинька...“

„А что?“ проговорилъ Ѳедя и тотчасъ же не преминулъ толкнуть ногой пробѣгавшую мимо Олену.

„Вотъ ты какой, вотъ ты какой“, накинулась на него Марьюшка и побѣжала успокаивать раскричавшуюся дѣвочку.

„Ну, не дуракъ ли ты?“ презрительно пожала плечами Дарко, обращаясь къ Ѳедѣ. „Мы, тетенька, говоримъ ему: ходитъ онъ учиться, два года ужъ ходитъ, а все равно ничего не знаетъ“.

„А ты то умѣешь?“ внезапно обернулся къ ней Ѳедя.

„Да я и не учусь. Меня бы учили—не такъ бы я умѣла“, и Дарко вздохнула и скромно опустила глаза.

„А ну ка прочти—вотъ книга—покажи тетенькѣ, какъ ты читаешь“, начала она тотчасъ поддразнивать мальчика.

Но Ѳедя, навѣрно сознавая свое безсиліе, упорно отказался читать. Дѣвочки торжествовали и начали осыпать его насмѣшками.

Разговоръ между тѣмъ перешелъ на другую тему.

„Скучно у насъ теперь, тетенька“, проговорила Дарко. Бесёды нѣтъ. Намъ и некуда ходить.“

„Прежде“, пояснила Марьюшка „дѣвушекъ у насъ было много. Соберутъ бесёду—и мы идемъ. А теперь какъ то всѣ за одно замужъ пошли—не для кого и бесёду дѣлать; одна дѣвушка всего и осталась въ деревнѣ“.

„Она насъ учитъ какъ играть. Мы вѣдь играть умѣемъ: и кандрель и ланціетъ“, съ гордостью заявила Дарко. Туть вотъ къ мостику, что на дорогѣ, пойдемъ съ нею, она и учитъ насъ“.

Только послѣ долгихъ упрашиваній дѣвочки согласились спѣть. Дарко затянула унылый мотивъ; подхватила его и Марьюшка. У Дарки голосъ былъ сильный и глубокій; у Марьюшки тоненькій и звонкій. Марьюшка пѣла разсѣянно, поминутно поправляя то складку сарафана, то ленту на головѣ. По увлажненнымъ глазамъ Дарки, блестѣвшимъ изъ полуопущенныхъ рѣсницъ, видно было, что она предавалась вся грустному настроенію, навѣваемому на нее унылымъ мотивомъ.

* * *

Уже нѣсколько дней Водлозеро преграждало намъ дальнѣйшій путь. Сѣверикъ съ самаго пріѣзда нашего въ Большой Кулъ-Наволокъ никакъ не хотѣлъ успокоиться, и Водлозеро волновалось и сердилась такъ, что никто не рѣшался свезти насъ на противоположный берегъ его въ деревню Конза-Наволокъ, гдѣ находилось волостное правленіе.

„Вставайте скорѣе“—разбудили насъ внезапно однимъ пасмурнымъ, холоднымъ утромъ—„можно доѣхать, если поспѣшить.“

„Сѣверикъ стихъ?“ былъ нашъ первый вопросъ.

„На подсиверный западъ свернулъ. Доѣхать можно, хоть и противъ вѣтру будетъ“.

Большая крѣпкая лодка ожидала насъ у берега. На днѣ ея заботливо была наложена груда соломы для насъ. У руля помѣстился староста какой то дальней деревни, которому было по дорогѣ ѣхать съ нами; въ веслахъ сѣли: нашъ хозяинъ, Михаилъ Ѳедотычъ, сынъ его Яковъ и солдатка Матрена, женщина лѣтъ 36, извѣстная своею ловкостью и силою въ греблѣ.

„Не потрепало бы васъ на озерѣ“, озабоченно качая головой, произнесла намъ на прощанье Акулина Савельевна.

Лодка быстро ныряла по свинцовымъ волнамъ; онѣ не были особенно велики, пока мы ѣхали заливомъ. Но вотъ остался въ сторонѣ берегъ—все дальше и дальше отступалъ онъ—и грознѣе стали увѣнчанныя бѣлою пѣною волны. Крѣпко налегали на весла гребцы. Разговору было мало: все ихъ

вниманіе было обращено на весла. Только отъ времени до времени слышалось предупрежденіе рулеваго: „Волна!“ Намъ было видно ее: высокая, грозная — она стѣной поднималась надъ лодкой. Гребцы дѣлали особенное усиліе—носъ лодки высоко взлеталъ, и мигомъ затѣмъ опускались мы опять въ сѣрую бездну, чтобы сейчасъ же опять взлетѣть наверхъ.

„Ни разу еще не залило“, съ гордостью говорилъ иногда Михаилъ Ѳедотычъ.

Водлозеро испещрено островами. По словамъ мѣстныхъ жителей ихъ здѣсь столько, сколько дней въ году. Тутъ и большіе и маленькіе—но всѣ они поросли зеленью или лѣсомъ, всѣ окружены будто твердыней сѣрыми валунами, о которые бѣлыми брызгами и пѣной разбиваются волны. Мы лавируемъ между островами: староста, хорошо знакомый съ озеромъ, ищетъ, какъ онъ выражается, — «ти́шинки» — т.-е. мѣстъ защищенныхъ отъ вѣтра самымъ расположеніемъ острововъ. Въ «тишинкѣ» отдыхаютъ гребцы — нѣтъ лишней траты силъ на борьбу съ волнами; тутъ совсѣмъ тихо— не слышишь грознаго бушеванія вѣтра. Иногда въ этихъ тихихъ плесахъ встрѣчаешь двухъ или трехъ лебедей. Гордо изогнувъ свои прекрасныя бѣлыя шеи, они медленно и величаво плаваютъ вдоль острововъ. Они не боятся приближающихся людей: ни одинъ олончанинъ никогда не стрѣлялъ въ лебедя, потому что трогать его считается грѣхомъ, который непремѣнно будетъ наказанъ или смертью или семейнымъ несчастіемъ стрѣлявшаго.

Но вотъ кончается «ти́шинка». Снова выѣзжаешь въ бушующее озеро; снова раздается монотонное: «Волна!» Умолкаютъ разговорившіеся-было гребцы.

Яковъ начинаетъ уже утомляться; вяло зацѣпляетъ его весло за воду и сбиваетъ съ такту сидящую рядомъ съ нимъ Матрену.

Сердито взглядываетъ на него Матрена и тотчасъ отвертывается опять къ своему веслу. Хмуро глядитъ она на озеро; внимательно слѣдитъ за волнами.

Тяжелая жизнь на берегу этого озера, вѣчная зависимость отъ него и борьба съ суровой природой наложили свой отпечатокъ на нее. Окрѣпли ея мускулистыя руки отъ постоянной усиленной гребли; окрѣпъ весь ея организмъ, противостоящій съ легкостью перемѣнамъ погоды. Окрѣпли также ея внутреннія силы. Бодро переноситъ она трудную жизнь солдатки, не имѣющей работника въ семьѣ, долженствующей кормить себя и нѣсколько человѣкъ дѣтей. И теперь въ ея взглядѣ, полномъ тупаго безъисходнаго горя и тоски, которыя придаетъ только бѣдность и нужда, нѣтъ ни малѣйшаго страха. Не впервые ей бороться съ расходившимися волнами. Но нѣтъ и самохвальства—она сознаетъ опасность, сознаетъ всю силу бушующей стихіи, но соразмѣряетъ съ ней и собственныя силы. И твердо лежатъ ея руки на рукояткѣ весла, и сильнымъ взмахомъ ровно взлетаетъ оно изъ воды и снова опускается въ нее.

Мы проѣзжаемъ мимо заселенныхъ острововъ. Нѣсколько избъ ютятся на этихъ небольшихъ

клочкахъ земли среди рѣдко спокойнаго озера. Намъ показываютъ другіе острова, на которыхъ расположены пашни этихъ деревень; еще другіе, гдѣ находятся ихъ пастбища. На все лѣто отво зятъ сюда скотъ и каждый день пріѣзжаютъ въ лодкахъ бабы доить своихъ коровъ.

Мало-по-малу разговорились. Староста съ любопытствомъ спросилъ, куда мы поѣдемъ изъ Пудожа.

„Въ Соловки“ — отвѣчали мы.

„Будто плохо“, одобрительно проговорилъ староста.

„Хорошее это дѣло, къ святымъ угодникамъ съѣздить. Вотъ и отъ насъ сколько народу ѣздитъ. Всякій хоть разъ побывалъ.“

„Ѣздимъ вотъ какъ, началъ разсказывать староста; соберется народъ, сложится – ка́рбасъ (лодку) значитъ заведемъ себѣ, а то иной побогаче и такъ даромъ ка̀рбасъ дастъ. Припасовъ себѣ возьмемъ тоже. А потомъ и ѣдемъ; гребемъ по очереди, а какъ волокъ — тащимъ ка́рбасъ на себѣ. Такъ-то рѣкама да озерама до Онеги доѣдемъ. А тамъ монашки до угодниковъ довезутъ. А пріѣдемъ оттуда — нашъ ка́рбасъ опять ждетъ насъ, тѣмъ путемъ и обратно доѣдемъ“.

Увлекшійся разговоромъ староста пересталъ обращать вниманіе на руль.

„Староста, на луду *) правишь“, безстрастно замѣтилъ ему Михаилъ Ѳедотычъ.

Луда дѣйствительно виднѣлась вблизи; волны сильно разбивались о песчаную мель, бурлили бѣ-

*) Луда—подводный камень.

лой пѣной вокругъ незамѣтныхъ подъ водой камней.

„Ладно, ладно“, успокаивалъ староста и внезапно, неожиданно для себя, ощупалъ рулемъ камень.

„Сохрани Господи“, воскликнулъ онъ испуганно.

„А и впрямь на луду правлю, да и не запримѣтилъ“, продолжалъ онъ, уже улыбаясь, когда два-три сильныхъ взмаха веселъ отнесли насъ далеко отъ опаснаго мѣста. „Вотъ оно и корщикъ какой я.“

Нанесенная на луду лодка можетъ сразу разбиться. Бывали случаи, когда люди, выкинутые на луду, долго боролись съ волнами, но ихъ или разбивало постоянно набѣгавшими волнами или уносило далеко въ открытую воду.

Гребцы причаливаютъ къ одному маленькому безлюдному островку. До Конза-Наволока остается 5 верстъ по совершенно почти гладкому мѣсту. Надо дать отдохнуть рукамъ. Мы выходимъ всѣ на островокъ. Буря гудитъ кругомъ наклоняя вѣтви елки, одиноко растущей на немъ. Вокругъ тѣснятся, спѣшатъ куда-то, сѣдые, бурные волны. Минутъ черезъ 10 гребцы съ новой силой опять берутся за весла.

На пути мы встрѣчаемъ рыболововъ; одни только что выѣзжаютъ на промыселъ; другіе осматриваютъ уже брошенные невода. Какъ-то отрадно встрѣтить на этомъ просторѣ другихъ людей и страшно въ одно и тоже время смотрѣть на ихъ то высоко взлетающія, то исчезающія въ сѣдой безднѣ лодки.

Налѣво въ сторонѣ остается длинный, узкій Кингъ-островъ. На немъ, говоритъ преданіе, была

битва съ чудью, и тутъ легла она вся. Лѣсъ на этомъ островѣ издавна почитается волдозерами священнымъ, хотя на немъ и нѣтъ никакой часовни; но рубить его считается грѣхомъ, запрещеннымъ Богомъ.

„Знаешь Кузнецова у насъ въ Кулъ-Наволокѣ—домъ у него большой такой“, произноситъ своимъ медленнымъ и нерѣшительнымъ голосомъ Михаилъ Ѳедотычъ „такъ то отецъ его, Василій Кузнецовъ, рубить захотѣлъ. Долго ни за какіе деньги не могъ подрядить, кто бы ему срубилъ. А потомъ рука у него и отсохни.“

Въ лодкѣ наступило молчаніе. Реветъ вѣтеръ, низко наклоняя деревья на молчаливомъ, таинственномъ Кингъ-островѣ. Лодка быстро проносится мимо.

Не только на Кингъ-островѣ лѣсъ считается священнымъ и не съ нимъ однимъ связано преданіе. Близь деревни Б. Кулъ-Наволокъ лежитъ такъ называемый Пѣтуній островъ; мелкій кустарникъ на немъ также запрещено рубить. Другой Воскресенскій островъ, почитается священнымъ за то, что на немъ находится древняя часовня и около нея могила, приписываемая какому-то пустыннику. Здѣсь служатъ молебенъ въ Ѳомино воскресенье, и многіе пріѣзжаютъ сюда. Преданіе говоритъ, что на этомъ островѣ спасались два пустынника, изъ которыхъ одинъ, впрочемъ, ушелъ отъ своего товарища. Именъ ихъ не знаетъ никто; но народъ убѣжденъ, что они святые.—Много преданій вообще сохранилось на Водлозерѣ относительно раз-

ныхъ острововъ и урочищъ, и крѣпко держится ихъ народъ.

Небо мало-по-малу начинаетъ проясняться. Вѣтеръ съ силою гонитъ тучи; вотъ заблестѣло солнце. Одна половина озера еще отражаетъ сѣрое, покрытое тучами небо; другая блеститъ яркой синевой. На возвышенномъ берегу, облитыя лучами солнца, тѣснятся вокругъ деревянной часовни избы Конза-Наволока.

...Возвратный путь мы совершили подъ парусомъ. Вѣтеръ еще не стихалъ, но небо было совершенно ясно. Синія волны озера подкатывались подъ бортъ нашей лодки, приподнимали ее на свой высокій гребень и снова сдавали ее катящейся рядомъ волнѣ. Кружилась пріятно голова отъ этого постояннаго колыханія, отъ блеска и движенія ярко-синихъ волнъ.

Гребцы отдыхали: Матрена, сложивъ на груди руки, глядѣла куда-то въ даль. Яковъ улегся на лавкѣ. Только Михаилъ Ѳедотычъ, крѣпко замотавъ брасъ вокругъ ноги, управлялъ имъ парусомъ. Молчали всѣ; тихо посвистывалъ Михаилъ Ѳедотычъ, призывая свистомъ вѣтеръ *).

„Эхъ, мало подсобляютъ", проговорилъ, наконецъ, Яковъ.

Онъ приподнялся съ лавки, снялъ шапку и поклонился:

„Сивушки бурушки
„Вѣщія вороняюшки,
„Пособите дружки, помогите.
„Какъ моего дѣдушку слухали.

*) Повѣрье, распространенное по всему сѣверу.

„Какъ моего батюшку слухали
„Послужите и мнѣ
„Вѣрой правдою
„Силою крѣпкой“,

быстро проговорилъ онъ и снова легъ на лавку.

„Ишь, услыхалъ; вотъ такъ славно; ну, еще, еще—вотъ такъ!“ съ удовольствіемъ возглашалъ Яковъ. Дѣйствительно вѣтеръ, точно послушавшись заклинанія, началъ крѣпчать.

Яковъ затянулъ пѣсню.

Какое-то особенное впечатлѣніе оставляло это пѣніе среди всеобщей тишины, прерываемой только рѣзкими порывами вѣтра, да журчаніемъ воды, прорѣзываемой лодкой.

Голосъ у Якова былъ сильный, мягкій и гибкій. Его съ удовольствіемъ можно было слушать.

„Спой еще пѣсню, Яковъ“, попросили мы.

Яковъ посвистѣлъ немного, чтобы еще вызвать вѣтеръ и началъ снова. На этотъ разъ онъ хотѣлъ удивить насъ своимъ знаніемъ городскихъ пѣсенъ.

Вотъ что онъ пѣлъ:

Скрылось солнце за морями
Водворилась тишина,
И съ Петровской долины
Волны плещутъ берега (sic)
Бѣдный рыцарь тамъ стремился
Къ Марфеѣ молодой.
Тамъ Марфею сняряжали
Жить побѣдную къ вѣнцу.
Марфея бѣдна плачетъ,
И несчастна слезы льетъ:
„Ужъ вы, дѣвушки, скажите,
Какъ забыть бы рыцаря.“

Бѣдный рыцарь наѣзжаетъ;
Рыцарь саблю облагалъ.
Сабля вострая свилася
И покатилась голова.
Померла наша Марфея,
Руки къ сердцу приложила,
Богу душу отдала.
Гробны доски сколотили
И въ Божью церковь понесли,
Всѣ тамъ пѣвчіе пропѣли,
Потряслася мать земля,
И вся вселенная сказала,
Что есть погибшая душа.
Тѣло въ гробѣ говорило:
„Подойди, милой, сюда.“
Священники сказали:
„Воротить души нельзя.“

Съ трудомъ узнали мы въ этихъ словахъ извѣстную балладу «Мальвину». Нѣсколько разъ приходилось намъ слышать въ среднихъ губерніяхъ передѣлку этой баллады, но никогда въ такомъ исковерканномъ видѣ. Не менѣе удивилъ насъ Яковъ, когда послѣ этой пѣсни, онъ съ гордостью затянулъ «Козъ-Булатъ удалой» и наконецъ «По синимъ волнамъ океана».

Жадная до новыхъ пѣсень деревенская молодежь съ увлеченіемъ учитъ всѣ пѣсни, приносимыя Петрозаводскими мастеровыми и отслужившими солдатами, и наконецъ переводитъ на пѣсенный складъ выучиваемыя въ школѣ стихотворенія.

Вѣтеръ все еще недостаточно подсоблялъ, по понятію Якова. Онъ опять началъ свистѣть.

«Довольно, Яша», замѣтилъ Михаилъ Ѳедотычъ.

„Не видишь, что-ли, какъ везетъ? Мало тебѣ?“ сердито обернулась въ его сторону Матрена.

Но Яковъ не унимался.

„Эй, вы, живѣй“, кричалъ онъ. „Ну, тройкой подсобите!“ Налетѣвшій порывъ вѣтра заставилъ карбасъ сильно накрениться. Огромная синяя волна заглянула къ намъ въ лодку. Яковъ мигомъ вскочилъ.

„Довольно, довольно!“ закричалъ онъ и показалъ кулакъ волнамъ.

„Ну васъ! Ишь расходились!“

„Говорили тебѣ“, произнесъ Михаилъ Ѳедотычъ.

Яковъ опять легъ и въ полголоса затянулъ пѣсню.

Вдали показался Кулъ-Наволокъ.

„Ну, громче теперь — пусть всѣ слышатъ, что мы ѣдемъ. Подтягивай Матрена!“ воскликнулъ Яковъ.

Матрена улыбнулась и присоединила свой голосъ То былъ голосъ рѣзкій, немного надтреснутый. Испортился-ли онъ подъ вліяніемъ тяжелой жизни, неблагопріятныхъ климатическихъ условій?

Громко на весь заливъ звучала пѣсня. Подъ ея звуки лодка быстро пробѣжала лахту и мягко врѣзалась носомъ въ песчаный берегъ.

* * *

На этотъ разъ озеро совершенно тихо. Можетъ быть и обѣщаютъ дождь густыя бѣлыя облачка, поднимающіяся на горизонтѣ; но все небо безоблачно и солнце обдаетъ насъ сверху цѣлымъ потокомъ горячихъ лучей. Точно по голубому зер-

калу скользитъ лодка. Нашъ путь лежитъ въ оба Водлозерскіе погосты: Пречистенскій и Ильинскій.

Опять острова перерѣзываютъ намъ прямой путь. Снова мы огибаемъ ихъ скалистые берега — то въѣзжаемъ въ тѣнь, бросаемую на воду деревьями, растущими на нихъ, то выѣзжаемъ снова на освѣщенную солнцемъ ярко-голубую поверхность озера. Но вотъ лодка въѣзжаетъ въ узкій проливъ между двумя островами—такъ называемый „Желѣзныя ворота“ — и заблестѣла передъ нами, ослѣпляя глаза, непрерываемая островами, далекая и широкая гладь озера. Вдали на высокой горѣ виднѣлся Пречистенскій погостъ.

Михаилъ Ѳедотычъ, и на этотъ разъ сопровождающій насъ въ качествѣ рулеваго, быстро поднимается съ мѣста, снимаетъ шапку и кланяется.

„Что ты кланяешься“? спросили мы.

Михаилъ Ѳедотычъ, успѣвшій уже сѣсть снова за руль, сконфузился и промолчалъ.

„Такъ ужъ ведется у насъ“, проговорилъ онъ наконецъ.

Только послѣ долгихъ разспросовъ намъ удалось узнать настоящую причину его поведенія.

Дѣло въ томъ, что на Водлозерѣ, гдѣ, какъ уже было сказано, остался особенно въ силѣ культъ водянаго царя и подвластныхъ ему духовъ—водяныхъ озеръ, рѣкъ и ручьевъ — ходитъ преданіе, что въ „Желѣзныхъ воротахъ“ обитаетъ водяной. Въ существованіи водяныхъ населеніе нисколько не сомнѣвается; живо хранитъ оно это вѣрованіе, подкрѣпляемое разсказами очевидцевъ, или слышанными отъ очевидцевъ о томъ, какъ видѣли во-

дянаго старика, который иной разъ является снабженнымъ гусиными лапами, въ другой — похожимъ во всемъ на обыкновенныхъ людей. Еще недавно одинъ мужикъ изъ Кулъ-Наволока видѣлъ его въ самыхъ Желѣзныхъ воротахъ: онъ вылѣзъ на островъ и сидя на камнѣ, началъ было гребнемъ расчесывать свои волосы, но при видѣ человѣка, стремглавъ бросился въ воду. Неудивительно поэтому, что проѣзжая этотъ проливъ — жилище водянаго, Водлозеры кланяются ему и часто. проѣхавъ мимо благополучно, крестятся. Впрочемъ не одни Желѣзныя ворота страшны для Водлозера. Есть еще другой проливъ, близъ Ильинскаго погоста, гдѣ живетъ другой водяной, такъ называемый Ильинскій, въ отличіе отъ Пречистенскаго — обитателя Желѣзныхъ воротъ. Интересно, что Водлозеро по представленію народа находится въ вѣдѣніи двухъ водяныхъ; еще интереснѣе, что мѣсто ихъ жительства опредѣляютъ именно близъ двухъ Водлозерскихъ погостовъ, какъ бы указывая на то, что тамъ гдѣ теперь стоятъ христіанкія церкви, прежде были священныя языческія-смѣста. Вотъ какое преданіе ходитъ въ народѣ относительно родства этихъ двухъ владыкъ огромнаго озера. Ильинскій водяной пожелалъ выдать свою дочь за сватавшагося за нее пречистенскаго водянаго. Но у дочери водянаго былъ и другой женихъ: водяной съ Кенозера, которое прежде было соединено съ Водлозеромъ. Узнавъ о предпочтеніи, выказанномъ пречистенскому водяному, кенозерскій водяной навсегда разссорился съ ильинскимъ, ушелъ къ себѣ и дорогу къ Водлозеру забросалъ

камнями. Вотъ почему Кенозеро теперь не соединяется съ Водлозеромъ. А пречистенскій водяной справилъ свою свадьбу и въ приданое за молодой женой, между прочимъ, получилъ цѣлый островъ, который, везомый пѣтухомъ, пріѣхалъ съ рѣки Илексы къ дер. Большому Куль-Наволоку, т. е. въ часть озера, принадлежащую пречистенскому водяному. И до сихъ поръ стоитъ этотъ островъ и носитъ названіе Пѣтуній, потому что его привезъ чудесный пѣтухъ. Какъ было сказано раньше, кустарникъ на этомъ островѣ считается священнымъ.

Есть преданіе, что пречистенскій погостъ предполагалось построить на островѣ Шенгема лежащемъ очень близко къ Желѣзнымъ воротамъ. Но лѣсъ, пригнанный сюда для постройки, самъ собою отплылъ къ тому мѣсту, гдѣ теперь стоитъ погостъ. Набожный народъ счелъ это за нежеланіе Божіей Матери имѣть церковь на островѣ Шенгема и построилъ въ честь Ея Рождества храмъ на выбранномъ Ею самой мѣстѣ.

Теперь Пречистенскій погостъ стоитъ на высокой горѣ, круто спускающейся къ озеру. Выше елей, угрюмыми, мрачными стрѣлами поднимающимися къ небу, высятся купола церкви. Между темно-зелеными вѣтвями едва сквозятъ бѣлыя стѣны ея.

Долго шли мы по чрезвычайно крутому подъему отъ озера до погоста, пока, наконецъ, привѣтливо не замелькали между деревьями постройки, относящіяся къ домамъ причта. У загороди передъ своимъ домомъ, съ любопытствомъ разглядывая насъ, уже стояла матушка и настоятель погоста о. Ва-

силій—человѣкъ еще не старый, высокій и худой, въ потертомъ полрясникѣ, круглой фетровой шляпѣ и съ тугозаплетенной косичкой.

Насъ приняли чрезвычайно радушно, будто старыхъ знакомыхъ. По прошествіи первыхъ минутъ разговоръ уже шелъ быстро и оживленно. Обреченные на скучную жизнь вдали отъ прихожанъ, наши хозяева, очевидно, были рады встрѣчѣ съ новыми людьми.

Особенно говорливой и любопытной оказалась матушка. О. Василій былъ болѣе молчаливъ; онъ давалъ больше высказываться собесѣднику, иногда покашливалъ вмѣсто отвѣта и пытливо посматривалъ на говорившаго своими сѣрыми, часто мигающими глазами.

Онъ оказался, впрочемъ, большимъ хлѣбосоломъ. Матушка, поспѣвавшая и съ разговоромъ и съ хлопотами по хозяйству, скоро появилась съ кофеемъ, разлитымъ въ чашкахъ. За кофеемъ послѣдовалъ чай; между чаемъ и кофеемъ обносили лепешками, пирожками съ вареньемъ и другимъ печеньемъ. А скоро засадили и за обѣдъ съ ухою, студнемъ, рыбникомъ двухъ сортовъ, вареной рыбой и только послѣ такого „постнаго обѣда“ (время было Петровки, и матушка извинялась, что не могла угостить лучше) о. Василій согласился исполнить нашу просьбу и показать намъ церкви.

Въ Пречистенскомъ погостѣ двѣ церкви: старая и новая. Послѣдняя выстроена недавно, окрашена въ бѣлую краску, такъ что издали походитъ на каменную; она представляетъ изъ себя высокій кубическій срубъ, увѣнчанный пятью куполами.

Составляя гордость Водлозеровъ, пожертвовавшихъ много на ея построеніе, она тѣмъ не менѣе ничѣмъ не интересна. Старая церковь, судя по церковнымъ записямъ, построена въ 1752 г. Это типичная сѣверная церковь, архитектура которой имѣетъ свой особенный характеръ: продолговатый, четыреугольный срубъ съ высокопоставленными окнами, съ чешуйчатыми куполами и барабанами, выходящими прямо изъ крыши, съ красивыми сѣнцами и шатровидной, гокоющейся на столбахъ колокольней. Внутри она раздѣлена на двѣ части. Въ первой хранятся старыя церковныя вещи; во второй, хотя изрѣдка, происходитъ служба. Сначала церковь была шатровая; но она относительно недавно была поправлена, шатеръ уничтоженъ и иконы подновлены на средства Водлозеровъ. Сохранилась хорошо только одна старинная икона: это изображеніе Страшнаго Суда, пожертвованное какъ гласитъ надпись на немъ, въ 1786 году Водлозеромъ Петромъ Аѳонасьевичемъ Лебедевымъ. Этотъ образъ, по предположенію отца Василія, былъ, вѣроятно, написанъ кѣмъ-либо изъ живописцевъ при Даниловскомъ скиту. Живописцы изъ Даниловцевъ были прежде въ большой славѣ на сѣверѣ. Яркими, сохранившими еще свѣжесть красками, разрисованы тутъ ангелы, черти, змій, въ огненную пасть котораго Архангелъ Михаилъ вталкиваетъ грѣшниковъ, мученія и казни за разные грѣхи, праведники, смерть-скелетъ, несущій разные инструменты въ берестяныхъ „крошняхъ“ за плечами, и подъ надписью: „вода отдаетъ мертвыя своя“, ѣдущій на

рыбѣ водяной, держащій въ рукѣ лодку, полную мертвецовъ.

Прекрасный видъ на Водлозеро открывается съ колокольни погоста. Все озеро лежитъ гдѣ-то далеко внизу. Взоръ свободно минуетъ строенія погоста, минуетъ массу острововъ, тонущихъ среди свѣтлоголубыхъ водъ, видитъ массу деревень, разсыпанныхъ по берегамъ и на островахъ, пашни, золотисто-зелеными пятнами выступающія среди темной зелени лѣсовъ, и останавливается тамъ, гдѣ свѣтлая полоса неба граничитъ съ свѣтлой полосой воды, закрытой пологомъ сѣроватаго тумана.

Много разсказывала намъ матушка о своемъ житьѣ-бытьѣ, жаловалась на безлюдье, на бѣдность своихъ прихожанъ, отъ которыхъ зависитъ и ихъ собственное благосостояніе. Удерживаемые частыми бурями, прихожане рѣдко являются къ обѣднѣ; церковь зачастую бываетъ пуста. Только въ Петровъ день—праздникъ въ погостѣ—стекаются сюда Водлозеры въ огромномъ количествѣ, не смотря ни на какую погоду. Тогда погостъ оживляется. Пестрая толпа послѣ обѣдни разсыпается по всей горѣ; располагаются на травѣ съ припасами, привезенными изъ дому; другіе, неся съ собою свои кушанья, между прочимъ, морошку, идутъ плакать на могилы родныхъ.

Петровъ день—великій праздникъ для Водлозеровъ. Сюда, на Пречистенскій погостъ, говоритъ преданіе, ежегодно въ этотъ день къ самой обѣднѣ прибѣгалъ лось; его закалывали и ѣли всѣ, пришедшіе на праздникъ. Лось давно пересталъ при-

бѣгать на жертвоприношеніе; его замѣнили быкомъ, котораго приводили прихожане—но и этотъ обычай уже вывелся и живетъ только въ преданіи. Общественныя пиршества, такъ называемыя „жертвы“ не вывелись совершенно въ Пудожскомъ уѣздѣ. Въ полной силѣ они существуютъ въ немногихъ мѣстностяхъ. За то въ многочисленныхъ деревняхъ сохранилось преданіе всегда одно и тоже, что въ тотъ то или въ другой день прибѣгалъ къ церкви или часовнѣ олень или лось или прилеталъ лебедь *), что эти животныя закалывались въ качествѣ жертвъ. Но, прибавляетъ всегда преданіе. однажды не дождались жертвеннаго животнаго и замѣнили его быкомъ (въ другихъ мѣстностяхъ бараномъ). Явился таинственный звѣрь, увидалъ замѣну и исчезъ; съ тѣхъ поръ всегда и рѣжутъ быковъ и барановъ. Теперь жертвенное животное покупается на общій счетъ, какъ напримѣръ въ деревнѣ Корбозерѣ; или же приносятъ въ жертву такъ называемыхъ „завиченныхъ“ барановъ, какъ напримѣръ въ Авдѣевской волости на озерѣ Купецкомъ. Здѣсь жертвоприношеніе происходитъ въ праздникъ св. Макарія Унженскаго, 26-го іюля Св. Макарій считается покровителемъ скота. Вотъ почему, чтобы охранить свой скотъ отъ падежа или отъ „витреннаго волка“ и „окаяннаго медвѣдя“—часто же въ благодарность за исцѣленіе отъ какой-нибудь болѣзни, крестьяне „завичаютъ“ барановъ св. Макарію. „Завиченный“ баранъ отмѣчается въ стадѣ; его откармливаютъ

*) Поляковъ: Зап. И. Г. Общ. От. Эт. Т. VII.

и въ день памяти уважаемаго святаго, ведутъ къ часовнѣ его имени. Эта часовня стоитъ на берегу озера между дер. Бураковымъ и Авдѣевской. Сюда стекается народъ со всей волости. Изъ Буракова пріѣзжаетъ священникъ и служитъ молебенъ. Затѣмъ онъ кропитъ жертвенное мясо святой водой. А потомъ начинается пиршество.

На Водлозерѣ не сохранилось до сихъ поръ жертвоприношенія. Только старики помнятъ, какъ въ Ильинъ день рѣзали быка на Ильинскомъ погостѣ, и какъ въ Коизѣ Новолокѣ въ тотъ же день приносили въ жертву нетёлку. О жертвоприношении на Пречистенскомъ погостѣ, какъ уже сказано, сохранились одни только разсказы.

Горячо обвиняла матушка Водлозеровъ: „и Петровщину *) то они плохо сбываютъ, да и за требы даютъ мало и неохотно. Даже за дѣтей, которымъ далеко ѣздить каждый день въ школу, находящуюся близь погоста, и которымъ дается убѣжище въ домѣ священника—даже за нихъ рѣдко даютъ какую-либо плату.“

Только напоивъ насъ во второй разъ чаемъ, о. Василій согласился отпустить насъ. Еще долго стояли на берегу, провожавшіе насъ наши гостепріимные хозяева. Отецъ Василій дѣлалъ намъ прощальные знаки своей выцвѣтшей фетровой шля

*) Два раза въ годъ установленъ сборъ въ пользу духовныхъ лицъ: „Петровщина“ заключающаяся въ сборѣ молока и масла и „осеньщина“, состоящая въ сборѣ рыбы. Собираютъ „Петровщину“ и „Осеньщину“ или самъ священникъ съ членами причта или жены ихъ. Понятно, что на Водлозерѣ сборъ, по бѣдности жителей, не можетъ быть великъ.

пой; матушка махала платочкомъ. „Кланяйтесь о. Іоанну“, въ послѣдній разъ донесся до насъ по волнамъ ея голосъ.

Солнце уже садилось, когда мы подъѣзжали ко второму Водлозерскому погосту — Ильинскому. Огненнымъ шаромъ погружалось оно въ сѣрыя, успѣвшія потемнѣть, волны. Жарко горѣлъ закатъ, бросая свой отблескъ на озеро. На его ярко-красномъ, точно дышащемъ огнемъ фонѣ какъ-то особенно рѣзко выдѣлялся низменный островъ и на немъ пашни, изгороди, дома причта и окруженная нѣсколькими елями деревянная церковь. Съ запада потянулъ вѣтерокъ; зарябились облитыя пурпуромъ волны; тихо заколебались темныя вѣтви елокъ на островѣ. Какъ бы внезапно оживилась вся картина, мирно дремавшая до сихъ поръ.

Дорога къ церкви идетъ между засѣянныхъ пашенъ причта. Рожь уже довольно высока и начинаетъ колоситься. Бѣжитъ вѣтерокъ по этому морю зеленыхъ колосьевъ. Между стеблями склоняющимися волнами, точно огненныя нити, сквозятъ лучи заката. Мы подходимъ къ деревянной оградѣ, обнесенной вокругъ церкви и кладбища.

Мирно спитъ кладбище. Подъ тѣнью елей возвышаются зеленые бугры — тутъ покосившійся крестъ, тамъ полуобваливвшаяся ветхая кивотка.

Церковь высокая съ четырехъ-угольной колокольней, недавно поновленная, недавно выкрашенная въ темно-сѣрую краску. Внутри сдѣланъ новый иконостасъ, но шатеръ оставленъ.

О. Іоаннъ, вызвавшійся быть нашимъ проводникомъ, выноситъ изъ церковныхъ складовъ убранныя

по приказанію архіерея, сѣверныя двери съ изображеніемъ св. Христофора По церковному преданію этотъ святой, обладавшій поразительной красотою, просилъ Бога обезобразить его. Ему дана была собачья голова. Св. Христоферъ въ Водлозерскомъ погостѣ изображенъ именно съ такою головою. Преосвященный Іонафанъ, епископъ Петрозаводскій, объѣзжая свою епархію, замѣтилъ этотъ образъ и велѣлъ его убрать *).

О. Іоаннъ низенькаго роста человѣкъ, съ добродушнымъ круглымъ, совершенно русскимъ, лицомъ, курносый, съ рѣденькими русыми волосами, съ живыми сѣрыми глазами. Встрѣтилъ онъ насъ оффиціально: „о. Іоаннъ, священникъ здѣшняго прихода". Минутъ черезъ пять онъ однако вполнѣ освоился съ нами—сталъ болтать, шутить, подсмѣивался надъ прихожанами и изъявилъ всякую готовность показать намъ свой погостъ. Живетъ о. Іоаннъ уже давно въ Водлоозерскомъ-Ильинскомъ погостѣ. Онъ обладаетъ гораздо большей энергіей, чѣмъ о. Василій и гораздо дѣятельнѣе ведетъ свои дѣла. Онъ и не скучаетъ, и не жалуется на свое положеніе, находитъ время и почитать: выписываетъ себѣ „Церковный Вѣстникъ" и „Ниву". О. Іоаннъ ведетъ лѣтописи своего прихода—лѣтописи дѣльныя, толковыя. Сочиняетъ онъ также проповѣди. Онъ первый рѣшился говорить въ церкви не съ печатаннаго, а своимъ простымъ Водлозерскимъ языкомъ. Водлозеры сначала удивились такому нововведенію и даже осуждали своего священника;

*) Въ настоящее время этотъ образъ находится въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ.

но скоро привыкли слышать проповѣдь на понятномъ для нихъ языкѣ—и о. Іоаннъ чувствовалъ себя вполнѣ награжденнымъ за свои труды, слыша не разъ, какъ въ деревнѣ спорили и обсуждали содержаніе его проповѣдей, между тѣмъ какъ читанныя церковнымъ языкомъ наставленія не производили желаемаго впечатлѣнія.

...Какимъ образомъ тихо и незамѣтно подкралась ночь—бѣлая, свѣтлая. Былъ уже первый часъ, когда мы выѣхали съ погоста. Узкой красной каймой гасъ закатъ на одномъ концѣ неба и тутъ же яркой полосой зажигалась новая заря. Небо бѣлое; волны свѣтлосѣраго цвѣта. Холодно. Мы завернулись въ пледы и легли на дно лодки.

Вѣтеръ намъ попутный. Гребцы убираютъ весла и наставляютъ парусъ. Тихо кругомъ. Словно какая-то волшебная незримая сила везетъ лодку. Слышно только, какъ вода журчитъ у носа, да сзади насъ тихо посвистываетъ рулевой.

Все больше и больше разгорается востокъ. Вотъ уже гребни волнъ окрашиваются въ розовый цвѣтъ. Словно широкая полоса переливчатаго розовато-сѣраго цвѣта легла поперекъ озера. Порывъ вѣтра рябитъ ее, съ легкимъ шумомъ проносится онъ въ деревьяхъ острововъ.

Тихо, тихо все. Мелькаютъ острова, волны несутся намъ въ догонку. Вотъ на носу, полулежа, уже дремлютъ гребцы. Лодка кажется одушевленной, знающей сама, куда ей везти насъ—словно все это сонъ... тихо, незамѣтно засыпаешь.

Пробуждаемся мы на берегу около Кулъ Наволока.

* * *

13 лѣтъ тому назадъ было приступлено къ по́стройкѣ школы близъ Водлозерскаго Ильинскаго погоста. Предполагали выстроить ее въ деревнѣ Ко́нза-Наволэкъ, самомъ многолюдномъ изъ окрестныхъ селеній. Но священникъ Водлозерскаго Ильинскаго погоста просилъ выстроить ее ближе къ своему дому, чтобы ему было удобнѣе посѣщать ее. Вотъ почему зданіе школы одиноко высится теперь въ пустынной мѣстности между погостомъ и деревней Ко̀нза-Новолокомъ. Священника отдѣляетъ отъ школы только узкій проливъ—деревенскіе же жалуются на то, что дѣтямъ далеко ходить учиться

„Будь у насъ училище въ Ко́нза-Наволокѣ, сколько теперь стало-бы ходить туда. А теперь гляди и въ погостъ-то иной разъ не выдастся съѣздить изъ за погодушки—куда же въ училище ребятокъ гонять? А зимушкой-то—у кого и одеженки теплой нѣтъ“.

На отдаленность школы жаловались также и въ Кулъ-Наволокѣ, откуда дѣтей надо было посылать въ училище при Пречистенскомъ погостѣ и въ Авдѣевской на озерѣ Купецкомъ, гдѣ за недостаткомъ теплой одежды боятся пускать дѣтей зимой въ Бураковскую школу черезъ озеро.

Школа Водлозерская—зданіе высокое и большое. Тутъ помѣщается классная комната и квартира учителя; кромѣ того нѣкоторыя дѣти изъ дальнихъ деревень остаются ночевать въ школѣ. Въ

настоящее время такихъ пансіонеровъ только 5 (изъ 25-и учениковъ).

Во время нашего посѣщенія занятій въ школѣ не было Шли лѣтніе каникулы, продолжающіеся съ 27 мая до 15 сентября. Просторная классная комната была пуста. Черныя парты стояли унылыми рядами; висѣла запыленная карта; валялись полуисписанные листы бумаги; чернильница съ высохшими чернилами и сломанное перо были оставлены на учительскомъ столѣ. Въ углу печально стоялъ шкафъ съ убогой школьной библіотекой.

Дѣти, по свидѣтельству учителя М. С. выказываютъ большую охоту къ чтенію и большую любознательность. Берутъ книги изъ школы и взрослые. Къ сожалѣнію книгъ слишкомъ мало—нечего почти и брать.

Въ неканикулярное время занятія идутъ въ продолженіи 5 часовъ. Преподается: Законъ Божій, ариометика, русскій языкъ и „наконецъ„ элементарныя свѣдѣнія объ окружающемъ мірѣ“.

Эти элементарныя свѣдѣнія какъ много вносятъ они разлада въ умственную жизнь деревни! Гордясь новоприобрѣтенными свѣдѣніями, ребятишки съ сознаніемъ своего превосходства объясняютъ все, что они слышали въ школѣ, своимъ роднымъ. Тутъ то потрясаются вѣковыя вѣрованія: солнце не ходитъ, Илья Пророкъ не ѣздитъ по небу. Не вѣритъ этому старшее поколѣніе, но замыкается въ себѣ, побаиваясь насмѣшекъ молодежи. А новое начинаетъ сомнѣваться въ справедливости прежнихъ суевѣрій, хотя и не совсѣмъ освобождается отъ нихъ; за то иногда вѣтренно и легкомысленно

попираетъ завѣщанное вѣками. И жалуется на молодежь старшее поколѣніе: „уже многіе стали плохо хранить посты—развѣ только Великій постъ соблюдаютъ *); многіе дотрогиваются до запрещеннаго стариной, кое кто пробовалъ зайчьяго мяса, другой отвѣдалъ пѣтуха“ **).

„Баютъ, того нельзя, другаго не можно—а можетъ быть и ничего“, говоритъ еще несовсѣмъ увѣренная молодежь.

На томъ-же островѣ, гдѣ стояла школа, жила хорошо извѣстная Водлозерамъ ворожея. Ее звали Марья, а по фамиліи мужа Мудрой—ей было дано прозвище Мудричиха.

Къ Мудричихѣ часто приходили Водлозеры за своими дѣлами. Точно мудрая была старуха: знала она „слова“ (заговоры) на всякіе случаи, умѣла приворожить кого слѣдуетъ, умѣла тоску нагонять, лѣчила отъ разныхъ болѣзней. Впрочемъ въ лѣченіи она прибѣгала и къ хитрости, какъ мы узнали потомъ: часто Мудричиха являлась къ фельдшеру, жалуясь на какой-нибудь недугъ: полученное лѣкарство она сохраняла и потомъ давала его своимъ собственнымъ пацієнтамъ, соединяя это лѣченіе съ нашептываніемъ.

---

*, Особенно плохо соблюдается молодежью Петровскій постъ, Къ нему относятся даже съ добродушной насмѣшкой. „Вишь постъ то Петровскій—бабій постъ. Онѣ его и выдумали—молоко про зятьевъ копить. Такъ его и не грѣхъ не соблюдать“. Дѣйствительно, постъ Петровскій очень на руку хозяйкамъ: для нихъ онъ самое удобное время скопить на хозяйство какъ можно больше молочныхъ продуктовъ (масло, сметана, сыровъ), часть которыхъ идетъ, однако, на отбываніе Петровщины.

**) Зайцевъ и пѣтуховъ не ѣдятъ въ Пудожскомъ уѣздѣ.

Учитель мѣстной школы М. С. взялся познакомить насъ съ нею. Мудричиха была хорошо знакома ему, часто по долгимъ зимнимъ вечерамъ приходила къ нему бесѣдовать и чувствовала вообще большую симпатію къ молодому человѣку, котораго называла даже просто Максимушкой за то, что онъ всегда ласково обходился съ ней.

Мудричиха оказалась женщиной лѣтъ 46, еще вполнѣ бодрой и здоровой. Морщинистое лицо ея съ небольшими темно-карими глазами, зорко выглядывающими изъ подъ полуоткрытыхъ вѣкъ, носило отпечатокъ смышленности и хитрости, не смотря на то, что она старалась всѣми силами придать ему выраженіе добродушія.

„Что ты, Богъ съ тобой, Максимушка“, прогорила она, отрицательно качая головой, когда М. С. объяснилъ ей мое желаніе услыхать отъ нея заговоры. „Самъ знаешь—я никакихъ словъ и не знаю.“

Но въ М. С. она нашла плохаго союзника: онъ продолжалъ настаивать на своей просьбѣ.

„Вѣдь отреклась я отъ этого давно, лѣтушко мое красное—сказала, что больше никогда не буду никакихъ словъ говорить“, отвѣчала Мудричиха, и на лицѣ ея было написано глубокое сожалѣніе, что она не можетъ удовлетворить моему желанію.

Оказалось, что о. Іоаннъ Водлозерскій пригрозилъ ворожеѣ, что не допуститъ ее къ причастію, если она не откажется отъ своего ремесла. Мудричиха, конечно, не отказалась отъ такого выгоднаго занятія, но удвоила осторожность. Мы дали ей обѣщаніе, что о. Іоаннъ ничего не узнаетъ. Старуха поколебалась. Ея сомнѣнія исчез-

ли окончательно, когда ей поднесли водки. Тутъ мнѣ дѣйствительно пришлось изумиться: Мудричиха залпомъ выпила полный стаканъ, но водка ничуть не подѣйствовала на нее, развѣ только придала ей немного смѣлости.

„Ну, садись—все тебѣ разскажу. Какія-же тебѣ „слова“? Постой, скажу тебѣ „сглядныя слова“. Ты красная дѣвушка, на бесѣду ходишь—такія слова скажу, чтобъ всѣ „холостые“ за тобой ходили. Садись-же скорѣй; ну, пиши.“

И Мудричиха передала мнѣ многія средства наводить красоту: шептаньямъ на мыло, на воду, умываньямъ съ яйца, положеннаго въ муравейникъ и т. п.

„Постой, вотъ какія слова тебѣ скажу“ – Мудричиха снова подкрѣпилась стаканомъ водки. Она сдѣлалась вдругъ веселой; глаза на минуту разгорѣлись, дѣланное выраженіе доброты вдругъ исчезло. „Ты вѣдь не скажешь о. Іоанну? Крѣпко ужъ ругалъ меня батька. Ну, какія-же слова? Вотъ „судебныя“. Порато хорошія слова: судиться-ли будешь, передъ начальствомъ ли отвѣчать, вѣдь мало-ли какой случай выйдетъ—проговоришь ихъ—все ладно будетъ.“

„Вотъ Максимушка-то все серчаетъ на меня, бранитъ, будто дѣтей учу недоброму. А какъ же? Я кажному изъ нихъ слова эти самыя „судебныя“ нашепчу. Только что онъ не знаетъ. Жаль ребятокъ: иной урокъ не выучитъ; только и нашепчешь ему—все пройдетъ. А и самъ Максимушка—начальство-то къ нимъ пріѣзжало сюда. Отчего ты думаешь, сошло все хорошо: я вѣдь нашептала.

Только ты ему не сказывай“. И Мудричиха разсмѣялась, радуясь удавшемуся обману.

Подошедшій къ намъ М. С. замѣтилъ ворожеѣ, чтобы она не останавливалась на обыкновенныхъ заговорахъ, но сказала-бы также, какъ нагонять тоску и разлучать двухъ людей.

„Это гораздо интереснѣе“, тихо сказалъ онъ мнѣ.

Осторожность и опасливость мигомъ закралась въ ея глаза. Мудричиха вся встревожилась.

„И не знаю я такихъ словъ“, почти обиженно сказала она.

„Нехорошія эти слова. Не грѣхъ-ли тебѣ, Максимушка, возводить на меня ...“

„Ты же сама мнѣ говорила ихъ....“

„Грѣха такого на душу не возьму, энергично закачала головой Мудричиха. Сказала разъ и больше не буду. Грѣхъ-то какой.“ Мудричиха закрыла себѣ лицо руками.

„Поразмысли: вѣдь я тебѣ скажу—ты сдѣлаешь что-нибудь. На моей душѣ грѣхъ будетъ, что научила тебя“, объясняла она свой отказъ. Въ голосѣ звучало мучительное безпокойство.

Я побожилась, что никогда не буду употреблять этого заговора, что мнѣ только интересно послушать его.

„Нѣтъ, нѣтъ, грѣхъ-то—Господи, помилуй меня грѣшную.... Ты еще кого-нибудь научишь, все мой грѣхъ будетъ“—рѣшившаяся было совсѣмъ Мудричиха вдругъ снова испугалась.

„Никому не скажу и сама разлучать никого не буду, говорю передъ Богомъ,“ сказала я.

„Пиши!“ съ внезапнымъ порывомъ энергично

произнесла Мудричиха. Боялась-ли она, что мужество снова оставитъ ее? Она выпрямилась, крѣпко прижала къ груди сложенныя вмѣстѣ руки и съ выраженіемъ ужаса на лицѣ, сдавленнымъ голосомъ стала быстро говорить:

„Стану *не* благословясь, Господомъ *не* прощена, отцемъ, матерью *не* благословена – („Господи, страсть-то какая — прошептала она, Господи, помилуй насъ“), выйду изъ избы *не* дверьми, изъ сѣней *не* воротьми *), выйду чертовыми слѣдами и лѣсовичьими тропами, выйду въ чистое поле, въ широкое раздолье. Въ чистомъ полѣ, въ синемъ морѣ стоитъ габанище; въ этой габанищѣ стоитъ цѣльнище (лодка). Въ этой цѣльнищѣ сидитъ чертъ съ чертовкой. Сидятъ они, лицами порозно, ноги руцѣ сцѣпаются и на встрѣту не встрѣтаются; въ одно мѣсто не дунутъ, въ одно мѣсто и не плюнутъ; одной думы не думаютъ, одного совѣта не творятъ и любови не ведутъ. Также бы рабъ Божій (имя рекъ) сидѣлъ бы съ рабою Божіею (имя рекъ) лицами порозно, въ одно мѣсто не дунутъ, въ одно мѣсто и не плюнутъ, дерутся и сцѣпаются и настрѣту не стрѣтаются, одной думы не думаютъ и совѣту не ведутъ и любови не творятъ.“

„Безъ аминя тутъ“, шепотомъ добавила Мудричиха.

---

*) Обычная формула начала заговоровъ совершенно такая же, только безъ отрицательныхъ частицъ. Впослѣдствіи удалось мнѣ слышать отъ другихъ ворожуній подобныя заговоры. Всѣ онѣ отказывались сначала отъ знанія ихъ, потомъ послѣ долгихъ просьбъ произносили ихъ, но всегда съ глубокимъ страхомъ.

Она кончила, и будто облегченная откинулась назадъ.

„Молодецъ старуха“, проговорилъ М. С., „выпей теперь.“ Мудричиха не заставила себя просить.

Вино благодѣтельно подѣйствовало на нее: усыпило въ ней угрызенія совѣсти. Мудричиха стала снова весела, начала откровенно жаловаться на о. Іоанна, говорила про свою бѣдность, попросила у М. С. щепотку чаю, даже заплясала подъ конецъ....

Когда черезъ часъ мы уѣзжали, Мудричиха вышла на берегъ провожать насъ.

„Прощай, лѣтушко мое красное“, говорила она, обнимаясь со мною. „Не забудь ты меня, старую.“— А въ глазахъ таилось безпокойство. Не сожалѣла ли она сказавъ такъ много незнакомому человѣку. о своей неосторожности?

IV.

Кенозеро.

* * *

Солнце уже садилось, когда мы наконецъ, послѣ утомительнаго 110-ти верстнаго пути, въѣхали въ небольшую бѣдную деревеньку Тамецкую Лахту, раскинувшуюся по берегу небольшаго залива Кенозера.

Ямщикъ, молодой парень, надвинулъ на затылокъ черную поярковую шапку съ приподнятымъ переднимъ полемъ, открывавшимъ густые свѣтлые волосы, поправился на облучкѣ и лихо подвезъ насъ къ большому дому, рѣзко отличающемуся отъ окружающихъ его бѣдныхъ, закоптѣлыхъ и покривившихся избъ. Это большой, двухъэтажный крашеный домъ, совсѣмъ городской постройки; рядомъ съ нимъ тянется окрашенная въ пестрые цвѣта изгородь, окружающая огородъ и садъ съ бесѣдкой. Это домъ урядника Фофанова.

Насъ вводятъ въ верхній этажъ — двѣ большія комнаты исключительно предназначены для гостей. Чистота и порядокъ повсюду. Видно, что зоркій глазъ съ любовью смотритъ за убранствомъ этихъ комнатъ: крашеные полы и новые обои, вязаныя салфетки на столахъ, бѣлыя занавѣски на окнахъ, заставленныхъ цвѣтами; въ стеклянныхъ шкафахъ, прислоненыхъ къ стѣнамъ, выставлена посуда; на стѣнахъ вывѣшаны портреты, преміи „Нивы“ и, какъ и повсюду въ деревняхъ, ближе къ образамъ виды Соловецкаго Монастыря. На столахъ разложены переплетенная по годамъ „Нива“, отдѣльные нумера этого журнала, „Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ и „Сельскаго Вѣстника“. Остальныя комнаты наверху занимаетъ самъ урядникъ съ женой и двумя дочерьми. Убранство ихъ похуже; но вездѣ крашеные полы и обои; тутъ же красуется недорогой, но массивный письменный столъ урядника.

Урядникъ Фофановъ изъ крестьянъ. Тамецкая Лахта его родина. Онъ не покинулъ ее, поступивъ на службу, и не отдѣлился отъ родной семьи. Фофановы живутъ до сихъ поръ „большою семьею“: ихъ теперь 30 человѣкъ. Вся семья занимаетъ низъ большаго дома, состоящаго изъ 4 обширныхъ горницъ; это совершенно крестьянская семья.

Урядникъ, Андрей Григорьевичъ—большакъ въ этой семьѣ. Ему, соединяющему въ себѣ авторитетъ главы семьи и человѣка, превышающаго родныхъ своимъ образованіемъ, живется легко—между тѣмъ какъ вся крестьянская работа лежитъ на подвластныхъ членахъ.

Живется хорошо и его женѣ и дочерямъ. У дѣвочекъ нѣтъ никакихъ обязанностей: ходятъ они одѣты хорошо (старшая уже по городскому) и мало сообщаются съ сверстницами, живущими внизу. Большуха Анна Гавриловна, только распоряжается работой, приказывая то тому, то другому, смотритъ за порядкомъ — но сама рѣдко прилагаетъ свои руки къ чему либо, кромѣ стряпни на мужа и дочерей, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ весь внѣшній видъ ея чистый, подчасъ щеголеватый, о которомъ не можетъ даже мечтать занятая повседневной работой баба. Любимымъ развлеченіемъ Анны Гавриловны — пріѣздъ гостей. Всѣ проѣзжающіе чиновники останавливаются въ ихъ домѣ. Со всѣми состоитъ въ хорошихъ отношеніяхъ привѣтливая, ласковая хозяйка.

„Всѣ насъ любятъ; всѣ у насъ побываютъ, говорила она простодушно. Да мы ни съ кого денегъ и не беремъ; а потомъ, то тотъ, то другой гостинчику пришлетъ—отъ того то у насъ всего много. Вотъ на сарафанъ дочкѣ намедни привезли, да огурчиковъ прислали; у насъ вѣдь ихъ нѣту.“

Аннѣ Гавриловнѣ надо отдать справедливость, ведетъ она хозяйство замѣчателъно. Она сама водила насъ повсюду: показывала нижній этажъ, сарай, хлѣвъ, огородъ и садъ, съ улыбкою удовольствія выслушивая наши похвалы. „Хорошо наше мѣсто“, сказала она наконецъ, обводя довольнымъ взглядомъ свой садъ и тянущіеся за новой пестрой изгородью луга, лѣса и заливъ, пропитанные лучами заката. Какъ то странно звучали эти слова: до сихъ поръ, приходилось только слышать

жалобы на мѣсто, на жизнь, на тяжелую работу; въ первый разъ мы видѣли въ деревнѣ полное довольство.

Оказалось, что деревня Тамецкая Лахта относится уже къ Каргопольскому уѣзду; но что стоитъ только проѣхать еще 8 верстъ и очутиться снова въ Пудожскомъ уѣздѣ, въ Вершининской Кенозерской волости.

Мы переночевали въ Тамецкой Лахтѣ и на слѣдующее утро отправились дальше въ деревню Вершинино.

* * *

„Не пойдешь гулять съ дѣвушками нонче? Нонче ночью дѣвушки у насъ гуляютъ... вѣдь Иваньская ночь...“—говорила мнѣ Вершининская большуха. Это была маленькая, худенькая, какъ бы высохшая женщина, уже давно больная, проводившая почти все время въ постели.

„Много гуляли мы, бывало, красное солнышко. Охъ, такая ли я была? продолжала она пѣвучимъ голосомъ. Дѣвушка была я красная, наряжусь я бàско, пойду на бесёду. А бесёдниковъ *) много у меня было, боженая, ой много.“

„А на Иваньскую то ночь чего-чего мы не дѣлали. Такъ ли нонче гуляютъ дѣвушки? Мы бывало поѣдемъ туда, въ поле, съ конями—слышимъ: кони скачутъ—значитъ „холостые“ (парни) ѣдутъ

---

*) Бесёдникомъ или игракомъ называютъ того, кто „сидитъ съ дѣвушкой“ на бесёдѣ, т. е. ухаживаетъ за ней. Имѣть наибольшое число бесёдниковъ льститъ всегда самолюбію дѣвушки.

къ намъ. И веселье у насъ тамъ идетъ, до зари до самой. Огникъ большой зажжемъ—скачемъ, тоже, черезъ него. Теперь ужъ того нѣтъ, что прежде бывало.“

„Сама бы тебя всюду сводила... продолжала большуха. Охъ, не въ мочь то мнѣ съ мѣста сдвинуться... Да вотъ за Матреной Мамаевой послать надо.“

„А на что? — вонъ Поля сводитъ“, указала на свою дѣвочку сноха.

„Что Пелагея знаетъ? морщась и довольно рѣзко перебила ее большуха. Матрена знаетъ травы— она все толкомъ разскажетъ.“

Но Матрена, какъ оказалось, уѣхала на озеро ловить рыбу, и намъ съ братомъ пришлось взять въ провожатые Полю и ея подругу Θеклушу.

Вечеръ былъ довольно теменъ, когда мы вышли изъ дому. Мимо насъ проскакало нѣсколько парней—они всѣ выѣзжали въ ночное.

„И мы туда идемъ сейчасъ“, крикнула имъ вслѣдъ Поля.

Мѣсто, гдѣ собираются пасущіе коней и есть мѣсто гулянья въ Ивановскую ночь.

По густой, росистой травѣ шли мы съ дѣвочками къ мѣсту сбора. Ночная свѣжесть порою дрожью пробѣгала по тѣлу. Впрочемъ было тихо и довольно тепло. Беззвѣздная, свѣтло-голубая ночь, не успѣвшая еще побѣлѣть, глядѣла сверху.

Коней пасли на краю обрыва, спускающагося къ озеру. Огромный костеръ жарко пылалъ, и масса огненныхъ искръ летѣла вверхъ; прогорѣвъ нѣсколько минутъ яркими звѣздами въ прозрачной

синевѣ, онѣ гасли. Темныя фигуры лежали и сидѣли вокругъ огня. Лица, освѣщенныя яркимъ пламенемъ, казались особенно смуглыми, глаза болѣе блестящими.

Кругомъ тишина. Все спало. Тонули въ туманной дали росистые луга и пашни, выдѣлялись серебристыми пятнами извивы Кенозера. Тутъ и тамъ деревни, лѣса и рощи—и все закутано въ голубую мглу.

Издали порою доносился храпъ лошадей, ходившихъ по обрыву, шумъ зацѣпляемыхъ вѣтвей низкаго кустарника—все это такъ явственно въ ночной тиши. Разговоръ между тѣмъ шелъ оживленный.

„Э, подложить въ „огникъ“ (костеръ) надо будетъ“, всталъ внезапно рослый парень, съ глуповатымъ лицомъ и съ чрезвычайно самодовольнымъ видомъ. Его звали Пешей.

Степка, неси „ферязи“ (можжевельникъ) „что бы лучше горѣло—вѣдь Иваньскій огникъ“, крикнулъ онъ мальчику лѣтъ 10, лежавшему у костра въ длинномъ синемъ холщевомъ армякѣ. „Эй, Воробей, слышишь?“ Воробей, оказалось, было прозвище Степки.

Брошенный въ костеръ можжевельникъ сильно задымилъ; горячія искры посыпались съ новой силой.

Подошло нѣсколько дѣвушекъ.

„Коней смотрѣли?“ спросила одна изъ нихъ.

„Давно ужъ не смотрѣли. Пойти бы?“

Нѣкоторые встали и пошли посмотрѣть лошадей.

„Давайте катать дѣвушекъ“, предложилъ громко Степка и самъ подбѣжалъ къ Ѳеклушѣ. Но дѣвочка удачно вырвалась, толкнула его, и Степка пролетѣлъ нѣсколько шаговъ по обрыву.

„Глянь-кось, глянь-кось“, вдругъ испуганно закричалъ онъ—„рѣшето золотое катится, кладъ должно быть; я взаправду видѣлъ, катится оно такъ подъ гору.“

Нѣсколько человѣкъ подошло къ обрыву, внимательно вглядываясь въ его темную глубину.

„Глупъ ты, Степка, такъ онъ тебѣ и дастся“, замѣтилъ Пеша.

„Пойти бы посмотрѣть—авось достали бы“, произнесъ нерѣшительно мальчикъ.

„Пой самъ—отыщешь. Одному, небось, идти то надо.“

Степка въ нерѣшительности простоялъ еще нѣкоторое время у обрыва.

На встрѣчу намъ между тѣмъ шла баба, ведя за собой лошадь.

„А ваши кони гдѣ?“ спросила она.

„По обрыву пустили—вона, слышь, ходятъ. Да мало нашихъ нонче—дѣвушки, вишь, не идутъ.“

„Мало... на озеро чай поѣхали.“

Баба помолчала съ минуту и затѣмъ обратилась ко мнѣ:

„Изъ Питера, чай, будешъ?“

„Нѣтъ, изъ Москвы.“

„Изъ Питера!... побывала въ Питерѣ, такъ все про него и думаетъ“, засмѣялся кто-то.

„А баско въ Питерѣ, порато баско... дома то какіе. Ой, жила и я въ Питерѣ, голубушка.“

„Всего то дня два и жила“, насмѣшливо отозвался Пеша.

„То правда, что не долго — а баско тамъ, ой,

баско. Вонъ, опять туда хочу—наймусь, въ няньки, въ кухарки ли.“ *)

„Наймешься!..“—Пеша выступилъ впередъ и началъ быстро говорить, махая руками. „Знаю я — всѣхъ васъ въ Питеръ тянетъ. Наймешься! Возметъ то кто тебя? Ты къ той работѣ непривычна, да и не такъ то живется тамъ. — Какъ то съ тебя требовать начнутъ...“

„Ой, что расходился то такъ? Самъ не бывалъ въ Питерѣ и не знаешь ничего. Тамъ житье то какое: чаю, кофію даютъ.“

„А вонъ не были мы въ Питерѣ, да разумнѣе судимъ, потому: разумъ у насъ есть“, съ жаромъ отвѣчалъ Пеша.

„Да и какъ ты тамъ съ кофіемъ то своимъ проживешь. Всѣ тебѣ чужіе — знать тебя никто не хочетъ — а тутъ то, у себя, что хошь, то и дѣлай. Вонъ оно что“.

Пеша довольный своею собственной рѣчью съ торжествующимъ видомъ отвернулся.

„Эй, ребята, огникъ то нашъ тухнетъ!“ Парни бросились за хворостомъ. Снова жарко запылало пламя.

„Матрена, Матрена Мамаева!“ поднялось вдругъ со всѣхъ стононъ. Къ костру только что подошла новая дѣвушка.

Она была одѣта въ бѣлый балахонъ, сверху повязанный кушакомъ; полинявшій платокъ плотно

---

*) Намъ, вообще, часто случалось замѣчать въ народѣ стремленіе уходить въ Петербургъ, гдѣ думаютъ найти лучшій заработокъ и лучшую жизнь.

охватывалъ голову. На руку была надѣта большая корзина. Пеша первый подбѣжалъ къ Матренѣ и повалилъ ее на землю. За нимъ начали и другіе. Пошло настоящее веселье. Парни нападали на дѣвушекъ, дѣвушки другъ на друга; упавшихъ на землю катали по росѣ—иные успѣвали проговорить необходимыя слова: „я тебя по росѣ катаю, зови меня божаткой *) (или крестовымъ отцомъ)“— другіе отъ смѣха ничего не могли произнести.

Робкая Ѳеклуша притаилась между мной и братомъ, сознавая безопасность этого положенія. Парни смѣялись. Дѣвушки съ крикомъ оборонялись и увертывались, насколько это было возможно. Матрена вырвалась первая.

Она подобрала выпавшую изъ рукъ корзину и собралась уходить.

„Куда ты?... Она травы рвать идетъ... Небось, мать велѣла“, крикнули ей вслѣдъ.

„Я пойду съ тобой“, сказала я Матренѣ.

„Пой“—она дала мнѣ руку и помогла спуститься на тропинку, бѣжавшую по склону обрыва, прорѣзывая его поперекъ. За нами пошли Поля и Ѳеклуша.

Матренѣ Мамаевой было 18 лѣтъ. Круглое, румяное лицо ея съ толстымъ носомъ и большими сѣрыми глазами не отличалось красотой; но на немъ было какое-то особенное выраженіе тихой задумчивости, которая невольно поражала. Семья ея была бѣдная; Матрена вѣчно на работѣ. Большое горе доставляла ей невозможность принарядиться, какъ слѣдуетъ, наравнѣ съ другими подругами; но и это горе она переносила кротко.

*) Божатка—крестная мать.

Бабушка, мать и тетка Матрены занимались леченіемъ. Онѣ знали заговоры, травы, способъ ворожбы и безъ сомнѣнія часть своего знанія передали Матренѣ. Матрена выросла среди этихъ вѣрующихъ въ свое знаніе старухъ и сама твердо вѣрила въ него. И теперь, медленно двигаясь по росистой тропинкѣ, между преграждающими намъ путь густыми ольховыми кустами, нагибаясь чтобы сорвать тотъ или другой цвѣтокъ, она, казалось, находилась вся подъ вліяніемъ таинственности этой ночи.

„Всѣ травы теперь хороши“, говорила она. Голосъ у нея былъ мягкій, даже слишкомъ тихій, и говорила она медленно.

„До Петрова дня теперь всѣ травы хороши, и ругать ихъ грѣхъ. Мамо меня учила—всѣ травы надо теперь брать“.

„Вонъ клопенникъ — онъ у насъ отъ клоповъ идетъ—сорвите-ка, дѣвушки“, указала она на росшій невдалекѣ папоротникъ Полѣ и Ѳеклушѣ, которыя все время старались идти впереди, вѣроятно испытывая непріятное ощущеніе оставаться въ аріергардѣ.

„Клопенникъ, говорятъ, цвѣтетъ въ Иваньскую ночь“, замѣтила-я.

„Да, барышня у насъ жила—учительница—у нея книжка такая была; она говорила, что цвѣтетъ. Я не видала. А баско цвѣтетъ?“

„Я тоже не видала.“

„Трудно увидѣть, должно быть: слова какіе-нибудь тутъ надо знать.“

„Ой, цвѣтъ то какой—глянь!“—Матрена увидала вдругъ лиловую орхидею. Постой, у него коре-

шокъ есть такой, чудной онъ.—Должно быть, хорошая трава.“

Она съ трудомъ вырыла изъ земли клубни орхидеи. Дѣвочки съ удивленіемъ разсматривали бѣлый пальцевидный корешокъ.

„Видишь какой, это тебѣ,“ подала мнѣ его Матрена,“ такой рѣдко попадется, да и видишь, какъ трудно доставать то его. Бери, да вотъ еще тебѣ травъ разныхъ, бери—сегодня подъ подушку положишь – „богосуженаго“ во снѣ увидишь.

Дѣвочки между тѣмъ начали рвать вѣтки ольхи.

„Ладно, дѣвушки, кладите ихъ сюда въ корзину. Да рвите побольше—чтобъ и на картошку хватило, и на вѣнички. Ферязи и березки надо нарвать еще *).“

„На кряжѣ есть—мы мимо шли давеча, да позабыли нарвать.“

„Надо будетъ пойти на кряжъ“, тихо замѣтила Матрена.

Тропинка внезапно затерялась въ густой, высокой травѣ небольшаго луга. Ночь успѣла уже побѣлѣть: было почти совсѣмъ свѣтло. Вдали виднѣлись крыши Вершинина. За деревней бѣловатой полосой тянулось заснувшее озеро.

Совершенно мокрая трава непріятно била по ногамъ. Съ озера потянулъ вѣтерокъ. Изгородь, наполовину заросшая ольховыми кустами, заступила намъ дорогу. Заскрипѣли и закачались подъ на-

*) Изъ ольхи, березы и можжевельника вяжутъ такъ называемые Иваньскіе вѣнички, которые служатъ при леченіи коровъ. Ольховыя вѣтви втыкаютъ также въ картофель, чтобы онъ лучше уродился.

шими ногами жерди изгороди. Задѣтыя нами, мокрыя вѣтки ольхи стряхнули на насъ цѣлый дождь свѣтлыхъ капель росы.

Мы очутились у подошвы зеленаго холма. Надо было взобраться на него, чтобы достать можжевельнику.

„Ищутъ у васъ кладовъ?“ обратилась я къ Матренѣ.

„Ходятъ искать—только рѣдко теперь стали. Трудно дается.“

„У насъ вотъ что было“, начала она. Ѳеклуша и Поля приблизились къ ней и приготовились слушать. И любопытство и страхъ отражались въ ихъ взглядахъ.

„Въ полѣ мужики у насъ работали. Вдругъ видятъ: баба стоитъ—съ рогами—кладъ это самый и былъ. Стоятъ они и смотрятъ, а подойти сами не смѣютъ. Такъ она и разсыпалась тутъ же на ихъ глазахъ, пока они глядѣли. И стала тутъ груда камней. И до сей поры лежитъ, говорятъ... Не умѣли зачурать, значитъ“, прибавила послѣ нѣкотораго молчанія Матрена.

„Много словъ надо знать; вотъ иная трава безъ словъ ни на что не годна“, вдумчиво проговорила опять Матрена, помолчавъ еще съ минуту.

„Вотъ чертополохъ—знаешь трава такая есть. Рвутъ его въ лѣсу, дальше отъ дому, чтобы пѣтуна не слыхать было. Тогда и поможетъ онъ—дворовой скотинку не будетъ мучить. А сорви его близко, тутъ—ни къ чему и не пригодится. Знать надо, какъ и когда какая трава хороша“, кончила она. И голосъ ея, тихій и медлительный, какъ-то

странно звучалъ среди молчанія этой тихой свѣтлой ночи, медленно проносившейся надъ залитой ея бѣловатымъ свѣтомъ землей.

Деревня еще спала, когда мы, наконецъ, вернулись домой. Издали какъ-то особенно явственно среди ночной тиши слышался топотъ коней, возвращавшихся изъ ночнаго.

***

На слѣдующій день—ясная солнечная погода. Матрена пришла за мной.

„Пойдемъ гулять въ поле; въ полѣ хорошо“, сказала она. За нами тотчасъ-же поплелись 2—3 маленькія дѣвочки; пошелъ и вчерашній мальчикъ Степка—Воробей.

За самой деревней Вершинино круто поднимается берегъ Кенозера. На хребтѣ этой возвышенности, доминируя надъ всей деревней, стоитъ старинная часовня Св. Николая Чудотворца. Она стоитъ не въ рощѣ, какъ большинство часовень въ Пудожскомъ уѣздѣ, но посреди ровнаго мѣста, занятаго въ перемежку лугами и пашнями. Глубоко чтится она мѣстными жителями. Земля вокругъ недавно только стала обрабатываться: прежде никто не осмѣливался брать ее подъ пахоту.

Это-то мѣсто и называется „полемъ“; здѣсь происходятъ гулянки молодежи, подобно тому, какъ въ другихъ деревняхъ она гуляетъ преимущественно въ часовенныхъ рощахъ.

Теплый вѣтеръ встрѣтилъ насъ въ „полѣ“. Волнами склонялась подъ нимъ облитая солнцемъ трава

луговъ. Сѣрая пахотная земля то взбѣгала на крутой холмикъ, то спускалась въ лощинку и врѣзывалась въ полосу ржи или овса, то внезапно разступалась и давала мѣсто цвѣтистой, неправильной формы, межѣ. А кругомъ даль—широкая даль. Да, хорошо было въ „полѣ“.

Свѣтлыми струями капризно и граціозно разлилось Кенозеро въ мягкихъ, низменныхъ и зеленыхъ берегахъ. Тутъ большой заливъ; тамъ узкій, длинный наволокъ (мысъ). Вотъ оно пропадаетъ совсѣмъ, и вдругъ съ другой стороны поля покажется снова, свѣтлое, смѣющееся. Вотъ опять забѣжитъ за большой зеленый островъ и снова блеснетъ уже въ третьей сторонѣ. Вотъ на горизонтѣ мелькнетъ едва замѣтная свѣтлая полоска... и это Кенозеро.

Мы усаживаемся, наконецъ на краю небольшаго обрыва. Вдали видна деревня Шишкино, и священная рощица на мысу, вдающемся въ Кенозеро. Степка ложится на землю, подложивъ подъ себя скрещенныя на груди руки и, побалтывая въ воздухѣ ногами, кусаетъ траву.

„Ты бы нарвалъ лучше травъ, замѣчаетъ Матрена; вонъ ихъ сколько—и баскіе какіе. Теперь всѣ травы хороши; ребятки, знаете?“

Дѣвочки встали и путаясь ногами въ длинныхъ праздничныхъ сарафанахъ, сшитыхъ на ростъ, побѣжали рвать цвѣты. Матрена брала ихъ и бережно клала къ себѣ на колѣни. Сама она достала изъ кармана крючекъ и вязанье.

„У насъ поповны такъ вяжутъ; мы и научились съ Ѳеньшей,—ты видѣла ее вчера ночью“, прого-

ворила она. Ѳеньшѣ-то онѣ подарили крючокъ, а я сама себѣ сдѣлала—вонъ такъ спицу надрѣзала. А вѣдь баско?“ и она развернула передъ мною свое вязанье.

Стали разговаривать объ играхъ. Оказалось, что на Кенозерѣ наряду съ кадрилью и лансье сохранились и прежнія игры.

„Игръ много. Холостые съ дѣвушками играютъ, и ребята маленькіе въ то же—все одно. Сойдемся сюда, дѣвушки, въ полѣ; придутъ холостые, да и ребятки тутъ-же – всѣ и играютъ. Вонъ они пущай сыграютъ — покажутъ тебѣ. Сыграйте, ребятки “ обратилась она къ дѣтямъ. Ну, хоть въ „оленя“, знаете?—Ну, кто „оленемъ будетъ?“

Но дѣти конфузились, улыбались и молчали.

„Ну, какіе вы—ну, хоть ты, Таня, будь; ну ты, Ганя. И я съ вами пѣть буду!“

Но никто изъ дѣтей не откликался на ея предложеніе. Дѣвочки крѣпко прижались другъ къ другу.

„Я буду оленемъ“, вдругъ громко заявилъ Степка.

„Ну, такъ, ладно – а вы, дѣвушки, все боитесь“, съ укоризной замѣтила Матрена. Ну, становитесь и пойте!“

Она начала сама; дѣвочки запѣли за ней, сначала не смѣло, потомъ все громче и громче:

Дядюшка олень,
Да спусти насъ гулять;
Не долго, не долго —
До сего вечеру;
Поутру встань,
Да коровъ застань,

На поскотину сгони,
Соловьемъ засвищи.

Затѣмъ послѣдовалъ быстрый разговоръ между Матреною и Степкою: „Гдѣ былъ?“ спросила Матрена. „У тещи“, отвѣтилъ олень. „Что ѣлъ?“ „Кашу“. „Чѣмъ ѣлъ?“ „Ложкой.“ „Гдѣ взялъ ложку?“ „Въ зыбкѣ подъ пеленкой.“ „На сколько же отпустилъ?“ „По всей по матушки по Руси.“ При послѣднихъ словахъ дѣвочки бросились бѣжать въ разныя стороны, а Степка мигомъ привскочилъ съ земли и кинулся на нихъ. Въ какія-нибудь двѣ минуты всѣ дѣвочки были пойманы.

Потомъ дѣти съиграли въ „бабушку“. Бабушкой была Матрена; дѣвочки изображали ея барашковъ; Степка захотѣлъ быть волкомъ. Онъ легъ на обрывѣ и дѣлалъ видъ, что караулитъ овецъ. „Бабушка“ между тѣмъ начала звать свое стадо: „Овечки, овечки, бѣжите домой!“ Дѣвочки стали рядомъ и въ одинъ голосъ отвѣчали, что не могутъ. У нихъ выходило это особенно хорошо, когда они въ одинъ голосъ не то говорили, не то пѣли въ отвѣтъ „бабушкѣ“: „Боимся!“ „Чего вы бойтесь“, спрашивала Матрена, въ тоже время работая надъ вязаньемъ. „Волкъ подъ горой“, отвѣчали овечки. „Что онъ дѣлаетъ?“ спросила опять бабушка. „Малыхъ, сѣрыхъ утушекъ щиплетъ“. „Бѣжите, бѣжите!“ уговаривала бабушка. И овечки побѣжали. Но волкъ недаромъ караулилъ ихъ, и напрасно дѣвочки бѣжали изо всѣхъ силъ, крича и визжа,—Степка переловилъ ихъ всѣхъ, усадилъ къ себѣ, въ свой домъ и легъ возлѣ нихъ, стеречь своихъ плѣнниковъ. „Волкъ, начала затѣмъ снова бабушка, не

видалъ-ли ты моихъ овечекъ?“ „Да вотъ одна у меня“, произнесъ на это заученную фразу Степка, который уже снова флегматично лежалъ на землѣ, болтая ногами въ воздухѣ. „Ну, отпусти“. „Пущай бѣжитъ“. Освобожденная овечка перебѣжала къ Матренѣ. За ней послѣдовала и другая, и третья.

„А вона и мы пришли!“ раздался вдругъ за нами чей-то громкій голосъ и въ траву, около Матрены, грузно повалился вчерашній парень Пеша.

„Ой, испугалъ ты меня!“ произнесла Матрена—и тотчасъ тихо улыбнулась.

„А мы уходить собирались“—мы дѣйствительно спѣшили домой.

„Эхъ, поздно пришелъ!“ промолвилъ Пеша, запустивъ руку въ густые бѣлокурые волосы.

Онъ лѣниво приподнялся и поплелся вслѣдъ за нами Матрена молчала весь обратный путь: Пеша отдѣлывался отъ приставаній Степки. А дѣвочки шуршали по травѣ своими сарафанами.

***

День нашего отъѣзда съ Кенозера совпалъ съ праздникомъ Тихвинской Божіей Матери. Рано утромъ послышался веселый перезвонъ маленькихъ колоколовъ въ часовнѣ Николая Чудотворца надъ Вершининомъ, и мимо избы нашихъ хозяевъ потянулся вскорѣ пестрою цѣпью крестный ходъ. Онъ направлялся изъ Дьячковскаго погоста въ деревню Шишкино. Противъ Вершининской часовни, на деревенской улицѣ, онъ остановился. Отслужили

наскоро молебенъ и сѣша двинулась дальше пестрая, яркая толпа, увеличившись отъ присоединившихся къ ней Вершининскихъ обывателей. Часамъ къ четыремъ еще не возвращались съ образами; за то вернулась часть богомольцевъ, изъ тѣхъ, кто не остался у своихъ знакомыхъ сосѣднихъ деревень. Вершинино огласилось звуками гармоники и громкими пѣснями.

Дѣвушки на прощанье повели меня въ „поле“.

„Ты слыхала наши пѣсни вчера—мы еще по озеру ѣхали—пѣли?“ спросила меня подруга Матрены бойкая Оеньша, идя рядомъ со мной.

Наканунѣ вечеромъ мы гуляли по берегу. Вечерняя мгла скрывала отъ насъ ѣдущихъ въ лодкѣ по серединѣ озера, но явственно, не смотря на вѣтеръ, колебавшій потемнѣвшія волны, доносилась до насъ громкая пѣснь.

„Это мы для васъ пѣли, робко сказала Матрена, опустивъ голову. Мы съ Оеньшей увидали васъ на берегу—и стали пѣть...“

Мы пришли въ ту часть поля, гдѣ въ „Иваньскую ночь“ былъ зажженъ костеръ.

Большой, черный кругъ виднѣлся на примятой травѣ; полуобгорѣвшая широкая вѣтвь съ покоробившимися листьями лежала тутъ же. Дѣвушки усѣлись близь бывшаго огника.

„Какую пѣсню тебѣ спѣть: „досюльную“ (старинную) или новую?“ спросила Оеньша и, кажется, осталась не совсѣмъ довольна моимъ желаніемъ услышать „досюльную“. Дѣвушки затянули заунывный мотивъ.

„Споемте, дѣвушки, споемте, „Смоленское клад-

бище“, просительнымъ голосомъ проговорила Матрена послѣ окончанія этой пѣсни.

„Давайте дѣвушки Смоленское кладбище“ сказало нѣсколько голосовъ.

„Смоленско кладбище красиво
Тамъ соловейки все поютъ...“

запѣли дѣвушки. Слова, мотивъ и крикливыя ноты, сразу унесли меня въ подмосковную деревню.

Матрена опустила голову; ея рука разсѣянно щипала траву; на глазахъ блестѣли слезы.

Пѣсня часто вызываетъ слезы у Олончанина.

„Дюсульныя пѣсни лучше“, проговорила я.

Дѣвушки молчали—онѣ не были согласны со мной.

„Знаешь, какую пѣсню у насъ поютъ, когда дѣвушку увозятъ? Слыхала, чай, увозятъ у насъ дѣвушку, коли волей не отдаютъ“, проговорила послѣ нѣкотораго молчанія одна изъ присутствующихъ.

Дѣйствительно, на Кенозерѣ случается еще до сихъ поръ увозъ дѣвицъ. Парень, за котораго родители не хотятъ отдать своей дочери соглашается съ нею взять ее увозомъ. Вступаютъ въ заговоръ съ подругами дѣвушки, которыя знаютъ, когда и какъ произойдетъ увозъ. Парень обращается къ какой нибудь бабѣ, проситъ ее быть такъ называемой „сватьей“, т. е. позволить привезти къ ней въ домъ невѣсту. Наступаетъ назначенный день: женихъ съ товарищами является на бесёду и схватываетъ невѣсту. Похищеніе происходитъ быстро, такъ чтобы никто въ деревнѣ не замѣтилъ этого и не успѣлъ бы предупредить родителей. Случается, что увѣдомленные родители останавлива-

ютъ во время бѣгущихъ—и тогда невѣста должна потребованію ихъ возвратиться въ свой домъ. Большею же частью, парень успѣваетъ увезти дѣвушку къ „сватьѣ“, у которой дѣвушка остается до тѣхъ поръ, пока женихъ не помирится съ родителями ея. Въ случаѣ окончательнаго нежеланія родителей, дѣвушка возвращается къ нимъ. Если же парень сумѣлъ умилостивить ихъ, онъ ѣдетъ съ невѣстой вѣнчаться и изъ церкви отправляется къ ея родителямъ „прощаться“. Обыкновенно родители встрѣчаютъ дочь съ иконой. Послѣ увоза дѣвушки съ бесёды, подруги ея собираются въ кругъ и поютъ извѣстную пѣсню. Тогда вся деревня знаетъ, что одна изъ дѣвушекъ похищена.

Громко лилась теперь эта пѣсня: дѣвушки пѣли ее съ особеннымъ воодушевленіемъ.

Вдругъ рѣзко прервалась она.

„Кого же величать?“ спросили нѣкоторыя.

„Да Ѳеньщу конечно...“

„Перестаньте, дѣвушки; вотъ вздоръ выдумали“. нерѣшительно отказывалась Ѳеньша.

„Нѣтъ, Ѳеньшу, Ѳеньшу—Ѳеньшу и Василія...“

Ѳеньша отвернулась, стараясь казаться недовольной—но противъ желанія, улыбалась.

„Тише, дѣвушки, пойте“, произнесла Матрена, показывая головой на деревню, виднѣющуюся на томъ берегу озера,—„услышатъ еще.“

И понизивъ голосъ, посмѣиваясь и лукаво поглядывая на Ѳеньшу, дѣвушки вполголоса кончили пѣсню.

Лошади должны были быть уже готовы—мы возвратились домой.

На возвратномъ пути снова пѣли — и опять послышался знакомый избитый мотивъ „Казъ-Булата“ и снова таже несчастная „Мальвина“, Богъ знаетъ какъ и когда проникшіе сюда и съ увлеченіемъ распѣваемые деревенскою молодежью.

V.

Къ Бѣлому морю.

* * *

Въ сѣрый, пасмурный день уже знакомый намъ пароходъ „Геркулесъ“ присталъ къ Подпорожью Несмотря на то, что сѣетъ мелкій, частый дождикъ, окутывая холодной сѣрою мглой всю окрестность, на пристани толпится масса народу.

Есть здѣсь кое-кто и изъ обывателей Пудожа, пріѣхавшихъ взять съ парохода нѣкоторые припасы, не имѣющіеся въ городѣ, какъ-то огурцы, лимоны и т. п., или поболтать за бутылкой пива съ знакомымъ капитаномъ. Пріѣхали и мужики изъ сосѣднихъ деревень. Коренастыя фигуры въ грубыхъ бѣлыхъ балахонахъ кричатъ, спорятъ о чемъ то, протискиваются между сдвинутыми въ сторону телѣгами, суетятся около парохода.

На пароходѣ есть работа: надо наносить дровъ и сложить ихъ на палубѣ. За это назначена плата.

„Вотъ какъ пріучаютъ нашъ народъ къ пьянству“, замѣтилъ намъ одинъ изъ житей Пудожа.“ За эти дрова имъ дадутъ какихъ нибудь 50 коп. и выйдетъ по двѣ копѣйки или такъ по полторы на человѣка. Понятно, они лучше пропьютъ ихъ вмѣстѣ. Тутъ кстати и трактиръ есть.“

Эти слова вполнѣ оправдались. Черезъ часъ. ко времени отъѣзда, пароходъ провожала уже сильно подгулявшая толпа.

Онежское озеро встрѣчаетъ насъ бурными, свинцовыми волнами. Мирная Шала только что успѣла вынести пароходъ въ озеро, какъ насъ начинаетъ качать.

Наставляютъ паруса и окрыленный, точно большая, сильная птица, „Геркулесъ“ принимается нырять по сѣрымъ волнамъ.

...Уже вечерѣетъ. Вѣтеръ стихъ. Повисли сѣрые паруса. Волны улеглись и только мелкая рябь напоминаетъ о бывшемъ волненіи. Грозныя лиловато-сѣрыя тучи на горизонтѣ, прорѣзываются будто широкою щелью оранжевой полосою заката. Вдали мелькаетъ берегъ съ мрачной стѣной еловаго лѣса.

На слѣдующее утро при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, мы подъѣзжаемъ къ Повѣнцу.

Нѣсколько прямыхъ улицъ, перерѣзывающихъ другъ друга подъ прямыми углами, деревянные домики — между ними нѣсколько крашеныхъ, — пристань, рыночная площадь, низенькій миніатюрный соборъ,—вотъ и весь Повѣнецъ.

Извѣстно, что Петръ I, во время своего похода изъ Архангельска къ берегамъ Балтійскаго моря останавливался нѣкоторое время въ Повѣнцѣ. Онъ

успѣлъ и въ короткое свое пребываніе оставить здѣсь слѣды своей энергичной дѣятельности.

Имъ были спущены тутъ въ Онежское озеро два фрегата, и основаны два завода: чугунно плавильный и мѣдный. Тогда Повѣнецъ еще не считался городомъ. Только въ 1784 году онъ получилъ это названіе. Затѣмъ при Павлѣ оно было снова отнято у него, но возвращено уже при Александрѣ I *). Назначенію считаться уѣзднымъ городомъ Повѣнецъ обязанъ присутствію въ немъ нѣсколькихъ чиновниковъ, которые и составляютъ высшее общество города.

Остальные „городскіе обыватели занимаются хлѣбопашествомъ, огородничествомъ, ловлей рыбы для собственнаго потребленія: мужчины уходятъ даже на заработки въ Петербургъ и работаютъ на лѣсопильныхъ заводахъ“ **).

Развлеченіемъ жителей служитъ трактиръ да приходъ пароходовъ изъ Петрозаводска и Вознесенія.

***

Съ обѣихъ сторонъ на далекое, далекое пространство идетъ сосновый лѣсъ. То уже не дремучій, сочный боръ Пудожскаго уѣзда. Сосны стоятъ рѣдко, желтые стволы ниже и тоньше; внизу стелется огромными бѣлыми пятнами ягель, кое-гдѣ перемежаясь съ кустами вереска и вороники. Въ воздухѣ стоитъ особенный сухой запахъ горячаго песка, желтыхъ иглъ и ягеля, свойственный

*) См. Путеводитель по Россіи. Сѣверъ. СПТ. 1886 г.

**) Памятная книжка Олон. губ. 1868–69 г. Ч. II, стр. 20

сосновому лѣсу. Мертво какъ-то. Даже ярко-голубое небо, выступающее между неподвижными зелеными вѣтвями, придаетъ только какой-то холодный блескъ этой типичной сѣверной мѣстности.

Безостановочно идетъ нашъ путь, все дальше и дальше, — къ Даниловскому скиту. Что представляетъ изъ себя этотъ уголокъ Сѣвера — цѣлый особенный міръ? Что осталось еще отъ этого прославленнаго мѣста? Что дѣлаютъ люди, которымъ было оказано такъ много несправедливостей? И жутко какъ-то пріѣхать внезапно въ это мѣсто полнаго раззоренія.

А песчаная дорога вьется все тѣмъ же молчаливымъ, мертвымъ лѣсомъ, и съ каждымъ часомъ приближаемся мы къ завѣтной цѣли. Вотъ уже садится солнце; яркіе лучи его бросаютъ красный отблескъ на стволы сосенъ, на бѣлый ягель—вотъ уже и потухъ закатъ.

Вечеретъ—мы въѣзжаемъ въ деревню Тихвинъ-Боръ.

Какая тишина въ станціонномъ домѣ. Въ комнатѣ для пріѣзжихъ, образцовой чистоты, стоитъ большое кожаное кресло; пахнетъ ладономъ. Рядомъ, въ небольшой комнаткѣ устроена молельня. Въ вечерней темнотѣ трудно разсмотрѣть что нибудь—только мерцаетъ лампадка передъ образами. Раскольничій міръ уже начался.

Никто изъ хозяевъ не показывается; только молодая баба выходитъ на крыльцо съ ребенкомъ, которому почему-то не спится. Передъ избой суетятся и спѣшатъ ямщики.

Четверть часа спустя мы мчимся дальше. Вста-

етъ съ земли бѣлый туманъ; медленно выползаетъ онъ изъ-за кустовъ, точно караулитъ тутъ кого-то. Онъ окутываетъ своей сырой пеленой нашихъ лошадей и повозку. Въ сторонѣ надъ его бѣлой, слегка передвигающейся стѣной, высоко поднимаются купола Тихвино-Борской часовни. Она уже давно закрыта. Тутъ на виду у раскольниковъ она служитъ постояннымъ напоминаніемъ оказанной имъ несправедливости. Пройдутъ года—подгніетъ крѣпкій срубъ — разрушится и этотъ свидѣтель прошлаго.

Тяжело видѣть это запустѣніе; какъ-то неловко, становится передъ всѣмъ этимъ міромъ—точно сами мы принимали участіе въ разрушеніи чужой святыни. Скорѣе мимо.

Дремлется; но проснешься отъ какого нибудь толчка и снова цѣлыми рядами мелькаютъ въ туманѣ сосны. Вотъ вдругъ раступается лѣсъ—купола церкви вырѣзываются на бѣловатомъ фонѣ ночнаго неба—Данилово.

***

Домъ Исаака Ѳедоровича Копѣйкина, у котораго мы остановились, выдѣлялся среди другихъ домовъ Данилова: своей постройкою и ярко-голубой краской, также какъ и вывѣской на дверяхъ, изображавшей сахарную голову и еще какіе-то припасы, онъ напоминалъ вполнѣ городской домъ.

Горницы, предоставленныя намъ, были тщательно, не по-деревенски, убраны; занавѣси украшали окна съ бѣлыми крашенными подоконниками, кожаные диваны стояли у стѣнъ. А въ одномъ углу

на части стѣны, очевидно нарочно не заклеенной обоями, было странное украшеніе: Богъ знаетъ какимъ живописцомъ тутъ была изображена ваза съ цвѣтами (хозяева называли эту вазу самоваромъ) и какой-то гербъ на зеленомъ полѣ, надъ которымъ красовались физіономіи луны и солнца въ надѣтомъ на бокъ цилиндрѣ.

Кругомъ Копѣйкинскаго дома раскинулись другія постройки Данилова.

Грустное, тяжелое впечатлѣніе производитъ это разворенное мѣсто.

Сохранились еще слѣды вала шедшаго вмѣстѣ съ деревянной стѣной вокругъ всего поселенія, сохранились еще бугры, свидѣтельствующіе о существовавшихъ здѣсь когда-то многочисленныхъ постройкахъ, и тутъ, и тамъ валяются еще бревна, отдѣльные камни.

По плану древняго Данилова видно, какъ застроено было все это мѣсто, раздѣленное между мужскимъ и женскимъ монастыремъ. Службы, различныя мастерскія, трапезныя, странноприимная, школа или „грамотная“, больница — все, благоустройствомъ чего славятся теперь Соловки—все это было и здѣсь, въ этомъ прежнемъ разсадникѣ просвѣщенія. Какъ Данилово, такъ и Соловки произведеніе мѣстной народной жизни, со всѣми ея типичными особенностями—вотъ почему этотъ центръ имѣлъ такое же могущественное значеніе на сѣверѣ, какое имѣетъ Соловецкій монастырь. Большая Даниловская часовня сохранилась еще, но давно обращена въ православную церковь. Одинъ придѣлъ освященъ, другой еще нѣтъ. Сохранилось

еще помѣщеніе старовѣрческой часовни. Семь полокъ, идутъ вокругъ стѣнъ; прежде онѣ всѣ были заставлены образами, теперь много пустыхъ мѣстъ. Съ каждымъ годомъ уменьшается богатство часовни. Куда оно уходитъ, неизвѣстно. Такъ напримѣръ, объ огромныхъ подсвѣчникахъ передъ образами, которые видѣли здѣсь еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, теперь нѣтъ и помину. Остался только массивный старинный фонарь, употребляемый при крестныхъ ходахъ, со слюдой вмѣсто стеколъ.

И рядомъ съ этой полуразграбленной часовней, соотвѣтствуя ей вполнѣ, стоитъ, во время гоненія лишенная верхушки, огромная Даниловская колокольня. Перекосившись еле держится на ней циферблатъ старинныхъ часовъ со славянскими цифрами, которые, какъ говорятъ, били каждые пять минутъ.

Колокольня эта и часовня принадлежали мужскому монастырю, который, судя по тому же старинному плану, стоялъ отдѣльно отъ женскаго монастыря. И тутъ, въ женскомъ монастырѣ, были часовня и колокольня, были и свои службы, своя больница, однимъ словомъ, цѣлое, прочное заведеніе, но все это срыто до основанія.

Тутъ въ Даниловѣ былъ совсѣмъ особенный міръ нѣсколькихъ сотъ людей, дѣятельныхъ, трудолюбивыхъ, удачно боровшихся съ тяжелыми условіями налагаемыми суровой природой и вмѣстѣ съ тѣмъ ищущихъ спокойствія скитской жизви, убѣжденныхъ въ правильности избраннаго ими пути. Твердая вѣра, и жизнь, ограниченная монастырскимъ

уставомъ, позволявшимъ имъ, однако, прилагать къ дѣлу практическій смыслъ русскаго человѣка—вотъ на чемъ зиждилось Данилово, такъ же какъ зиждется и Соловецкій Монастырь. Вотъ какіе данные приводитъ г. Майновъ о прежнемъ благосостояніи Данилова: „у монастыря было 100 лошадей, 150 коровъ и 60 телятъ... ему принадлежало 27 скитовъ и 12 пашенныхъ дворовъ или приказовъ: на Онежскомъ озерѣ Данилово имѣетъ нѣсколько пристаней, изъ которыхъ главною считаются Пигматка, куда ежегодно привозятъ до 107 кулей одного хлѣба, Данилову принадлежали 2 лѣсопильныхъ завода, нѣсколько мельницъ; 6 судовъ морскихъ Даниловскихъ ходили по Бѣлому морю и доставляли въ Сороку добытки промышленниковъ; въ Архангельскомъ монастырь имѣлъ саловарню и салотопню, наконецъ въ самомъ Петербургѣ — подворье“*).

Весь этотъ міръ погибъ внезапно. Теперь Данилово—груда развалинъ, раззоренное, пустынное мѣсто.

Пустуютъ нѣкогда обрабатываемыя земли, гніютъ, разрушаются никогда неподновляемыя постройки; уменьшается съ каждымъ годомъ число оставшихся скитниковъ и скитницъ. Прежде въ Даниловѣ (по уложенію братьевъ Денисовыхъ) кромѣ большака надъ скитскими начальствовали слѣдующія лица: келарь, казначей, нарядникъ и городничій. На обязанности келаря лежали заботы о „хлѣбенной“, „поваренной“, „трапезной“ и надъ

*) Майновъ: поѣздка въ Обонеж.—и Корелу, ст. 211, 212

больницей. Въ вѣдѣніи казначея находилось все имущество Даниловскаго скита; онъ же наблюдалъ, за „кожевенной“, за „портной“ и „чеботной шваль-ней“ и „мѣдницей“. Наряднику было поручено попеченіе о земледѣльствѣ, плотничествѣ, кователествѣ, рыболовствѣ, возачествѣ. Мельница, скотные дворы и всякая домовая работа и работные люди состояли также въ его вѣдѣніи. Городничій долженъ былъ имѣть надзоръ надъ сторожами, надъ „гостинными“, наблюдать надъ странными приходящими и отходящими, надсматривать за братіей при часовенныхъ дверяхъ, во время книжнаго чтенія, и въ кельяхъ и въ трапезѣ.*)

Такъ было, когда въ Даниловѣ кипѣла жизнь. Теперь нѣтъ не только этихъ второстепенныхъ начальствующихъ лицъ — нѣтъ даже и большака. Послѣдній большакъ умеръ недавно—онъ не былъ замѣненъ ни кѣмъ. Осталась одна большуха съ семью скитницами — послѣднія хранительницы прежней святыни—скоро не станетъ и ихъ.

И на мѣсто этого стараго міра, водворился новый. Лучше ли оттого?

Пустынна стоитъ православная церковь, рѣдко кѣмъ посѣщаемая. Даниловская школа насчитываетъ всего 16 учениковъ (въ томъ числѣ и дѣвочекъ), приходящихъ изъ Данилова и окрестныхъ деревень. И это въ томъ мѣстѣ, гдѣ были всегда переполнены двѣ школы мужская и женская, и гдѣ было возможно въ женскомъ скиту правильно организовать

---

*) Е. Барсовъ: Уложеніе братьевъ Денисовыхъ. Памятная книжка Олонецкой губер. 1868—69 г.

переписку священныхъ книгъ, для чего имѣлось даже особенное зданіе, такъ называемая, „псалтырня“.

* * *

Большуха Агафья Гавриловна, должно быть послѣдняя изъ Даниловокъ, состоящая въ этомъ званіи, встрѣтила насъ на дворикѣ передъ своимъ домомъ. Она была, какъ повелѣваетъ уложеніе Денисовыхъ, въ черномъ сарафанѣ съ бѣлыми рукавами и въ черномъ платкѣ.

„Милости просимъ, гости дорогіе“, проговорила она, низко кланяясь.—Черные умные глаза быстро и безпокойно оглядѣли насъ: вѣчный страхъ передъ наѣздами начальства пріучилъ жителей Данилова къ осторожности въ обращеніи съ людьми. Большуха занимаетъ бывшій домъ большака. Эта маленькая изба о нѣсколькихъ комнатахъ, чистыхъ, уютныхъ, хотя и небогато обставленныхъ. Много старыхъ воспоминаній заключается въ этой, такъ называемой, „большаковой избѣ“; много уцѣлѣвшихъ, дорогихъ предметовъ сохраняетъ съ благоговѣніемъ большуха - для кого и на сколько времени? Живетъ она тутъ съ одной изъ оставшихся старухъ, и такой мирный и спокойный характеръ носитъ все ея жилище, полное иконъ, старинныхъ портретовъ, о такой мирной жизни говорятъ эти два старыхъ кожанныхъ кресла, только что оставленная работа, и пучки какихъ то травъ развѣшанные по стѣнамъ, что невольно кажется, будто тутъ мирно доживаютъ свой вѣкъ двѣ старухи, безмятежно вспоминая прошедшіе дни.

Но не то говорятъ глаза большухи, живые и умные, все лицо ея, хорошо сохранившееся, энергичное, смѣтливое и спокойное. Нѣтъ, она-то не примирилась со сложившеюся жизнью—въ ней еще много силъ и желанія борьбы. И много сдѣлала бы она, если бы ей было дано широкое поле дѣятельности. Теперь она должна довольствоваться мелкою борьбою съ мѣстнымъ начальствомъ, охраняя себя и оставшихся старицъ отъ возможныхъ еще притѣсненій. Видно она привыкла къ наѣздамъ разныхъ лицъ, держитъ себя будто увѣрено и старается скрывать невольное безпокойство. Когда она слушаетъ кого-нибудь, она слегка прищуриваетъ глаза, будто старается уловить. какой-то внутренній смыслъ въ рѣчи собесѣдника—потомъ уже проясняется все ея лицо и она отвѣчаетъ на вопросъ. Получается впечатлѣніе не совсѣмъ симпатичнаго, но въ высшей степени умнаго лица.

Агафья Гавриловна показала намъ старинный планъ Даниловскаго скита и портреты прежнихъ настоятелей. Она живо и толково отвѣчала на наши разспросы, между тѣмъ какъ крупныя слезы блестѣли въ ея глазахъ. Она хотѣла скрыть ихъ и опускала глаза; нѣсколько разъ выходила въ другую комнату, и тамъ, я видѣла, быстро прижимала платокъ къ лицу и, успокоившись, снова являлась къ намъ.

Мы пошли въ строеніе, отошедшее подъ молельню и занимаемое остальными старухами. Нѣкоторыя изъ нихъ настолько стары, что уже заговариваются и едва едва ходятъ. Кажется, что тутъ богадѣльня. Одна только большуха еще сильна и крѣпка—и

на ней одной лежатъ всѣ заботы объ этихъ больныхъ и разслабленныхъ старицахъ.

* * *

Лодка давно уже ждетъ насъ у плавучаго моста, перекинутаго черезъ Выгъ. Кладь уже уложена на ея дно; самъ старикъ Копѣйкинъ сидитъ у руля.

Передъ самымъ отъѣздомъ къ мосту подходитъ молодой парень лѣтъ 16-ти. Онъ проситъ довезти его до слѣдующей деревни. Гребцы знаютъ этого парня: онъ надорвался во время работы и совсѣмъ больной спѣшитъ вернуться въ родную деревню. Старикъ Копѣйкинъ качаетъ головой и озабоченно осматриваетъ лодку, которая и безъ того уже глубоко сидитъ въ водѣ, но соглашается: нельзя же больнаго парня оставить тутъ.

Въ послѣдній разъ мы прощаемся съ большухой и слышимъ ея напутствованія. Гребцы отталкиваются отъ моста.

Широка и спокойна голубая лента Выга. Въ зеркальной поверхности отражается необыкновенно рельефно прибрежная трава, цвѣтистый берегъ; тутъ и тамъ двѣ или три мирно-плавающія утки едва-едва рябятъ воду. Стоитъ ясный теплый день. Сильно, но молча гребутъ гребцы. Копѣйкинъ склонилъ къ рулю свою сѣдую голову—кажется, что онъ думаетъ глубокую думу; больной парень неподвижно лежитъ на днѣ лодки, прислонясь къ борту ея блѣдной исхудалой щекой. Какъ-то молчится въ такую тишину.

Сѣнокосъ только что начался; то и дѣло попадаются на берегахъ цѣлыя группы работающихъ. Въ сѣверныхъ губерніяхъ косятъ такъ называемыми горбушами, то-есть короткими изогнутыми косами, похожими на большіе серпы. Горбушемъ бьютъ влѣво и вправо, такъ что скошенная трава летитъ въ разныя стороны. При этомъ работающій долженъ, конечно, сильно нагибаться. Насъ, привыкшихъ къ красивому виду правильно, рядами идущихъ косарей, какъ будто легко и свободно дѣлающихъ свое дѣло, невольно поражаетъ этотъ способъ косьбы.

Снова узкій плавучій мостъ, переброшенный черезъ рѣку преграждаетъ намъ путь.

Въ сторонѣ, направо, виднѣется деревня Березово. Больнаго парня высаживаютъ. Онъ медленно направляется къ деревнѣ, слабо придерживаясь за перила моста.

„Дойти бы ужъ ему поскорѣй, жалко парня“, говорилъ кто-то изъ гребцовъ, смотря ему вслѣдъ.

Другіе между тѣмъ заняты лодкой. Ее волокомъ тащатъ черезъ мостъ и бережно опускаютъ въ воду съ другой стороны его.

Теперь уже густой лѣсъ покрываетъ берега; вода отъ него кажется свѣтлозеленой. Вотъ Выгъ раздѣляется, обходя съ обѣихъ сторонъ большой, покрытый лѣсомъ островъ. Тутъ начинаются пороги Выга. Ѣхать дальше въ лодкѣ нельзя. Надо пѣшкомъ обойти пороги, которые тянутся на нѣсколько верстъ. Гребцы оставляютъ лодку вмѣстѣ съ веслами у берега. Въ этихъ мѣстахъ нечего бояться, что кто-нибудь попользуется чужимъ до-

бромъ. Сами они навьючиваютъ на себя наши вещи, и длинной вереницей направляемся мы черезъ лѣсъ.

Какъ хорошъ этотъ густой боръ съ такой сочной растительностью у могучихъ корней. При томъ яркій солнечный свѣтъ, сквозя черезъ всю эту зелень, придаетъ ей особенный мягкій золотистый цвѣтъ. Тихо все кругомъ; только врывается въ эту тишину незванно-непрошено шумъ Выгскыхъ пороговъ. Но вотъ замолкаетъ и онъ; мы отдаляемся отъ него все больше и больше.

Пройдя версты двѣ, мы входимъ въ деревню Шелтопорогъ.

Шелтопорогъ тоже расколничье селеніе—2 дома и въ конецъ разрушенная часовня. Такое же тяжелое впечатлѣніе пустынности и мертвенности производитъ и эта деревня.

Странный былъ тотъ домъ въ Шелтопорогѣ, въ которомъ мы остановились. Масса маленькихъ комнатъ, расположенныхъ въ разныхъ направленіяхъ въ верхнемъ и нижнемъ этажѣ, невольно заставляла думать, что во время гоненій этотъ домъ могъ служить безопаснымъ убѣжищемъ для скрывающихся. Большинство этихъ комнатъ въ данную минуту стояло пустыми. Осматривая домъ, я совершенно нечаянно попала въ такъ называемую, «келію» хозяина, служащую мѣстомъ для чтенія и молитвы. То была длинная узкая горница, передній уголъ которой былъ весь заставленъ старинными иконами. На столѣ лежали старинныя церковныя книги; на стѣнахъ висѣло нѣсколько портретовъ; въ углу стояло кожаное кресло.

„А, вотъ гдѣ ты?“ немного удивилась хозяйка, зачѣмъ-то вошедшая сюда.

„Чей это портретъ?“ спросила я, указывая на большой масляными красками портретъ, висѣвшій на стѣнѣ.

„Это „мой“ и есть—похожъ, когда молодъ былъ. Мой братъ писалъ; онъ въ Питерѣ въ академіи учился. Да Богъ ихъ знаетъ тамъ—спился съ кругу совсѣмъ—бросилъ и писать... теперь въ Климовскомъ монастырѣ...“ Хозяйка передернула плечами и значительно сжала губы.

„Что ты смотришь на шкапъ?“ продолжала она, „баско что ли расписано?“ Меня дѣйствительно поразила живопись, украшавшая лицевую сторону шкапа. На темносинемъ фонѣ красиво переплетались цѣлой сѣткой яркоалыя розы; бѣлые голуби сидѣли на вѣткахъ. Рисунокъ былъ исполненъ легко и красиво.

„Это мать моя писала. Она такъ сама научилась—и хорошо писала. Листки какіе расписывала. Да вотъ у меня ея птица Сирикъ есть, только не знаю гдѣ. Коли найдется, подарю тебѣ.“

Въ одной изъ боковушъ стоялъ пыльный старый ящикъ. Онъ былъ полонъ старинныхъ книгъ, писанныхъ листковъ, старыхъ переплетовъ—все это лежало тутъ пропыленное, безъ всякаго порядку. Мы начали съ хозяйкой перерывать ящикъ, но обѣщанная картина не находилась.

„А вотъ тебѣ вѣнчикъ—тоже матери моей“, хозяйкѣ нечаянно попался подъ руку старинный похоронный вѣнчикъ; „на тебѣ“—она надѣла мнѣ его

на лобъ и весело разсмѣялась. „Всѣ будемъ такъ.. глянь-кось, какая красавица—охъ ты господи“...

Пора было пускаться въ дальнѣйшій путь. Багажъ нашъ уложили на двухколесную, примитивнаго устройства телѣгу— мы сами двинулись за нею пѣшкомъ.

Солнце уже садилось и сквозило сквозь густую сѣтку лѣса. Выгъ то далеко оставался въ сторонѣ, то снова приближался къ намъ съ тихимъ журчаніемъ или съ грознымъ ропотомъ своихъ порогов. Дорога шла неравномѣрно: то широкой песчаной лентой среди лѣса, то узкой тропинкой вдоль самаго берега Выга; то приходилось идти по топкому, только что скошенному лугу, то перепрыгивать съ камня на камень.

Попадались на пути и селенія; большею частью онѣ состояли изъ двухъ трехъ дворовъ—или даже изъ одного. Это все тотъ же Шелтопорогъ, раскинувшійся на 10 верстъ. На сѣверѣ не диво встрѣтить отдѣльное названіе для мѣстожительства двухъ или одного человѣка. Тутъ нѣтъ и помину о такихъ деревняхъ (въ 100 и 200 дворовъ), какія зачастую встрѣчаются въ нашей Московской губерніи.

У одинокой избушки, занимаемой старикомъ охотникомъ, кончился, наконецъ, нашъ путь. Скоро справили намъ лодку—быстро и плавно полетѣла она по широкой глади Выга.

Закатъ еще не потухъ. Яркая красная полоса на западѣ виднѣлась сквозь бѣлую пелену тумана, поднимавшагося съ краевъ Выга. Все больше и больше застилалъ онъ поверхность рѣки. Золо

тистыя тучки поднялись надъ лѣсомъ и остановились на блѣдно-голубомъ небѣ. Тихо все...

Когда мы подъѣхали къ станціи, въ деревнѣ Тайгинцѣ,—было уже за-полночь. Все спало; только собаки встрѣтили насъ громкимъ лаемъ.

Въ станціонной комнатѣ на полу подъ парусиннымъ пологомъ спалъ самъ хозяинъ съ двумя дѣтьми.

„Сиротки“, сказалъ онъ, унося спящихъ дѣтей на рукахъ. „Мать вотъ недавно померла. Не съ кѣмъ имъ и быть. На мнѣ все осталось“...

Все еще тонуло въ полумракѣ свѣтлой сѣверной ночи, когда, проѣхавъ 15 верстъ по Выгу отъ Тайгинцевъ, мы снова причалили къ берегу, чтобы въ послѣдній разъ обойти порогъ Выга. Тутъ начинается такъ-называемая тайбола. Тайбола на сѣверномъ нарѣчіи значитъ пространство между двумя водными путями, чаще всего прерываемое, если путь идетъ по одной и той же рѣкѣ, ея порогами. Еще недавно по этой тайболѣ на Выгѣ, тянущейся на 3 версты, лодку тащили волокомъ за собою. Теперь устранено это неудобство. Гребцы оставляютъ свою лодку на одномъ концѣ тайболы, а на другомъ находятъ уже другую, совсѣмъ готовую.

По топкому болоту положены узкіе мостки; но они уже давно перегнили, поддаются подъ ногами, такъ что то и дѣло соскальзываешь съ нихъ и топнешь въ мокрой мшистой почвѣ. Приходится невольно удивляться силѣ и ловкости нашихъ гребцовъ, которые, обремененные тяжелымъ багажемъ, тѣмъ не менѣе бодро и твердо идутъ по этимъ скользкимъ бревнамъ, точно по ровной дорогѣ.

Кругомъ, въ густомъ березовомъ лѣсу, стоитъ та особенная тишина, которая бываетъ только утромъ. Лишь одни комары густой сѣткой кружатся въ воздухѣ и буквально не даютъ намъ прохода.

Но вотъ ярко блеснулъ въ сторонѣ первый лучъ солнца, и вдругъ все ожило, все затрепетало; казалось только того и ждала природа, чтобы проспуться отъ ночнаго сна. Сначала зажглись золотистымъ огнемъ верхушки деревьевъ, но съ каждымъ мгновеніемъ лѣсъ освѣщался все больше и больше; все выше и выше поднималось солнце. Бѣлая ночь бѣжала съ неба и ярко выступала синева между позлащенными верхушками березъ.

Тайбола кончилась. Выгъ спокойный, широкій, величавый лежалъ передъ нами, наполовину еще окутанный бѣлымъ туманомъ. Но лучи солнца становились все ярче и горячѣе, и туманъ быстро разсѣявался отъ нихъ.

Послѣднія двѣ версты въ лодкѣ до Петровскаго Яма—и навсегда придется распроститься съ Выгомъ. Отъ Петровскаго Яма вплоть до Сумскаго посада дорога идетъ почтовымъ трактомъ.

По преданію въ 1702 году, пробираясь съ Бѣлаго моря на берега Балтійскаго, Петръ I съ войсками, утомленными труднымъ походомъ, отдыхалъ на берегу Выга въ Петровскомъ Ямѣ. Въ память этого событія въ 1882 г. тутъ была выстроена церковь. Она приближается по своей архитектурѣ къ прочимъ мѣстнымъ деревяннымъ церквамъ. Многочисленные купола врѣзываются въ небо красивыми чешуйчатыми верхушками; широкая открытая галлерея, идущая вдоль ея основанія, придаетъ

всей постройкѣ, хотя и приземистый, но оригинальный видъ.

***

„Небось, довезетъ васъ паренекъ – такіе ли еще у насъ ѣздятъ“, увѣрялъ насъ содержатель почтовой станціи въ Петровскомъ Ямѣ, подсаживая къ намъ на облучекъ мальчика, которому на видъ можно было дать лѣтъ 7—8—не болѣе.

„Алешка, смотри, вези-жъ какъ слѣдуетъ“, проговорилъ онъ, подбирая возжи и вручая ихъ маленькому ямщику.

Алешка, облеченный въ какой то длинный и широкій бѣлый армякъ, ногами не доставая до передка, и, какъ казалось, вовсе неувѣренный въ своемъ дѣлѣ, тѣмъ не менѣе пріосанился и ударилъ по лошадямъ.

Но едва мы успѣли проѣхать съ версту, какъ убѣдились вполнѣ въ несостоятельности нашего ямщика: лошади ни мало не слушались его. Кажется, убѣдился въ этомъ и самъ Алешка; по крайней мѣрѣ, онъ счелъ за лучшее передать возжи намъ.

Внезапно, послѣ долгаго пути лѣсомъ, бросается въ глаза ослѣпительно яркая, волнующаяся крупной зыбью синяя поверхность Выгозера, перерѣзывающаго дорогу. Для переправы на паромѣ выбрали мѣсто сравнительно узкое; по его обѣимъ сторонамъ широко разлилось озеро, уходя въ голубую даль своими голубыми волнами. Конца его не видать. Тутъ только одинъ изъ многочисленныхъ его заливовъ, а на западъ тянется водная

поверхность на нѣсколько сотъ квадратныхъ верстъ.

Сколько насмѣшекъ и обидныхъ попрековъ пришлось выслушать бѣдному Алешкѣ на слѣдующей станціи.

„Не маленькій онъ—такіе ли еще помогаютъ“, говорили кругомъ—„вотъ нашъ парень поѣдетъ. Гаранька—однихъ лѣтъ съ нимъ будетъ.“

Новый ямщикъ Герасимъ, мальчикъ лѣтъ 9-ти, съ необыкновенно важнымъ видомъ подошелъ въ это время, держа сбрую въ рукахъ, и окинулъ несчастнаго Алешку уничтожающимъ взглядомъ, отъ котораго тотъ низко, низко опустилъ голову.

...Безостановочно мчимся мы все дальше и дальше—теперь уже къ Бѣлому морю. Быстро мѣняются по обѣимъ сторонамъ виды: то молча густой стѣной стоитъ точно заснувшій въ полуденномъ зноѣ сосновый лѣсъ; то болото стелется возлѣ дороги; тамъ выглянетъ синимъ заливомъ озеро. Мѣстность холмистая. Едва успѣваешь спуститься съ одной горы, какъ тотчасъ приходится подниматься на другую. Иногда эти пригорки до того круты, что невольно наклоняешься впередъ. Въ Олонецкой губерніи, какъ намъ приходилось замѣчать, существуетъ особенная манера ѣздить по этимъ горамъ. Спускаясь съ горы, ямщикъ обыкновенно изо всѣхъ силъ осаживаетъ лошадей, пока, наконецъ, лошади послѣ долгихъ усилій не вырвутся. Удержать ихъ тогда нѣтъ никакой возможности; онѣ летятъ, какъ стрѣла подъ гору и, благодаря этому напряженію, однимъ духомъ выносятъ телѣгу на противуположную гору. Ям-

щикъ уже не правитъ ими: онѣ знаютъ дорогу и никогда не свернутъ въ сторону. И страшна, и люба эта бѣшеная ѣзда, когда приходится вполнѣ полагаться на лошадей, да крѣпче держаться, чтобы не упасть...

Богатыхъ деревень уже не встрѣчаешь на пути. Ихъ замѣняютъ бѣдныя, съ покосившимися избенками, деревушки. Вотъ уже и столбъ въ сторонѣ, отмѣчающій начало Архангельскойгубернiи. Верстъ тридцать отдѣляютъ насъ отъ Сумскаго посада.

Молодцовато сидитъ на облучкѣ ямщикъ съ послѣдней станцiи. Не смотря на то, что то и дѣло встрѣчаются крутые спуски, онъ пускаетъ лошадей вскачь. Развѣвается отъ быстрой ѣзды его рубаха; развѣвается и кукель, надѣтый отъ комаровъ.

Теплый день уступаетъ мѣсто сырому вечеру. Вотъ потянулось по обѣимъ сторонамъ дороги топкое торфяное болото. Бѣдный, угрюмый пейзажъ. Тутъ и тамъ тощiя деревца. Почва, взрытая кочками, перерѣзана точно нитями небольшими канавками, въ которыхъ закатъ отражается золотыми, розовыми и голубыми тонами.

Встаетъ вдали бѣлый туманъ; западъ блѣднѣетъ. Молочно-бѣлая ночь захватываетъ все большiй и большiй горизонтъ.

„А вотъ оно и море“, оборачивается къ намъ ямщикъ—„вона за лѣсомъ, видишь?“

За темнымъ сосновымъ лѣсомъ на самомъ горизонтѣ тянется узкая полоса того особеннаго голубаго цвѣта, который присущъ только морю...

Скорѣе, скорѣе къ Бѣлому, Студеному морю...

* * *

...Часа два спустя близь подворья Соловецкаго монастыря въ Сумскомъ посадѣ, стоялъ уже готовый ка́рбасъ. Отецъ Александръ, Соловецкій монахъ мореходъ, въ высокихъ сапогахъ, въ коротькомъ бѣломъ балохонѣ и скуфьѣ, уже разсадилъ своихъ гребцовъ по мѣстамъ и самъ сидѣлъ у руля.

„Мы и самоваръ захватили съ собою и воды—въ случаѣ если придется долго парохода дожидаться,—мы и попьемъ чайку въ морѣ", сказалъ онъ.

Стоянка пароходовъ находится въ семи верстахъ отъ Сумскаго посада. Такъ какъ никто не зналъ навѣрное, въ какое время придетъ пароходъ „Кемь", который долженъ былъ доставить насъ въ Соловецкій монастырь, отецъ Александръ и предложилъ намъ ѣхать раньше въ море, гдѣ и можно было бы подождать прихода „Кеми".

Бѣлое море, на этотъ разъ, вполнѣ оправдывало свое названіе. Молочно-бѣлаго цвѣта широко и спокойно залегло оно на далекое разстояніе. Мы не замѣтили, какъ выѣхали въ море изъ широкаго устья рѣки Сумы (на которой расположенъ Сумской посадъ)—до того тихо было море.

„А вонъ „Кемь" уже идетъ", проговорилъ кто-то изъ гребцовъ. „И ждать не придется".

Дѣйствительно, на ярко-красной полосѣ заката, выдѣляющейся между бѣлымъ небомъ и бѣлой водой—ясно вырѣзывался силуэтъ парохода...

VI.

По лапландскимъ лѣсамъ и озерамъ.

* * *

Ярко блещущія отъ палящихъ лучей солнца мутныя волны Сѣверной Двины сдали нашъ пароходъ въ широкое, далекое море. Чѣмъ и какъ кончится это плаваніе? не будетъ ли качки? не захватитъ ли насъ гдѣ-нибудь внезапно налетѣвшій штормъ? —вотъ вопросы, которые невольно приходятъ въ голову при морскомъ путешествіи. Но пока море не обѣщаетъ ничего дурнаго: штиль полный. Бойко бѣжитъ нашъ „Чижовъ“ по бирюзовому зеркалу моря, оставляя за собой длинный и пѣнистый жемчужный слѣдъ. Какъ-то странно дѣйствуетъ на душу этотъ широкій просторъ. Хорошо, и легко, и какъ-то жутко въ одно и то-же время отъ этой необозримой пустынной дали...

На слѣдующій день море также спокойно. Правда, вѣтеръ окрѣпъ и взбороздилъ зеркальную гладь его, но ярко-синія волны, пѣнясь вокругъ парохо-

да, не производятъ еще качки—а больше ничего и не требуешь. Вотъ по обѣимъ сторонамъ потянулись скалистые, пустынные острова; скоро они переходятъ въ сплошную каменную стѣну. Коегдѣ украшаетъ темныя, бурыя скалы скудная сѣверная растительность. Пароходъ останавливается и даетъ рѣзкій продолжительный свистокъ. И вотъ, будто отвѣчая на этотъ зовъ, спѣшитъ къ нему, ныряя по волнамъ, масса ка́рбасовъ (лодокъ). большихъ и маленькихъ. Мы въ Кемскомъ заливѣ.

Самого города не видать: онъ расположенъ въ 8 верстахъ отъ мѣста стоянки пароходовъ, на берегу порожистой рѣки Кеми. Благодаря этому далекому разстоянію тѣ, которые имѣютъ какое-нибудь дѣло на пароходѣ по отправкѣ или полученію грузовъ, ожидаютъ пароходъ въ ка́рабасахъ въ самомъ заливѣ. Иногда, если что нибудь задержитъ пароходъ, ждать приходится долго — двое, трое сутокъ — ждать на пустынномъ скалистомъ берегу или въ лодкѣ.

У бортовъ парохода шумъ и толкотня. Спускаютъ шлюпку, которая должна отвезти въ Кемь почту. А у траповъ тѣснятся ка́рбасы; убираютъ весла, притягиваютъ одну лодку къ другой. На палубу входятъ гребцы—все женщины. Это Кемскія „жонки“ и дѣвки — поморки, превосходящія, пожалуй, въ умѣньи справляться съ ка́рбасами самихъ мужчинъ. Красотой онѣ не отличаются. Нѣтъ и мягкости, свойственной Олонецкимъ женщинамъ. Голоса рѣзкіе, манеры грубыя и беззастѣнчивыя; за то о какой силѣ, о какомъ здоровьѣ

говорятъ ихъ крѣпкія мускулистыя фигуры. Одѣты онѣ по дорожному: платья высоко подоткнуты, шерстяныя, вязаныя рукавицы заткнуты за поясъ; на ногахъ бахилы—высокіе сапоги съ мягкой подошвой, не пропускающей влаги. Смуглыя, но здоровыя отъ морскаго воздуха щеки покрыты у женщинъ платками; дѣвушки носятъ толстыя разноцвѣтныя повязки на свѣтлыхъ жесткихъ волосахъ. Тутъ все бѣдныя „жонки“; богатыя не пойдутъ, конечно, на это дѣло. За доставку груза въ Кемь или изъ города имъ даютъ 40 коп. Стоитъ-ли за эту цѣну ѣхать 16 верстъ, рискуя прождать пароходъ въ холодѣ и сырости и терять на это нѣсколько сутокъ.

Уже больше двухъ часовъ визжитъ съ отвратительнымъ лязгомъ наматывающаяся на кабестанъ желѣзная цѣпь, посредствомъ которой достаютъ грузъ изъ трюма. Многіе уже получили свой грузъ и уѣхали въ городъ. Только еще два, три ка́рбаса медленно покачиваются около парохода. Издалека доносится пѣснь отъѣзжающихъ жонокъ.

Мало-по-малу все стихаетъ на пароходѣ; стихаетъ и море, готовясь къ ночному покою. Погружается въ полусумракъ правый берегъ, скрывая за собой заходящее солнце, и ярко алѣютъ противоположныя скалы и кирпичныя стѣны какого-то завода на берегу. Мягко свѣтится закатъ розовато-желтыми тонами. Розовыя облачка медленно плывутъ по блѣдно-голубому небу; все яснѣе и яснѣе вырисовывается блѣдный серпъ луны, по мѣрѣ того какъ тухнетъ закатъ и темнѣютъ берега.

Начинается отливъ; онъ настолько силенъ, что

повертываетъ пароходъ къ выходу изъ залива. На море ложится сумракъ. Издали снова доносится пѣснь... Какая тишь!

* * *

Высокіе, крутые и скалистые берега, поросшіе густымъ еловымъ лѣсомъ, оригинально и красиво раздѣляютъ синеву моря отъ ясной лазури неба. Порой, какъ будто издалека, доносится шумъ пороговъ быстрой голубой рѣчки, спѣшащей въ море. Въ глубинѣ спокойнаго залива тѣснится селеніе Кереть. Типичное поморское селеніе: впереди, на самомъ берегу, выстроились амбары; шкуна, какъ будто отдыхая, тихо покачивается близъ нихъ; на каменистомъ берегу масса ка́рбасовъ. На шумливой, порожистой рѣчкѣ Керети поставленъ семужій заборъ.

Вотъ съ сѣнокоса приплыли двѣ женщины; онѣ убираютъ ка́рбасъ, ступая толстыми бахилами по топкому берегу. Двое—трое загорѣлыхъ, здоровыхъ ребятишекъ слѣдуютъ за ними, помогая имъ тащить блестящіе на солнцѣ горбуши.

Высокія каменныя горы, покрытыя лѣсомъ и ягелемъ, служатъ фономъ для всего селенія. Красиво толпятся его строенія вокругъ бѣлой, шитой тесомъ, церкви. Тутъ же и кладбище. Своеобразный характеръ носитъ и оно. Могилы часто снабжены кивотками разныхъ фасоновъ, съ небольшимъ окошечкомъ, обращеннымъ на западъ. Иногда увидишь на могилѣ тщательно положенную лопату, оставленную тутъ послѣ похоронъ. Кресты часто замѣнены рѣзными столбиками съ небольшимъ об-

разкомъ. Пустынно и холодно это кладбище, не украшенное ни однимъ деревцомъ, какъ вообще холоденъ даже въ своей красотѣ весь этотъ блестящій пейзажъ.

Среди всѣхъ керетскихъ домовъ выдѣляется домъ мѣстнаго богача фактористa С., большой и красивый, съ крытымъ балкономъ, выходящимъ въ садъ. Внутри онъ только недавно поновленъ, такъ что все еще блеститъ свѣжими красками. Фирма С. давно уже существуетъ на сѣверѣ и въ этомъ домѣ жили и прежніе представители ея. Теперь сдѣланы значительныя улучшенія—молодое поколѣніе болѣе взыскательно и требуетъ бо́льшаго комфорта. Стѣны комнатъ украшены не лубочными картинами, а дешевыми олеографіями въ золоченыхъ рамахъ; по столамъ разложено нѣсколько альбомовъ со сценами изъ прошлаго царствованія и коронаціи, картинами взятыми изъ войны 1876 г. и видами Соловецкаго монастыря; есть и музыкальные инструменты: аристонъ, гармонія, органъ и піанино.

Все производитъ нѣсколько непріятное впечатлѣніе слишкомъ новаго, слишкомъ тщательно уставленнаго и дешеваго, особенно потолки, раскрашенные по шаблону и клеенка на полу, сдѣланная подъ паркетъ. За то все скрашивается гостепріимствомъ хозяевъ.

На пароходъ мы вернулись въ двѣнадцатомъ часу ночи.

Молчаливо стояла Кереть въ глубинѣ своего тихаго, маленькаго залива, окруженная высокими горами Какъ-то особенно рѣзко прозвучалъ въ

тишинѣ свистокъ, и пароходъ медленно повернулъ.

Выходъ изъ Керетскаго залива заставленъ островами. Красивые, покрытые лѣсомъ острова—гористые, окруженные, точно стѣной, огромными сѣрыми скалами. Плещутъ объ эти скалы морскія волны—теперь тихо и ласково, чуть чуть пѣнясь. Но вотъ, точно кто-то зажегъ внезапно верхушки елей на островахъ; темныя хвои засвѣтились вдругъ яркимъ огнемъ; вотъ вдругъ въ глаза блеснули золотистые лучи. Солнце начинало восходить.

Пароходъ проходитъ узкимъ проливомъ между островами и спѣшитъ въ открытое море.

* * *

Далеко, далеко въ дали теряется ярко-синее море. И куда ни посмотришь, всюду мчатся за нами бѣлые гребни волнъ. Они то исчезаютъ, расплываясь по широкому хребту волны, то вдругъ появляются снова. Ихъ цѣлыя миріады; и тамъ на горизонтѣ, гдѣ уже контуры теряютъ свою ясность, то и дѣло видишь этихъ бѣлыхъ „лебедей“ (такъ называютъ на сѣверѣ бѣлые гребни волнъ) выскакивающихъ изъ воды.

Часто встрѣчаются на пути острова, все такіе же гористые, покрытые лѣсомъ. Вдали синѣютъ горы—это дальніе берега. Мы въ Кàндалакшскомъ заливѣ. Но какъ тихо, какъ пустынно все вокругъ, и эти красивые острова, и море, и вдали эти горы—жизни нѣтъ, и недостатокъ ея чувствуется и

тягостно ложится на душу. Началась страна вѣчнаго сна и молчанія...

По темноватымъ зеленымъ волнамъ пароходская шлюпка несетъ насъ къ небольшой группѣ строеній, раскинутыхъ на возвышенномъ берегу—это Кàндалакша. Темные лѣса за нею, покрывающіе собой высокія горы—туда пойдетъ нашъ путь. Путь длинный, сопряженный со многими неудобствами. 300 верстъ отдѣляютъ Кандалакшу отъ Колы и изъ нихъ 200 надо проѣхать въ лодкѣ, 100—пройти пѣшкомъ. Вотъ путь по пустыннымъ болотамъ и тундрамъ *) Лапландіи. Что-то сулитъ намъ эта мертвенная страна?..

***

Въ Кàндалакшѣ мы застали веселую компанію. Тутъ на сѣверѣ есть обычай не пропускать ни одного парохода безъ, такъ называемыхъ „привальныхъ“ и „отвальныхъ“, т.-е. безъ пиршества. Но въ Кàндалакшѣ, кажется, не дождались прихода нашего „Чижова“ и до него совершили часть „привальныхъ“. Прибытіе пяти новыхъ лицъ и снаряженіе ихъ въ далекій путь, кажется, до нельзя заняло всю эту компанію. По крайней мѣрѣ шуму по поводу нашего отбытія изъ Кàндалакши—мы рѣшились тотчасъ же отправиться въ путь—было много. Насъ совсѣмъ оглушили. „Сейчасъ, сейчасъ, господа, все будетъ устроено,“ кричалъ съ одной стороны становой, нѣсколько невѣрными шагами

*) Тундрой въ Лапландіи называютъ сухое мѣсто, низменное или возвышенное, поросшее ягелемъ.

расхаживая вокругъ насъ въ разстегнутой шведской курткѣ и помятой фуражкѣ. „Сколько у васъ багажа? Вамъ надо четырехъ нощиковъ. Пожалуйста, господа, посидите тутъ—я распоряжусь.“

„Хлѣбъ у васъ есть? Непремѣнно возьмите“, совѣтовалъ съ другой стороны толстый и красный волостной писарь, засунувъ руки въ карманы. „Марья, тащи хлѣба побольше. Мало-ли что можетъ случиться въ дорогѣ.“

„Какъ же вы пойдете, въ такой обуви? это невозможно—слышалось снова. Вамъ непремѣнно надо купить здѣшнюю обувь, знаете, бахилы, ниореньки. Все это мы сейчасъ достанемъ, иначе вы не дойдете. Васъ, господа, ожидаютъ болота и тундры. Путь далекій.“

„Э, да неправда,—повсюду теперь мостки положены хорошіе, ка́рбасы налажены хорошо“, возражалъ возвратившійся становой. Да гдѣ же нощики? Все еще не пришли? Пойди, братъ, распорядись“, скомандовалъ онъ писарю.

Наконецъ явились и нощики. На этомъ, однако, не прекратилась заботливость расшумѣвшихся Ка̀ндалакшскихъ обывателей. Стали по десяти разъ перекладывать нашъ багажъ; каждый давалъ свой совѣтъ. Тутъ лучше было привязать вотъ этотъ узелокъ. Сюда лучше было положить хлѣбъ и. т. д.

Только черезъ полтора часа намъ удалось вырваться изъ Ка́ндалакши.

Рѣка Нива впадаетъ въ самую Кандалакшскую губу; но она настолько изобилуетъ порогами, что приходится пройти пѣшкомъ 12 верстъ до того мѣста, гдѣ по ней можно проѣхать въ ка́рбасѣ.

Не задумываясь двинулись мы въ путь, оставивъ за собою нощиковъ съ нашимъ багажемъ. Скрылась изъ виду Кандалакша, не стало видно и высокой (имѣющей до 1 тыс. ф. вышины) горы, такъ-называемой Крестовой, съ которой, какъ говорятъ, открывается прекрасный видъ на всю губу. Въ сторонѣ шумѣла и рвалась о пороги синяя Нива. Мы подошли къ семужьему забору поставленному въ рѣку. Твердыя, тонкія жерди густымъ рядомъ воткнуты въ дно рѣки. Семга, которая уходитъ изъ моря въ порожистыя рѣчки, чтобы метать икру, возвращаясь въ море, не можетъ пройти иначе, какъ черезъ отверстіе, оставленное въ серединѣ забора, и тутъ непремѣнно попадаетъ въ сѣть, закрывающую это отверстіе. Два стороża сидятъ у забора и отъ времени до времени осматриваютъ сѣть. Одинъ изъ нихъ при насъ кинулся въ рѣку и, ныряя подъ свѣтлыми струями воды, оглядѣлъ сѣть и вытащилъ оттуда большую семгу. Страшно было смотрѣть на него: рѣка бурлила, пѣнилась подъ нимъ, и волны, разбиваясь о большіе камни на днѣ, били и его. Но онъ ловко справлялся съ ними, привычными руками разсѣкая ихъ, избѣгая камней на днѣ. Тѣмъ не менѣе мы всѣ какъ-то невольно обрадовались, когда онъ, наконецъ, выскочилъ на берегъ. Къ насквозь промокшей одеждѣ онъ прижималъ серебристую, блестящую и сильно бьющуюся у него въ рукахъ семгу.

Дорога между тѣмъ идетъ темнымъ лѣсомъ. Мѣстами ягель покрываетъ почву; мѣстами густо разрослась мелкимъ жесткимъ кустарникомъ воронi-

ка; встрѣчается и пахучій росмаринъ. Справа, между деревьями, виденъ желтый крутой обрывъ противоположнаго берега Нивы, слышенъ шумъ ея пороговъ. Бьется она тамъ между двумя крутыми берегами, по каменистому дну. И какъ красивы эти сѣверныя рѣки своею синевой, превосходящія, пожалуй, ясную синеву глядящагося въ нихъ неба.

Мы все дальше и дальше углубляемся въ лѣсъ по узкой, порою каменистой тропинкѣ. Пороговъ уже давно не стало слышно—мы все больше и больше удаляемся отъ нихъ. Солнце садится и прямо бьетъ въ глаза, ослѣпляя насъ. Комары и мошки, цѣлой массой кружась вокругъ насъ, кусаютъ нестерпимо, несмотря на сѣтки, накинутыя на головы и на огромныя холщевыя рукавицы на рукахъ.

Лѣсъ мало-по-малу начинаетъ темнѣть; дѣлается сыро — а все еще не слыхать пороговъ, которые были-бы теперь вѣрнымъ признакомъ, что скоро рѣка и значитъ конецъ пѣшеходному путешествію.

Но вотъ тропинка бѣжитъ подъ гору; почва становится болотистой. Мы напрягаемъ слухъ, не услышимъ-ли шума рѣки—вотъ уже слышится тихое журчаніе—тропинка все круче и круче—гладкимъ зеркаломъ лежитъ передъ нами тихій плесъ рѣки. Справа высокія горы съ темными елями; за ними выдвигается гладкая вершина еще болѣе высокой горы, покрытой ягелемъ. Слышится тихій ропотъ пороговъ изъ-за лѣсу, куда убѣжала рѣка.

Мы зажигаемъ костеръ; пламя вспыхиваетъ подъ сучьями и скоро уже ярко пылаютъ они сами.

Мокрыя свѣжія вѣтки трещатъ и дымятъ и хоть немного спасаютъ отъ комаровъ. Высоко вверхъ цѣлымъ дождемъ звѣздъ взлетаютъ искры.

Однако нощики что то долго не идутъ. Мы уже раньше замѣтили, что они черезчуръ часто прибѣгали къ взятому ими на дорогу штофу. У нихъ между тѣмъ и часть нашей одежды и припасы. Послѣ четырехъ часовой ходьбы ощущается сильный аппетитъ. Да и холодная сырая ночь даетъ себя чувствовать.

Проходятъ два томительныхъ часа—нощики не показываются. Очевидно намъ предстоитъ холодная, голодная ночь. Одинъ изъ нашихъ спутниковъ нашелъ старую лопарскую кережку *) въ кустахъ и изъ нея устроилъ себѣ постель; мы вытаскиваемъ доски изъ ка́рбасовъ, стоящихъ у берега, и ложимся на нихъ у костра. Впрочемъ не спится. Слишкомъ надоѣдаютъ комары. Кромѣ того и костеръ тухнетъ очень скоро; то и дѣло поднимаешься съ досокъ и бѣжишь набирать хворосту, сухихъ листьевъ, мху. На рѣкѣ легкій туманъ; сырость пронизываетъ насквозь. Мы стараемся въ разговорѣ позабыть о нашихъ невзгодахъ, въ то-же время прислушиваясь къ малѣйшему шуму. Все напрасно—нощики не идутъ.

Нощики явились только на слѣдующее утро. Оказалось, что одинъ изъ нихъ свалился отъ вина на полпути и пришлось посылать за новымъ нощикомъ въ Ка́ндалакшу, также какъ и отвести его домой. Ясное, солнечное утро разогнало непріят-

*) Лопарскія сани, похожія на лодку.

ное впечатлѣніе только что проведенной ночи. Живо вскипѣлъ котелокъ съ чаемъ. Утренняя свѣжесть лежала на всей природѣ, блестѣла въ голубомъ небѣ и свѣтлыхъ струяхъ рѣки, на лѣсистыхъ горахъ и на мокромъ еще кустарникѣ. И свѣжестью и бодростью пахнуло она и на насъ...

Ка́рбасъ, въ которомъ намъ приходилось совершать дальше нашъ путь, оказался весьма плохимъ. Только что мы успѣли войти въ него, какъ онъ глубоко сѣлъ и до половины наполнился водою. Пришлось пустить въ дѣло котелокъ и вычерпывать воду. Но и это мало помогало: вода быстро вливалась въ щели. Лучи солнца, отражаясь въ свѣтлыхъ струяхъ рѣки, казалось, дѣлались еще болѣе жгучими. Вдали казавшаяся голубою рѣка была у лодки свѣтло-желтаго цвѣта и настолько прозрачна, что было ясно видно все дно ея, покрытое огромными камнями, по которымъ стелились зеленыя водоросли. Справа темными громадами тянулись лѣсистыя горы.

„Какая будетъ тайбола теперь?“ обращаемся мы къ гребцамъ. Вопросъ о тайболѣ, т.-е. о пути между двумя озерами или рѣками, который приходится совершить пѣшкомъ представляетъ для насъ теперь огромный интересъ. Идетъ ли тропинка горами или по болоту? насколько верстъ тянется она?—вотъ о чемъ всегда заранѣе тщательно разспрашиваешь гребцовъ. А тайболы бываютъ разныя; иногда вдругъ пропадаетъ тропинка въ болотѣ, гдѣ подъ ногами чувствуешь полусгнившіе остатки когда-то существовавшихъ здѣсь мостковъ; иногда приходится перепрыгивать съ камня

на камень; за то въ другой разъ идешь по ровной, сухой лѣсной тропинкѣ, и только подъ ногами шелститъ сухой ягель. Иной разъ на протяженіи почти всей тайболы положены мостки крѣпкіе, широкіе, которыми справедливо гордился Кàндалакшскій становой. И удобно и легко идти по этимъ мосткамъ, а все радуешься, когда проглянетъ, наконецъ, озеро и рѣка, и увидишь выдвинутый на берегъ высокій носъ карбаса.

...Голубое спокойное Пиозеро отступило назадъ, а пѣнясь и ревя, будто ссорясь со своими порогами, катилась къ нему быстрая Нива. Темный лѣсъ надвинулся къ ней и склонился надъ ея кипящими, бурными волнами. На гребняхъ почти что совершенно черныхъ волнъ яркими пятнами выдѣляется вскакивающая на порогахъ бѣлая пѣна. Пороговъ много; огромные камни частью поднимаютъ изъ воды свои сѣдыя головы, частью прикрываются на нѣсколько вершковъ прозрачною пеленой воды.

Всѣмъ вмѣстѣ переправляться нельзя; карбасъ, сидя глубоко въ водѣ, непремѣнно наткнется на эти камни. Мы оставляемъ нашихъ спутниковъ и часть клади на дикомъ каменистомъ берегу, и облегченный карбасъ поворачивается нашими гребцами кормой впередъ и осторожно направляется на перерѣзъ грозной рѣки. Далеко относитъ насъ быстрое теченіе; гребцы—черный, косматый, широкоплечій корелъ и хмурый, угрюмый Финнъ—изо всѣхъ силъ борются съ волнами, искусно огибаютъ пороги. Подъ черными, но въ высшей степени прозрачными волнами видишь на днѣ эти обрывки

скалъ, неподвижные, огромные. Подъ грозный шумъ рѣки кажется, что это какіе-то зловѣщіе чудовища, засѣвшіе и притаившіеся тутъ. Но вотъ окончена переправа. Лежа подъ высокими соснами на сухомъ коврѣ желтыхъ иголъ и мха, по которому мягко играютъ уже поблѣднѣвшіе лучи солнца, мы слѣдимъ не безъ безпокойства за переправой нашихъ спутниковъ. Страшно смотрѣть со стороны на бѣдный ка́рбасъ, которымъ такъ легко играютъ волны и который, несмотря на усилія гребцовъ, онѣ уносятъ съ собой внизъ по теченію. Наконецъ, ка́рбасъ вытаскивается на берегъ гребцами; весла убираются на его дно, и мы снова продолжаемъ нашъ путь, углубляясь въ середину страны.

Дикая, суровая, бѣдная страна, передъ которою скалистая, лѣсная Олонецкая губернія теряетъ производимое ею впечатлѣніе скудности. Вѣчное глубокое молчаніе въ ея лѣсахъ, молчаніе на мертвенныхъ тундрахъ, на холодныхъ топкихъ болотахъ подавляетъ васъ. Только шумъ пороговъ на рѣкахъ порой нарушаетъ его. Но вѣдь и это какой-то мертвенный шумъ, однообразный, въ концѣ-концовъ дѣлающійся скучнымъ, томительнымъ. И ловишь съ наслажденіемъ внезапно раздавшійся крикъ какой-нибудь птицы, шелестъ кустарниковъ, когда она, внезапно встревоженная приближеніемъ человѣка, быстро поднимается съ земли—и любуешься на длинную вереницу дикихъ утокъ, мирно плавающихъ на озерахъ и рѣкахъ.

А между тѣмъ тропинка, выложенная хорошими

мостками, бѣжитъ все дальше и дальше по болоту. Полярныя деревья, мелкій кустарникъ, вороника и росмаринъ, морошка, красныя, еще не вызрѣвшія ягоды которой красиво выглядываютъ изъ общаго буровато-зеленаго фона—вотъ что производитъ эта топкая, мшистая почва. Молчатъ нощики, шагая впередъ съ нашимъ багажемъ на плечахъ. Молчимъ и мы, порядкомъ утомленные дневнымъ переходомъ. Бодрость имъ и намъ придаетъ однако сознаніе, что до станціи (первой отъ Ка́ндалакши) остается всего верстъ пять. Даромъ, что они тутъ считаются 700 саженными, да и то не мѣренными, но въ сравненіи съ пройденнымъ, эти 5 верстъ кажутся ничтожнымъ разстояніемъ.

И вотъ вдругъ, за однимъ поворотомъ тропинки—не обманъ-ли это?—послышались внезапно человѣческіе голоса. Оживленный, быстрый говоръ, веселый задушевный смѣхъ. Рядышкомъ, на мосткахъ сидятъ нѣсколько лопарей. Первые лопари въ Лапландіи. Отдыхая на пути въ Ка́ндалакшу, куда они, очевидно, не очень спѣшатъ, они спокойно расположились на мосткахъ, сбросивъ съ плечъ „ташки“ (веревочный переплетъ, употребляемый для переноски тяжестей) со скуднымъ багажемъ, опустивъ обутыя въ „нюреньки“ ноги въ мягкую мшистую почву. Пестрая, красивая группа. Цвѣтныя, преимущественно красныя платья женщинъ, ихъ красные головные уборы перемежаются съ сѣроватыми костюмами мущинъ. Тутъ-же нѣсколько пестро одѣтыхъ дѣтей и совершенно бѣлый олень, котораго держитъ на веревкѣ молодая еще лопарка. Все мелкорослый народъ. На всѣхъ ли-

цахъ что-то простодушное, дѣтское, наивное; притомъ страшное любопытство въ глазахъ. Стали разспрашивать, откуда мы, куда идемъ. Почти всѣ изъ нихъ говорили по-русски. За то всѣ замѣчанія, касающіяся насъ, сообщали они другъ другу по-лопарски. Быстрыя фразы на незнакомомъ языкѣ, сопровождаемыя оживленной жестикуляціей, веселый хохотъ и эти добродушныя лица, свѣтящіяся любопытствомъ—все это производило какое-то особенное впечатлѣніе, довольно симпатичное и располагающее въ пользу этого народца.

Лопари вообще въ высшей степени любопытны и болтливы; часто, слыша ихъ непрерывную болтовню, приходитъ на мысль, о чемъ могутъ говорить такъ много эти люди. Умственная жизнь у лопарей, конечно, не развита; есть только забота о насущномъ пропитаніи. Томительно, однообразно тянется внѣшняя жизнь, приносящая, смотря по временамъ года, все тѣ-же занятія безъ малѣйшаго нарушенія ихъ обычнаго порядка, безъ всякаго оживляющаго развлеченія. Даже для сплетенъ погоста, казалось бы, мало можно найти темъ.

Ранней весной лопарь оставляетъ свой „погостъ“,*) запираетъ свое зимнее жилище „пыртъ“,**) распускаетъ своихъ оленей и, взявъ съ собой всѣ нужныя хозяйственныя принадлежности и матеріалъ для лѣтняго походнаго жилища „куваса“, передвигается вмѣстѣ со всей семьей къ берегамъ

*) „Погостомъ“ называется лопарское селеніе.

**) „Пыртъ“ или „тупа“ – зимнее жилище лопаря. Лѣтнее называется „кюитъ“ или какъ обыкновенно принято называть его: „вѣжа“.

океана. Тутъ онъ занимается ловлей рыбы, преимущественно семги, въ быстрыхъ порожистыхъ рѣчкахъ, впадающихъ въ океанъ. Осенью перекочевываетъ снова, на этотъ разъ удаляясь отъ береговъ океана въ глубь страны. Обильную жатву даетъ рыбный промыселъ на озерахъ и рѣкахъ Лапландіи. Но вотъ наступаетъ холодная зима. Лопарь возвращается въ погостъ и тутъ встрѣчается снова со своими односельчанами, потому что все лѣто и осень онъ прожилъ одинъ съ своей семьей. Забирается онъ въ теплый „пыртъ“, облекается въ зимнюю одежду, которую онъ смѣнитъ только съ наступленіемъ жаркихъ дней, розыскиваетъ своихъ оленей—и вотъ началась зимняя жизнь лопаря—жизнь, посвященная почти исключительно охотѣ на дичь и на пушныхъ звѣрей.

И тянется эта жизнь изъ года въ годъ—и медлительно, не спѣша, покорно и безропотно проживаетъ ее лопарь до тѣхъ поръ, пока старость или какая-нибудь болѣзнь не прекратитъ этого простаго, безобиднаго существованія. Тогда односельчане зароютъ его въ ямѣ около погоста, надъ которой иногда только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ священникъ совершитъ отпѣваніе.

И невольно думается, что эта безцвѣтная жизнь, не одушевленная даже борьбою съ трудностями, представляемыми ею—потому что лопарь--натура пассивная и бороться не любитъ и не умѣетъ—что эта мертвая молчаливая природа, красивая только холоднымъ блескомъ своихъ синихъ рѣкъ и озеръ, поставленныхъ въ зеленую рамку неподвижныхъ лѣсовъ, да высокими молчаливыми горами

съ голыми вершинами, должны были располагать къ молчанію. И, однако, на дѣлѣ оказывается совсѣмъ противуположное. Лопарь, преимущественно со своими соплеменниками, постоянно находитъ тему для оживленнаго бойкаго разговора и порой такъ беззаботно весело раздается его смѣхъ, что можно легко подумать, что жизнь его весела, радостна и покойна. Беззаботное, дѣтское племя—довѣрчивое и добродушное, не смотря на всѣ притѣсненія и обманы, которымъ имъ приходится подвергаться со стороны чиновниковъ и поморовъ-купцовъ. Даже хитрость—не природное его качество, но развившееся подъ вліяніемъ опять-таки русскихъ сосѣдей, у лопаря выходитъ такъ простодушно-неумѣла, такъ по дѣтски - наивна, что невольно вызываетъ улыбку.

* * *

Представьте себѣ огромное, на 100 верстъ растянувшееся въ длину озеро, теперь довольно спокойное, хотя сѣдое и слегка волнующееся. Вдали, ограничивая его воды синѣютъ горы берега, какъ прозрачнымъ сѣрымъ пологомъ, закутанныя легкимъ туманомъ. Что-то величественное въ этой громадѣ. Чувствуешь, что заснуло или притворилось спящимъ это сѣдое чудовище—и вотъ-вотъ проснется, гнѣвно поднимется, разбушуется, а можетъ быть только пошутить захочется ему, показать свою силу—а между тѣмъ гибель и разрушеніе принесетъ съ собой эта шутка. И сознавая свое безсиліе передъ грозной и необузданной си-

лой стихіи, какъ-то страшно становится за бѣдное, маленькое лопарское жилище, пріютившееся на берегу этой холодной, страшной громады.

Бѣдный лопарскій „пыртъ“ или тупа и рядомъ крохотная вѣжа и есть станція Зашѣечная на берегу озера Имандры. Станціи въ Кольскомъ полуостровѣ отдаются правительствомъ съ торговъ. Станція поступаетъ во владѣніе того изъ участниковъ торга, кто за содержаніе ея беретъ меньшую сумму съ казны. На правительственные торги, однако, по словамъ самихъ лопарей, не приходятъ туземцы, и такимъ образомъ содержаніе станцій является еще однимъ удобнымъ способомъ эксплоатаціи ихъ для русскихъ поморовъ. Получивъ отъ казны право на содержаніе станціи, поморъ устраиваетъ свой собственный торгъ, приглашая на него лопарей ближайшихъ къ станціи погостовъ, и въ свою очередь отдаетъ право на содержаніе ея тому, кто возьметъ съ него наименьшую плату, на много уступающую, конечно, полученную имъ самимъ отъ казны. Лопарь, содержатель почтовой станціи, оставляетъ свой погостъ и вмѣстѣ со своей семьей переселяется на мѣсто, гдѣ считается станція и гдѣ для него построено два жилища: зимнее—„пыртъ“ или тупа и лѣтнее—вѣжа. Безъ сомнѣнія содержаніе станцій представляетъ извѣстную выгоду для лопаря—иначе, не сталъ бы онъ бросать свой погостъ, свои обычныя перекочевыванія въ лѣтнія и осеннія мѣста для промысловъ. Но и тутъ лопарь не всегда бываетъ гарантированъ отъ грубаго и безсовѣстнаго обмана. Случается, что проѣзжіе чиновники, не очень

церемонясь съ несмѣлымъ, забитымъ народомъ, считаютъ себя въ правѣ не платить имъ. Такъ горько жалуются лопари участливому проѣзжему на произволъ чиновниковъ, противустоять которому боится робкій народъ. Да есть-ли возможность принять какія-либо мѣры противъ этого произвола въ этомъ глухомъ мѣстѣ, вытянувшемся за полярный кругъ да еще людямъ безграмотнымъ, полудикимъ, для которыхъ высшей правительственной инстанціей, по крайней мѣрѣ единственной доступной имъ, служитъ кольскій исправникъ.

Грязно и ужъ очень невзрачно въ лопарской тупѣ. Четыреугольный бревенчатый срубъ съ плоской, немного покатой крышей, почернѣвшій и закоптѣлый, съ грязнымъ поломъ, грязными лавками и нарой, освѣщается двумя-тремя крохотными окошечками, никогда не открывающимися но пропускающими вѣтеръ и непогоду черезъ разбитыя стекла и широкія щели въ рамахъ. Комары и мошки, бичь сѣвера, цѣлыми стаями жужжатъ въ тупѣ, ударяясь о грязныя, тусклыя окошечки и не даютъ сидящимъ въ ней ни минуты покоя *).

Но какъ бы не приглядна ни была лопарская тупа, и она оживляется и принимаетъ празднич-

---

*) Обыкновенно лопарская тупа въ погостѣ бываетъ больше станціонной. Она раздѣляется на 3 части. Сначала идутъ темныя сѣни, откуда уже выходитъ дверь наружу, потомъ отдѣльное помѣщеніе для овецъ, которыя не выносятъ мороза, какъ олени; жилая комната тупы составляетъ третью часть ея. Около ея камелька на полу и на лавкахъ проводятъ всю зиму закутанные въ теплую мѣховую одежду лопари.

ный и уютный видъ, когда въ углу ея разведутъ огонь въ широкомъ, изъ камня сложенномъ и выбѣленномъ камелькѣ—густой бѣловатый дымъ повалитъ въ открытую широкую трубу его, а красный отблескъ огня, гоняясь за тѣнью, перебѣгаетъ по чернымъ бревенчатымъ стѣнамъ тупы. Хозяйка-лопарка, подоткнувъ для бо́льшаго удобства въ движеніяхъ свой ситцевый сарафанъ (по лопарски „кохтъ“), поправивъ на головѣ красный кумачный „шемширъ“ или „сороку“, принялась за хлопоты: спустила висящій на цѣпи надъ камельком̀ъ желѣзный котелокъ и стала варить уху изъ только что пойманныхъ сиговъ. Поставила также и самоваръ. Правительство требуетъ отъ содержателей станцій, чтобы въ станціонной тупѣ былъ самоваръ. Сами лопари мало-по-малу пріучаются къ чаю, но пьютъ его рѣдко и очень крѣпкимъ. Лопари пьютъ кромѣ обыкновеннаго чая также и траву, называемую „сарсапарелью“; но это доступно только богатымъ лопарямъ, такъ какъ фунтъ сарсапарели стоитъ въ Колѣ 4 рубля*).

Со своимъ дѣломъ наша хозяйка справлялась живо и искусно, мало говоря съ нами, порой отталкивая небольшаго мальчика, смотрѣвшаго на насъ изъ двери тупы и мѣшавшаго ей, когда она быстро выходила то за тѣмъ, то за другимъ. Лопарки вообще живѣе лопарей и на лицахъ жен-

*) Какъ напитокъ лопари употребляютъ и березовый сокъ. Квасъ дѣлаютъ рѣдко. Пьютъ и оленье молоко, но кровь оленя употребляется только въ смыслѣ лекарства. Изъ горячительныхъ напитковъ очень падки на водку и норвежскій ромъ. Лопари начинаютъ пить вино съ 16-ти лѣтъ.

щинъ, пожалуй, больше прочтешь ума и живой мысли, чѣмъ у мужчинъ. Лопарки, вообще, очень чутки и нервны. Нѣкоторыя доходятъ до галлюцинацій слуха и зрѣнія; почти всѣ очень пугливы и, разъ испугавшись неожиданнымъ появленіемъ гоко-нибудь, или неожиданнымъ звукомъ, онѣ легко впадаютъ въ состояніе изступленности, въ которомъ не помнятъ себя.

До чего доходитъ нервность лопарокъ, свидѣтельствуютъ нѣсколько разсказовъ, слышанныхъ нами отъ лопарей, которые извѣстны въ ихъ погостахъ подъ именемъ „бывальщинъ“, то-есть истинныхъ происшествій. Такъ одна лопарка видѣла двухъ будто бы прилетѣвшихъ къ ней барышень, „въ черныхъ платьяхъ и шляпахъ, въ лентахъ и гамашахъ—одна въ карманѣ ключами бряцаетъ, а у другой руки въ кольцахъ полнехоньки“. Галлюцинація дошла до того, что лопарка ясно слышала разговоръ этихъ двухъ женщинъ и даже сама разговаривала съ ними.

Пока, шумя и свистя, кипѣлъ самоваръ и клокотала въ котелкѣ вскипавшая уха, я пошла посмотрѣть на лопарскую вѣжу. Четырехгранная и наверху срѣзанная пирамида, обложенная съ наружной стороны дерномъ, до того маленькая, что на первый взглядъ кажется невозможнымъ войти въ нее черезъ крохотною досчатую дверь, обращенную къ югу—вотъ лопарская вѣжа—лѣтнее жилище лопаря. Я открыла эту дверь и заглянула внутрь. Вокругъ тлѣющаго очага (огонь въ вѣжѣ разводится на нѣсколькихъ камняхъ, положенныхъ прямо на землю) сидѣло пять-шесть ребятъ. Они

молча и серьезно, кто ложкой, кто пригоршней уписывали ягоды вороники изъ большой деревянной чашки, стоявшей на землѣ. Все финнскія, блѣдныя, безцвѣтныя лица—и между тѣмъ необыкновенно милыя и наивныя. На минуту ихъ смутило мое появленіе; кто не донесъ до рта полную ложку, кто уронилъ изъ рукъ черныя, жесткія ягоды, заглядѣвшись на незнакомое лицо. Но тотчасъ же они спокойно и довольно важно отвернулись и снова принялись за ѣду.

***

„Ка́рбасъ вотъ все налаживала“, сказала мнѣ хозяйка лопарка, довольно хорошо говорившая по-русски. Она стояла на берегу озера. У берега легко покачивалось нѣсколько ка́рбасовъ; на высокихъ шестахъ просушивались сѣти. Объ огромные камни, составлявшіе берегъ и частью вдвинувшіеся въ воду, на которыхъ мы стояли съ ней, тихо плескалось озеро ровнымъ, мягкимъ прибоемъ, порою заливая намъ ноги. Въ большомъ ка́рбасѣ, приготовленномъ для насъ, за носъ котораго задумчиво держалась рукой лопарка, лежалъ небольшой мальчикъ. Въ костюмѣ лопарки мнѣ бросились прежде всего въ глаза двѣ-три побрякушки, привѣшенныя къ поясу. Оказалось, что это былъ ножъ и игольникъ, сдѣланные довольно искусно изъ лебяжьей кости—обѣ вещи помѣченныя родовымъ клеймомъ. Хозяйка объяснила мнѣ, что каждая лопарка носитъ на поясѣ ножъ и принадлежности шитья, такъ

какъ умѣнье хорошо шить ставится въ особенное достоинство лопарской женщинѣ.

„У насъ и сватаютъ больше ту дѣвку, которая шить хорошо умѣетъ. Которая „яры“ съумѣетъ сшить—ту и сватаютъ“ *).

Дѣйствительно, чтобы смастерить „яры“ требуется много искусства и много вкуса. „Яры“—зимніе лопарскіе сапоги, высокіе, доходящіе до колѣнъ, съ мягкой подошвой и съ загнутыми кверху носками, шьются изъ узкихъ полосокъ бѣлой и темной оленьй шкуры. Между этими полосками вводятъ узкія полоски разноцвѣтнаго сукна, такіеже треугольники, зубчики и т. п. Такимъ образомъ лопарка должна не только сшить яры такъ, чтобы швы были крѣпки и не пропускали снѣгъ или воду, но и заботиться о красивомъ, оригинальномъ рисункѣ, думать о расположеніи, о чередованіи сукна и мѣха. Кое что еще о сватовствѣ, о свадьбѣ сказала мнѣ лопарка. Впрочемъ она почти ко всему прибавляла съ нѣкоторымъ хвастовствомъ: „у насъ вѣдь все, какъ въ городѣ“, подразумѣвая подъ этимъ Кандалакшу.

Я спросила, ея ли мальчикъ лежитъ въ ка́рбасѣ.

„Мой, отвѣтила она съ легкой улыбкой, Васей зовутъ—да вотъ все плакалъ тутъ, что я съ вами ѣду. Теперь вотъ не знаю, какъ быть.“

---

*) Подобно тому, какъ невѣстѣ лопаркѣ ставится необходимымъ требованіемъ умѣнье хорошо щить—молодому лопарю говоритъ г. Дергачевъ, не позволяютъ жениться, если онъ не умѣетъ свѣжевать оленей и убить дикаго оленя. Дергачевъ:, „Русская Лапландія“ ч. III. стр. 46. Арх. 1877 г.

Мальчикъ при этихъ словахъ быстро, точно кошка, вскочилъ со дна и повисъ на шеѣ матери.

„Взять надо будетъ, рѣшила мать. А у меня тамъ еще есть маленькая, грудная“, добавила она. Маленькихъ дѣтей своихъ лопарки носятъ съ собою. Колыбели ихъ—выдолбленные куски дерева съ тонкими стѣнками—очень легки и не обременяютъ матерей, когда имъ приходится носить ихъ на шеѣ. Ребенка опускаютъ на дно этой колыбели, выложенной мхомъ, покрываютъ тряпками или оленьей шкурой. При перекочевкахъ мать носитъ его на плечахъ или привѣшиваетъ колыбель къ рогу оленя. Отправляясь на работу мать опять-таки уноситъ ребенка съ собою и во время работы вѣшаетъ колыбель на дерево и т. п.

Такъ и теперь, когда черезъ часъ мы садились въ лодку—лопарка, сопровождавшая насъ въ качествѣ гребца, вынесла на рукахъ колыбель съ малюткой дочерью и бережно уложила ее на дно ка́рбаса. На носу уже давно притаился Вася и еще какая-то дѣвочка.

Большой ка́рбасъ тихо отчалилъ отъ каменистаго берега. Не смотря на то, что до слѣдующей станціи Іокъ-острова надо было сдѣлать 30 верстъ по Имандрѣ, намъ дали только двухъ женщинъ-гребцовъ. Обѣ лопарки взялись за весла, и при помощи попутнаго вѣтра, ка́рбасъ быстро и легко пошелъ перерѣзывать высокимъ острымъ носомъ сѣдыя волны.

Бѣлая ночь уже давно царила на небѣ. Мы устроили себѣ изголовье изъ нашего багажа и улеглись на кормѣ. Не совсѣмъ удобный, но пріятный

ночлегъ. Легко покачивается ка́рбасъ; волны съ тихимъ, пріятнымъ, хотя однозвучнымъ плескомъ ласкаются къ нему. Блѣдное, ровное, тихо-мерцающее небо опрокинуто надъ головой. Ночной, довольно холодный воздухъ свѣжитъ своимъ дыханіемъ и вливаетъ въ легкія какую-то особенную силу. Закрывшись легкимъ туманомъ, точно заснули дальніе берега. И среди этой ночной тиши, при которой и безъ того молчаливая природа Лапландіи кажется еще тише, спокойнѣе, еще болѣе проникнутое миромъ, отдыхается какъ-то особенно хорошо. Гребцы лопарки не спятъ. Дружно гребутъ онѣ, вытянувъ впередъ обутыя въ бахилы ноги. Ни на минуту не прекращается между ними быстрая лопарская болтовня. Дѣти въ началѣ тоже разговаривали, но ихъ уже давно сморило утомленіе дня, проведеннаго, должно быть, въ бѣготнѣ. Уже давно не видать на носу ихъ головокъ. Прикрывшись мягкой, бѣлой оленьей шкурой, они спятъ на днѣ возлѣ закрытой со всѣхъ сторонъ колыбельки.

Рано утромъ насъ будитъ своимъ пронизывающимъ холодомъ сырая мгла, лежащая на озерѣ и на гористыхъ берегахъ. Кругомъ все тихо. Одна лопарка спитъ, другая вяло двигаетъ веслами. Подъ оленьей шкурой на носу, гдѣ спятъ дѣти, видно движеніе. Дѣти по всѣмъ вѣроятіямъ уже проснулись, но имъ не хочется выйти изъ-подъ теплаго убѣжища на холодный воздухъ. Мы проѣзжаемъ лопарскій погостъ. Стоятъ красиво разбросанные на дикомъ берегу почернѣвшіе пырты. Точно вымерло тутъ все. Ни души на берегу; не

вьется синеватой струйкой привѣтливый дымокъ, не залаетъ собака, любимица лопаря. До зимы останется пустыннымъ погостъ. Оживится онъ около декабря, когда жители его вернутся съ промысловъ, чтобы снова покинуть его около весенняго Егорія. Ни одного сторожа не остается при погостѣ. Даже не заперты тупы. Лопарь не боится воровъ: ихъ нѣтъ среди этого племени.

Вскорѣ начинаетъ накрапывать дождь, который усиливается съ каждой минутой. Мы благословляемъ судьбу, что вблизи виденъ берегъ. Сквозь густую сѣтку дождя мы вскорѣ начинаемъ различать лопарскую тупу и стоящую невдалекѣ отъ нея вѣжу.

„Іокъ-островъ“, говоритъ, лѣниво приподнимаясь со дна и берясь за весло, отдыхавшая лопарка.

Какая радость, намерзнувшись на холодномъ сыромъ воздухѣ, взойти въ теплую тупу и обогрѣться у ярко-пылающаго камелька.

Пока мы грѣемся и пьемъ чай въ тупѣ, въ „кюитѣ“ или вѣжѣ, стоящей невдалекѣ, отдыхаютъ и гребцы-лопарки. Сидя вокругъ теплаго очага на полу вѣжи, покрытомъ свѣжими березовыми прутьями, онѣ вмѣстѣ съ хозяевами ѣдятъ горячія, только-что испеченныя лепешки и ведутъ между собой безконечно длинныя разговоры. Тутъ-же въ одномъ углу вѣжи, крѣпко прижавъ къ себѣ большую кошку, спитъ плохо одѣтый лопарскій мальчикъ.

„Любитъ кошку; говоритъ: его кошка,“ объясняетъ, показывая на него, одна лопарка.

Въ вѣжѣ душно отъ дыма, только медленно подвигающагося по направленію къ отверстію, остав-

ленному для него наверху—и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно холодно, несмотря на то, что дверь плотно закрыта. Сносно только внизу, на полу, около огня, на которомъ теперь варится уха изъ сиговъ, общеупотребительное кушанье лопарей во время лѣта. Зимой ее замѣняетъ оленье мясо, котораго въ свою очередь лѣтомъ ни за что не найдешь у лопарей. Уху они ѣдятъ съ ржаными лепешками, которыхъ нельзя назвать хлѣбомъ, потому что печь хлѣбъ нельзя на лопарскомъ очагѣ. Ржаной хлѣбъ они поэтому покупаютъ у русскихъ. Въ случаѣ голодовки замѣняютъ его такъ-называемой, „сосновой кашей“—„піэцьхуть“—т.-е. смѣсью муки съ сосновой корой.

Хотя дождь еще не переставалъ и, какъ казалось, зарядилъ на долго, мы немного времени оставались на Іокъ-островской станціи. Мѣшкать на Имандрѣ нельзя. Слишкомъ ужъ измѣнчиво озеро. Неравно перемѣнится вѣтеръ или налетитъ внезапно буря и глубоко взбороздитъ за минуту передъ тѣмъ спокойныя волны. Сами лопари совѣтовали намъ не упускать попутнаго вѣтра. При сильномъ противномъ вѣтрѣ лопари не рискуютъ пускаться въ путь; они знаютъ, что это опасно и что въ концѣ концовъ все-таки придется спасаться отъ бури. Часто лопари, внезапно застигнутые бурей на озерѣ, принуждены бываютъ причалить къ берегу и ждать, пока утихнетъ погода. Иногда вблизи нѣтъ ни погоста, ни отдѣльной вѣжи, и долго не предвидится возможности довѣриться разбушевавшимся волнамъ. И приходится терпѣливо ждать на берегу, подъ холоднымъ дождемъ...

По скользкому крутому берегу спускаемся мы къ приготовленному для насъ ка́рбасу. Воздухъ пропитанъ сырымъ, сѣрымъ туманомъ; мороситъ мелкій, но частый дождикъ. Холодно—точно глубокая осень. Невольно какъ-то забываешь, что теперь середина іюля. Лопари надѣли поверхъ своихъ холстинныхъ рубашекъ („пайдъ“) такъ-называемыя „бузурунки“-изъ толстой шерсти плотно связанныя рубашки, доходящія до пояса и напоминающія собою фуфайки. Связанные изъ такой-же толстой шерсти, остроконечные колпаки у нихъ на головахъ. Что касается до насъ, то мы надѣваемъ на себя все, что у насъ есть. Не очень заманчивой кажется намъ необходимость сдѣлать 50 верстъ по озеру въ такую погоду.

....Все однѣ и тѣ-же сѣдыя, сердитыя волны. Надъ головой то-же сѣрое, пасмурное небо. Дождикъ не перестаетъ; на днѣ лодки уже давно образовались отъ него большія лужи. Вѣтеръ однообразно шумитъ въ парусѣ. И такъ идутъ часы, томительно долго. Какое-то оцѣпененіе падаетъ на душу... Хоть-бы скорѣе станція!..

Но вотъ дождь мало-по малу утихаетъ; начинаютъ блестѣть отдѣльныя капельки его порѣдѣвшей сѣтки. Блѣдно-желтымъ пятномъ свѣтитъ солнце сквозь тучи, всѣми силами стараясь пробиться сквозь нихъ. Вотъ и пробилось—и какъ оживилось все разомъ. Побѣжали прочь сѣрыя тучи; голубое небо засмѣялось сверху и волны сначало переливчитаго свѣта-не то сѣрыя, не то голубыя—скоро заблистали ослѣпительной синевой.

Лопарь, сидѣвшій у руля и управлявшій парусомъ,

медленно снялъ свой остроконечный колпакъ. У него было прекрасное умное лицо, на которомъ выраженіе туповатой безпомощности, свойственное лопарямъ, замѣнялось сознательной добротой и спокойствіемъ. И до того поразило насъ это выраженіе, которое рѣдко встрѣтишь у туземцевъ, что мы спросили его, лопарь онъ или нѣтъ.

„Лопинъ—съ Іокъ-острова, Афанасіемъ звать“, коротко отвѣтилъ онъ. Оказалось, что Афанасій нѣсколько лѣтъ служилъ матросомъ въ нашемъ флотѣ и сравнительно недавно вернулся въ родныя края. Онъ отлично умѣлъ управлять кàрбасомъ, видалъ различнаго устройства лодки, зналъ массу морскихъ терминовъ. Онъ спокойно показалъ намъ на свой парусъ.

„Такимъ нешто парусъ долженъ быть“?—и онъ началъ въ качествѣ знатока объяснять недостатки его устройства. „Вотъ кабы по настоящему состроили.“

Одинъ изъ нашихъ спутниковъ спросилъ его, почему онъ не покажетъ своимъ соплеменникамъ настоящее устройство кàрбасовъ.

„Не переймутъ“, возразилъ Афанасій „привыкли по-старому—стараго и дёржатся.“

Какъ мы узнали впослѣдствіи, Афанасій вообще, пользовался большимъ уваженіемъ среди окрестныхъ лопарей. Зависѣло ли это отъ того, что онъ больше зналъ, чѣмъ они, что онъ вынесъ изъ своей флотской жизни извѣстный закалъ, котораго они не имѣли — или же отъ личнаго характера, величавое спокойствіе котораго вмѣстѣ съ добротой должно было дѣйствовать на нихъ? Какъ бы

то ни было, его совѣтовъ слушались и къ нему прибѣгали за разрѣшеніемъ споровъ и несогласій.

Карбасъ, гонимый попутнымъ вѣтромъ, быстро и легко мчалъ насъ по синимъ волнамъ. Справа и слѣва на голубомъ, совершенно прояснившемся небѣ, мягкими контурами выступали горы. Сквозь легкую голубую дымку, лежавшую на нихъ, бѣлыми пятнами свѣтился въ нѣкоторыхъ мѣстахъ снѣгъ.

„Высоки эти горы, должно быть?“ спросили мы.

„Высоки. Снѣгъ не таетъ порой. Тамъ-то и есть наши кегоры—олени наши гуляютъ. Ягелю много.“

Дѣйствительно, рѣзко отдѣляясь отъ бѣлаго снѣга своимъ зеленоватымъ цвѣтомъ, по вершинамъ этихъ горъ разстилались причудливыми пятнами, то поднимаясь, то спускаясь, сплошь поросшія ягелемъ мѣста. Это и есть „кегоры“ — пастбища оленей, дикая прелесть которыхъ говоритъ поэтическому чувству лопаря — безлюдныя, одинокія кегоры, такъ часто встрѣчающіяся въ его пѣсняхъ, гдѣ лѣтомъ отдыхаютъ и находятъ себѣ пищу молодые сильные „ирвасы“ и бѣлыя „важенки“ *).

„А какъ называются эти горы?“

„Тѣ вонъ—Хибинскія; эти—Чуна-горы, т.-е., не тутъ вблизи—это-то острова“ — Афанасій указалъ на тянущуюся по серединѣ озера цѣлую цѣпь возвышенныхъ острововъ, которые легко можно было принять за берегъ,—„а вонъ тамъ далеко.“

Величественный, но мягкій силуетъ этихъ горъ на вѣки, кажется, останется въ памяти.

---

*) „Ирвасы“—самцы олени; „важенки—самки.

Не помню, по поводу чего Афанасій заговорилъ о Чуди. Преданія о борьбѣ лопарей съ этимъ враждебнымъ для нихъ народомъ до сихъ поръ сохранились въ Лапландіи.

„ Да что — самый пустой народъ былъ, неразумный.“

„Говорятъ у насъ - разъ домъ себѣ поставить хотѣла Чудь. Домъ весь поставила, какъ слѣдуетъ. Только окна позабыла сдѣлать. Вошла чудь, притворила дверь — ничего не видитъ. А догадаться не могла, въ чемъ дѣло.“ Лопари, сидѣвшіе за веслами расхохотались. Ничего новаго не представляли и другія преданія о чуди, разсказанныя намъ Афанасіемъ. Общія всѣмъ народамъ ходятъ такого рода легенды, клонящіяся къ униженію врага во всѣхъ отношеніяхъ. Осмѣиваютъ его умственныя способности; разсказываютъ съ гордостью случаи, когда удалось его перехитрить, обмануть. Всѣ народы, прославляя себя въ своихъ легендахъ, унижаютъ враговъ. Такой характеръ носятъ эти преданія и въ устахъ лопаря. Этотъ загнанный, забитый народъ, оттѣсненный съ береговъ Онежскаго озера до Кольскаго полуострова *), тѣснимый и до сихъ поръ отовсюду и всѣми, какъ бы желаетъ отомстить этимъ ничтожнымъ средствомъ превосходившему его силою врагу. И какой безпомощной, какой дѣтской выглядитъ эта месть.

---

*) Лопари, по мнѣнію нѣкоторыхъ, жили раньше на берегахъ Онежскаго озера. Такъ напр. пр. Лазарь Муромскій, спасавшійся на восточномъ берегу этого озера, упоминаетъ въ своемъ житіи на ряду съ другими народностями и дикую, но миролюбивую Лопь.

Откуда явились эти легенды въ народѣ? Можетъ быть онѣ служатъ отдаленнымъ воспоминаніемъ о борьбѣ съ шведами, норвежцами, финнами или корелами. Быть можетъ въ нихъ говорится и о заволоцкой чуди; или же эти преданія занесены изъ Россіи, гдѣ о чуди, давно вымершей, ходитъ такъ много легендъ. Но фактъ тотъ, что лопари и до сихъ поръ боятся чуди. Буря-ли, метель застигнетъ въ пути лопаря—то чудь разыгралась, по его представленію, страшная чудь, которая теперь ушла въ землю. Проѣзжаетъ-ли или проходитъ лопарь мимо острова, гдѣ по старинному преданію схоронена чудь, онъ старается молча и тихо миновать опасное мѣсто—иначе проснется чудь, разыграется и быть бѣдѣ. И лопарь, такъ-же какъ и поморъ—промышленникъ, который тоже боится чуди, знаетъ много заговоровъ, способныхъ защитить его отъ нея.

* * *

Еще далекій путь впереди Невольно стараешься поудобнѣе протянуть ноги на днѣ лодки, чтобы потомъ не чувствовать утомленія на слѣдующей тайболѣ и какъ то особенно наслаждаешься ѣздой въ карбасѣ, съ которымъ скоро придется разстаться.

„Хоть бы спѣли вы пѣсню какую“, говоримъ мы гребцамъ, которые неумолкаемо быстро разговариваютъ между собою. Гребцы, два молодыхъ лопаря, сразу обрываютъ свой разговоръ, подталкиваютъ другъ друга, смѣются и молчатъ.

„Спѣли бы“, проговорила угрюмая старуха лопарка, сидящая въ веслахъ на носу,—чего тутъ?“

Лопари перестали смѣяться, переглянулись и наконецъ спросили:

„Какую-же пѣть? русскую?“

„Нѣтъ, свою.“

Гребцы сдѣлались совсѣмъ серьезными.

„Свои у насъ не баскія. Мы русскія пѣсни знаемъ.“

Мы слышали уже ранѣе, что лопари начинаютъ гнушаться собственными пѣснями, которыя они охотно мѣняютъ на русскія, точно такъ же какъ олончанинъ забываетъ свои прекрасныя „досюлныя“ пѣсни для исковерканнаго романса, занесеннаго изъ Петербурга или съ казенныхъ заводовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что лопари жадно перенимаютъ русскую культуру. Но встрѣчаясь на сѣверномъ побережьѣ только съ самыми жалкими представителями ея—съ кулаками поморами, лопари едва-ли не теряютъ отъ этого перениманья. Завелись у нихъ кое-гдѣ, вмѣсто дымныхъ и грязныхъ тупъ и вѣжъ—русскія избы съ русскими печами; въ тоже самое время лопарь съ особенной гордостью мѣняетъ свой остроконечный колпакъ на русскій картузъ и теплую бузурунку на городской „пинджакъ“, бросаетъ старинныя игры и замѣняетъ ихъ „кандрелью“ и „ланцьетомъ“; на мѣсто старыхъ пѣсенъ, затягиваетъ русскія-заводскія или солдатскія.

„Нѣтъ, спойте намъ свою пѣсню, лопскую“, настояли мы.

Гребцы переговорили между собою — должно быть о выборѣ пѣсни и наконецъ запѣли.

Унылая печальная пѣснь. При этомъ утомительное однообразіе мотива. Каждая строчка начинается возвышеніемъ голоса, который мало-по-малу спускается къ концу ея. Ничто не выражаетъ такъ ясно характера народа, какъ его пѣснь; на ней лежитъ такъ-же какъ и на самомъ народѣ, отпечатокъ природы, среди которой она создалась. Вотъ почему, когда мнѣ вспоминаются звуки лопарской пѣсни, передъ моими глазами воскресаютъ сѣрыя, безцвѣтныя лица, кроткія и миролюбивыя, съ забитымъ выраженіемъ—возстаютъ картины Лапландіи: зеленовато-сѣрыя тундры, лѣсистыя горы, окружающія подчасъ безбрежное зеркало озеръ—и надъ всѣмъ этимъ то яркое, синее, то молочно-бѣлое, но всегда одинаково холодное небо. Здѣсь и солнце-то другое, чѣмъ въ другихъ странахъ; не царитъ оно мощно въ синемъ эфирѣ, какъ будто дышащаго, неба; не играетъ оно знойнымъ золотомъ въ густой, роскошной растительности, какъ на югѣ. Мы за полярнымъ кругомъ.

Нѣтъ, солнце не грѣетъ лопаря, не расшевеливаетъ его; оно только свѣтитъ въ его странѣ—холодно и безучастно бросаетъ лучи свои на свѣтлыя струи водъ, на темныя, какъ будто вѣчно дремлющія ели, на каменистыя вершины горъ,—точно не могутъ полюбиться ему послѣ роскоши юга мертвыя, хотя величественныя красоты Лапландіи. И бѣжитъ оно скорѣе изъ этой страны—туда, къ любимому югу. А Лапландія остается надолго погруженной въ ночной, холодный покой.

Лишило солнце своего тепла страну лопаря, лишило и его пѣсню. Уныло, мертвенно поется она; не такъ-ли уныло проходитъ вся жизнь лопаря?

Вотъ что пѣли наши гребцы. Привожу дословно переводъ нашего гребца.

„Мужикъ жилъ холостой; взялъ ирваса (олень) и пошелъ въ лѣсъ, и на ирваса ташку навязалъ. Пришелъ на высокія горы, поймалъ тамъ дикаго оленя; потомъ сдѣлалъ кувасъ (походный шалашъ лопаря), сварилъ мяса и клалъ много дровъ. А дрова были смоляные, такъ что слёзы гонятъ изъ глазъ. Онъ плакалъ по немъ (лопари часто про женщину говорятъ въ мужескомъ родѣ), что у него была любимая дѣвушка. Вечеромъ сказалъ: „кабы она здѣсь была, я бы былъ спокоенъ“. Потомъ вышелъ на высокую гору (посмотрѣть), куда ему идти. Онъ увидалъ тамъ Колозеро и пробѣжалъ верстъ 50 одинъ день — къ милой попадаетъ. Пришелъ на станцію, взялъ ка́рбасъ и уѣхалъ на озеро. Западъ-вѣтеръ сильно дуетъ; онъ погребъ и сломалъ весло. Пришелъ къ ней и сказалъ: „здраствуй, Настасья Никифоровна“. „А, здраствуй, мой любезный Илья Максимовичъ?“ Потомъ пошли они смотрѣтъ на оленей. Ходили сутки, нашли тамъ другаго мужика. Другой мужикъ отнялъ ее, а онъ разсердился и пошелъ домой. Пришелъ домой, взялъ и сталъ жить у отца и матери до зимы. Потомъ взялъ 6 оленей и поѣхалъ свататься. Она не хочетъ: „коли ты меня бросилъ, не хожу за тебя.“ Аѳанасія мужика онъ увелъ и говоритъ: „ты у меня отнялъ милую и увезъ. Кабы была зимняя бу-

ря—ты бы замерзъ—туда не доѣхать и назадъ не пріѣхать бы тебѣ.“

„Это про того тутъ поется, съ которымъ вы пріѣхали съ Іокъ-острова къ намъ на Разноволоцкую“, объяснилъ намъ гребецъ, окончивъ переводъ своей пѣсни.

„Какъ про того Афанасія?“

„Вѣдь все это такъ и было. Жилъ у насъ мужикъ-лопинъ Илья Максимовичъ, и Настасья та была.

Надо отмѣтить эту странную особенность лопарской пѣсни. Лопарь поетъ про все, что случается въ погостѣ: женится-ли, умираетъ-ли кто въ погостѣ, пріѣзжаетъ-ли женихъ къ дѣвушкѣ лопаркѣ—всѣ эти происшествія становятся предметомъ пѣсни, которая иногда при этомъ переходитъ изъ погоста въ погостъ, дѣлая такимъ образомъ извѣстнымъ всей странѣ случай изъ жизни отдѣльнаго лица. Это-то и придаетъ лопарской пѣснѣ своеобразный оттѣнокъ: простаго, безъискусственнего разсказа, напоминающаго эпосъ. Лирическихъ пѣсенъ намъ не удалось слышать.

„Яковъ Кирилловичъ—такъ, напр., поетъ въ видѣ простаго разсказа лопарь — поѣхалъ въ Сонгельскій погостъ жениться и сталъ звать Варвару Лукерьевну –говорилъ: „и ты, Варвара Лукерьевна, поѣдемъ нитки прясть*) на Татьяну Алексѣевну.“ Они и поѣхали; народъ и говоритъ: „какъ бы

---

*) Сваха, пріѣзжая въ тупу или вѣжу невѣсты, прежде всего начинаетъ прясть нитки—чѣмъ даетъ понять, за какимъ дѣломъ она пріѣхала.

васъ не облили опарой".*) Они пріѣхали въ Сонгельскій погостъ. Варвара Лукерьевна заходила по погосту къ Татьянѣ Алексѣевнѣ. Татьяна Алексѣевна говоритъ: „Дай, отецъ, мнѣ въ приданое никольскаго быка. **) Отецъ отвѣтилъ: „полно, тебѣ, дѣвушка, молоть. На какомъ-же я поѣду къ Соломоньѣ Андреевнѣ (отецъ былъ вдовецъ, объяснилъ переводчикъ, и хотѣлъ жениться на Соломоньѣ). Отдадимъ никольскаго быка — не будетъ другихъ быковъ, которые на столько прямы, чтобы ходить по такой бурной тундрѣ, какъ погоднивая тундра. Чтобы перейти погоднивую тундру, нужно ухо переломить, (т. е. трудно перейти эту тундру)". Татьяна Алексѣевна замолчала."

Но если лопарская пѣсня не отличается разнообразіемъ содержанія, почти исключительно передавая безцвѣтные факты изъ безцвѣтной жизни лопаря — то съ другой стороны она имѣетъ одно цѣнное качество: въ ней проходитъ въ простыхъ, по рельефныхъ картинахъ вся лопарская жизнь со всѣми оттѣнками, съ мелкими, характерными штрихами, придающими ей своеобразный характеръ — такъ-же ясно, какъ въ свѣтлыхъ волнахъ лопарскихъ рѣкъ и озеръ отражаются контуры ихъ возвышенныхъ береговъ. Пѣснь не пощадитъ слу-

---

*) Когда пріѣхавшимъ свату или свахѣ хотятъ отказать, то на верхъ двери становятъ чашку съ водой или опарой так. обр., что, сватъ, входя въ тупу, непремѣнно долженъ вылить жидкость на себя. Получивъ такое предостереженіе, сватъ или сваха уже ничего не говорятъ о разстроившемся дѣлѣ.

**) Быкомъ называютъ иногда оленя—самца, подобно тому какъ въ Финмаркенѣ зовутъ оленей—охеп.

шателя, не избавитъ его отъ описанія мельчайшихъ подробностей происшествія—будь то сватовство, убійство, драка, бѣгство дѣвушки изъ родительскаго дома.

И ясно рисуется тутъ не только бытъ, но все міровоззрѣніе лопаря, его идеалы, наконецъ національный характеръ—гораздо лучше, пожалуй, чѣмъ воспроизводятъ его лирическія пѣсни народа. Какая чуткость души открывается напримѣръ изъ слѣдующей пѣсни:

„Ѳеодоръ Григорьевичъ—поется здѣсь,—да Ѳеодоръ Филипповичъ играли—да Ѳеодоръ Филипповичъ убилъ двухъ кольскихъ мужиковъ. Онъ и пришелъ въ погостъ. Дѣвки стали его звать играть: „Ѳеодоръ Филипповичъ, пой — поиграй съ нами“. Онъ и говоритъ: „Хорошія дѣвушки, пойдите за хвойникомъ въ лѣсъ—тамъ скривилась сосна; тутъ то помяните Ѳеодора Филипповича, онъ весело пѣсни пѣлъ—хотѣлъ задавиться, качаться хотѣлъ“. Потомъ говоритъ: „Я тамъ бы задавился, если бы не пришелъ Кириллъ Карповичъ“. Дѣвушки опять стали звать играть: „Ѳеодоръ Филипповичъ, пожалуйста пойди поиграть“. Онъ говоритъ: „Съ вами, лопскимидѣвушками, не хочу играть; меня кольскія дѣвушки ждутъ играть“. Дѣвки говорятъ: „Съ тобой кольскія дѣвушки играть не будутъ: ты у нихъ двухъ мужиковъ убилъ“. Онъ говоритъ: „Тюрьма—свѣтлая избушка, ожидаетъ меня. Я тамъ буду сидѣть. Простите, друзья, братья, товарищи, отецъ и мать, да сестра родимая—простите. Потомъ арестовали его“.

Тоскливое состояніе человѣка, мучимаго со-

вѣстью, здѣсь изображено мастерски. Ничто не радуетъ уже убійцу и онъ ждетъ того дня, когда поведутъ его назадъ въ Колу, къ тѣмъ кольскимъ дѣвушкамъ, въ игрѣ съ которыми онъ совершилъ преступленіе, въ тюрьму —„свѣтлую избушку“.

Но вотъ выходящая изъ ряду вонъ лопарская пѣсня, проникнутая глубокой поэзіей.

„Гуси—лебеди: gon, gon, gon—лебедка затужила объ лебеди; у ней сердце ноетъ о немъ, летаетъ всюду по землѣ и нигдѣ не можетъ тоску забыть. Гуси-лебеди: long, long, long—лебедка летала, летала и пришла къ ру̀чью. Осипъ *)—сердцева тоска сидитъ въ ру̀чьѣ; у него красная рубашка на себѣ. Лебедка говоритъ: „Осипъ, ты гдѣ сидишь? Осипъ—сердцева тоска, говоритъ, выйди; долго-ли я буду искать?“ Осипъ сидитъ въ глубинѣ на днѣ и не шевелится; у него волосы серебряные. Она стала приплакивать (думая, что его убили): „У тебя волосы были серебряные, у тебя гребень былъ золотой, на твое платье любо было смотрѣть—а теперь на кого я буду смотрѣть? Осипъ—сердцева тоска, отчего ты не выходишь?“ Осипъ сидитъ тамъ не шевелится, будто камень. Она приплакивала, приплакивала и пошла народъ звать, не могутъ ли его вытянуть. Осипъ зашевелился и закричалъ: gon, gon, gon. Она пришла, созвала народъ (человѣковъ). Человѣкъ пришелъ къ ру̀чью, а Осипъ—сердцева тоска сидитъ въ ру̀чьѣ; у него волосы серебряные, а гребнемъ золотымъ чешетъ. Опять лебедка стала приплакивать:

---

*) Осипомъ величаютъ вообще гуся.

„Осипъ—сердцева тоска, выйди оттуда!“ Мужикъ сталъ его доставать, не могъ достать. Потомъ кàрбасъ досталъ и сталъ доставать. Онъ не могъ достать и подстрѣлилъ его. Лебедка опять заплакала: „Что ты, злодѣй, сдѣлалъ, моего Осипа—сердцеву тоску убилъ“. Она пошла тоже въ ручей посмотрѣть, убитъ онъ или нѣтъ. Она обняла его и говоритъ: „Ты мой, Осипъ Христоданный—сердцева тоска, тебя мужикъ убилъ“. Только она это слово промолвила и сказала: „gon, gon, gon“, мужикъ ее тоже убилъ и досталъ и черезъ плечо положилъ“.

.....Было уже довольно темно, когда мы, простившись навсегда съ Имандрой, вышли на крутой берегъ рѣчки Куренги, впадающей въ него. Вечернiй мракъ уже спустился къ лѣсу, черезъ который шла эта тайбола Ни звука кругомъ; молча стояли высокiя сосны, точно глядѣли на насъ сверху тысячами глазъ своихъ зеленыхъ макушекъ. Нога тонула въ бѣломъ ягелѣ, который при каждомъ шагѣ приминается съ сухимъ однообразнымъ шелестомъ. Вдругъ изъ чащи выскочилъ олень.

„Ирвасъ“—воскликнулъ. оживившись, одинъ изъ нощиковъ; „ягель себѣ нашелъ.“

Олень посмотрѣлъ на насъ своими умными глазами и, казалось, нисколько не испугавшись, медленно пошелъ дальше.

„Вотъ застрѣлить бы“, быстро сказалъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ съ понятнымъ оживленiемъ любителя охотника.

„Ирвасъ не дикiй“, сказалъ нощикъ лопарь. „Дикiй боится человѣковъ, онъ убѣжалъ бы.“

Охота на оленей въ Лапландіи иногда имѣетъ непріятныя послѣдствія. Не совсѣмъ легко, дѣйствительно, отличить дикаго оленя отъ домашняго, выпущеннаго пастись на лѣто въ горы и лѣса Лапландіи. Хорошо еще, если у домашняго оленя привязана на шеѣ или на рогахъ дощечка съ клеймомъ владѣльца; но этотъ способъ мѣтки оленя выводится изъ употребленія, и чаще всего ихъ различаютъ по мѣткѣ на ушахъ. Впрочемъ самимъ лопарямъ нечего рузузнавать своихъ оленей. Когда, съ наступленіемъ зимы, оленей надо собирать къ своему жилищу, лопарь пускаетъ въ лѣса и на „кегоры“ (возвышенныя мѣста, покрытыя ягелемъ) своихъ собакъ. Лопарскія собаки прекрасно знаютъ оленей своихъ хозяевъ; они собираютъ ихъ и, бѣгая вокругъ стада съ громкимъ лаемъ, не даютъ оленямъ разбѣгаться и мало-по-малу загоняютъ ихъ такимъ образомъ въ свой погостъ. Впрочемъ къ зимѣ олени и сами подвигаются внутрь страны, гдѣ уже къ этому времени не стало ихъ злѣйшихъ враговъ комаровъ и мушкары. Лѣтомъ-же они, подобно своимъ хозяевамъ лопарямъ, перекочевываютъ ближе къ морю или поднимаются на кегоры, спасаясь все отъ тѣхъ-же комаровъ и мошекъ, такъ что внутри страны нельзя увидать много оленей.

Любимецъ лопаря—сѣверный олень, дѣйствительно, поражаетъ своей красотой: прекрасные, умные глаза, стройныя быстрыя ноги и голова, украшенная широкими, вѣтвистыми рогами, то гордо поднятая, то спокойно выглядывающая изъ чащи какого-нибудь кустарника — вся эта полугордая,

полудикая красота дѣлаетъ намъ понятнымъ, отчего лопарь такъ часто и такъ много восхищается имъ. что даже помѣщаетъ его въ своей пѣснѣ. „Молодой, сильный ирвасъ“ — высшая похвала молодому лопарю; „бѣлая важенка“ — вотъ сравненіе, котораго удостаивается красивая лопарка. И неудивительно, что олень пользуется такой сильной любовью лопаря; другихъ домашнихъ животныхъ, кромѣ собакъ, кошекъ и овецъ, онъ не имѣетъ — вся жизнь его слилась съ жизнью этого прекраснаго и невзыскательнаго слуги, друга, кормильца. Правительство сдѣлало попытку заставить лопарей обзавестись рогатымъ скотомъ, приводя въ основаніе то, что норвежскіе лопари держатъ у себя коровъ, быковъ и лошадей. Но не надо забывать, что скандинавскіе лопари, по свидѣтельству путешественника Koechlin-Schwartz*), посѣтившаго норвежскую и шведскую Лапландію въ 80-тыхъ годахъ—дѣлятся на осѣдлыхъ и кочевыхъ. Осѣдлые дѣйствительно занимаются скотоводствомъ, между тѣмъ какъ кочевники лопари не имѣютъ возможности дѣлать этого. Попытка нѣсколькихъ русскихъ лопарей, а именно Нотозерскихъ, продолжать кочевую жизнь имѣя рогатый скотъ, путемъ опыта доказала имъ, что это невозможно. Не отказываясь отъ мысли держать скотъ, два лопаря съ Нотозерскаго погоста, братья Глухіе, осѣдло помѣстились на берегу рѣки Туломы. Имѣя наземъ, они на удобренной почвѣ посѣяли около своего жилища рѣпу и картофель.

*) Koechlin-Schwartz: Un touriste en Laponie.

Къ удивленію лопарей, проба увѣнчалась полнѣйшимъ успѣхомъ; это было въ 1886 году. На слѣдующій годъ Глухіе сдѣлали то-же самое и урожай обѣщалъ быть хорошимъ *). Скоро однако лопари стали тѣснить Глухихъ, прося ихъ не ловить рыбу въ Туломѣ и возвратиться въ свой погостъ. Глухіе подали просьбу правительству о дозволеніи имъ жить осѣдло на Туломѣ; рѣшеніе этого вопроса было передано администраціей

*) Огородничество относительно недавно стало распространяться на нашемъ сѣверѣ. Въ Пудожскомъ уѣздѣ, напр., теперь уже сѣютъ рѣпу, рѣдьку и картофель, но все это недавняго происхожденія. Капуста на сѣверѣ, благодаря суровому климату не успѣваетъ завиваться; огурцы не родятся вовсе. Какъ рѣдкость показываютъ въ Соловецкомъ монастырѣ на Сѣкирной горѣ парники съ огурцами, которые идутъ только архимандриту. „Въ началѣ текущаго года, читали мы въ „Нов. Врем.“ за 1887 г.—Императорское Вольное Экономическое Общество по иниціативѣ русскаго консула въ Финмаркенѣ Д. Н. Островскаго, признало необходимымъ оказать содѣйствіе въ западныхъ колоніяхъ Мурманскаго берега, огородничеству, которое, благодаря вліянію океанскаго теплаго теченія, оказывается (на основаніи опыта) тамъ вполнѣ возможнымъ. 26-го апрѣля Комитетъ названнаго Общества отправилъ на имя настоятеля Печенгскаго монастыря нѣсколько пудовъ скороспѣлыхъ сѣмянъ огородныхъ растеній для раздачи прибрежнымъ колоніямъ.“ Печенгскій монастырь дѣйствительно занимается разведеніемъ огородныхъ растеній, и при насъ въ г. Колѣ былъ полученъ изъ монастыря запасъ свѣжаго салата; монастырь разсылая по становищамъ образцы, намѣренъ возбудить въ поморахъ желаніе заняться огородничествомъ. Отмѣчу довольно курьезный фактъ, что въ Колѣ за исключеніемъ чиновниковъ, никто не умѣлъ употреблять въ пищу салатъ, да и сказать по правдѣ, употреблять его, дѣйствительно, было не съ чѣмъ, потому что Кола лѣтомъ питается рыбой.

обществу, которое непремѣннымъ условіемъ жизни на Туломѣ Глухихъ поставило требованіе, чтобы они не ловили рыбу въ этой рѣкѣ. Глухимъ придется вѣроятнѣе всего удалиться съ избраннаго ими мѣстожительства и отказаться вмѣстѣ съ тѣмъ отъ начатаго ими скотоводства, потому что, дѣйствительно невозможны перекочевки по скудной и небогатой пастбищами странѣ со скотомъ, который кромѣ корму требуетъ еще тщательнаго ухода за собой. Другое дѣло олень; не взыскательный на пищу онъ самъ отыскиваетъ ее себѣ, — зимой рогами и копытами отрывая ягель изъ-подъ снѣгу, лѣтомъ убѣгая на кегоры. Вотъ почему тѣ-же самые Фильманы, которые не держатъ рогатаго скота, имѣютъ большія стада оленей иногда въ сотни головъ. Русскіе лопари не владѣютъ такими огромными стадами; среднимъ числомъ на каждаго изъ нихъ приходится только по 4 или 5 оленей. Но какъ въ Норвежской, такъ и въ нашей Лапландіи, олень единственное богатство туземца. За то, какъ холитъ, какъ любитъ лопарь своего оленя. Рѣдко можно встрѣтить вѣжу или тупу, на деревянной, прокоптѣвшей стѣнѣ которой не увидишь грубо вырѣзанное ножемъ изображеніе оленя. Рисунокъ примитивный, въ общихъ чертахъ только передающій замыселъ художника и напоминающій извѣстныя письмена американскихъ индѣйцевъ. Иногда олень впряженъ въ „кережку“ или „балокъ“ (лопарскія сани); иногда бѣжитъ одинъ; иногда его сопровождаетъ человѣкъ въ лыжахъ и собака Бѣдное украшеніе бѣднаго жилья, свидѣтельствующее, рав-

но какъ бѣдность метафоръ въ лопарской пѣснѣ, о неразвитости фантазіи лопаря и вмѣстѣ съ тѣмъ о томъ, какую роль занимаетъ въ воображеніи его любимое животное.

„Когда приходишь на кегоры“, говорили намъ лопари, „увидишь ирвасовъ и важинокъ—сейчасъ и начнешь имъ пѣть пѣсню.

„Колокольна-важинка“ красива“,(старшей важинкѣ, которая ведетъ стадо, обыкновенно навязываютъ колокольчикъ на шею; оттого и зовутъ ее колокольней-важинкой) въ кегорахъ старшая всѣхъ; она красива, да удала, да бойка.

„Сестрина-важинка“ (у этой важинки много семейства и сестеръ, на что и указываетъ ея названіе) тоже красива, удала и бойка.

„Дожиданна-важинка“—она тоже красива, бойка, удала—кегорный нарядъ (т.-е. она украшеніе кегоры).

„Пестры-глаза“ — онъ тоже красивый, удалый, бойкій, прямой (т.-е. онъ въ упряжи идетъ хорошо и не сворачиваетъ съ дороги); онъ послухмяный (послушный).

„Красный быкъ“—старичекъ; онъ тоже прежде удалый былъ, бойкій, послухмяный былъ и прямой.

„Роги-густые“ — тоже удалый; у него роги хорошіе, густые.

И такъ про всѣхъ ихъ споешь, что у каждаго есть. А они то шею растянутъ, уши распустятъ: любо имъ, что про нихъ поютъ.“

Надо много нѣжности къ любимому животному, чтобы сочинить цѣлую пѣсню, воспѣвающую ка-

чества его и чтобы представить его любящимъ и понимающимъ эту пѣснь.

***

... Былъ четвертый часъ утра, когда мы, наконецъ, послѣ утомительнаго дня достигли станціи Маселька, уединенно стоящей на берегу Колозера. Кругомъ болото и тундра, а далеко отъ самаго берега отступилъ рѣденькій, молодой, сосновый лѣсъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ наши гребцы скинули съ плечъ ташки съ багажемъ и отправились отдыхать въ вѣжу.

Съ особеннымъ удовольствіемъ и мы, растянувъ наши пледы на полу тупы, улеглись наконецъ. Помню, какъ тихо догоралъ огонь въ камелькѣ, распространяя тепло въ тупѣ и освѣщая краснова-тымъ отблескомъ одинъ изъ угловъ ея; какъ скудно лился блѣдный свѣтъ въ окошечко; помнится—жужжали и бились комары о грязное стекло; озеро плескалось о берегъ—только все это такъ смутно, такъ неотчетливо. Усталость брала свое; мы заснули мертвымъ сномъ.

Когда на слѣдующее утро я вышла умываться на озеро — мнѣ представился прекрасный видъ. Солнце ясно свѣтило на небѣ и все вокругъ точно смѣялось: голубыя волны Колозера, сосны лѣска и красивыя вершины горъ на противуположномъ берегу, подернутыя голубою дымкою. На всемъ лежалъ еще свѣжій блескъ утра; но день обѣщалъ быть жаркимъ. Невдалекѣ двѣ лопарки готовили кàрбасъ. Обѣ были во всемъ красномъ;

только на головѣ одной, красивой брюнетки съ серьезнымъ и умнымъ лицомъ, какъ замужней, былъ надѣтъ красный „шемширъ“ — другая, молодая дѣвушка, русая, голубоглазая, была въ повязкѣ. У обѣихъ, сверхъ ихъ головныхъ уборовъ, было надѣто по красному платку, предохраняющему ихъ отъ комаровъ, а въ ушахъ въ большія, кольцеобразныя серьги было воткнуто по пушинкѣ гаги.

„Вы поѣдете съ нами?“ спросила я ихъ.

„Мы, отвѣчала старшая, которая лучше знала по-русски; дѣвушка только привѣтливо улыбалась.

„Еще двое мужиковъ ѣдутъ — вонъ тѣ“ — она указала на двухъ лопарей, выходившихъ изъ вѣжи съ ташками въ рукахъ.

Багажъ распредѣляютъ между собою смотря по силѣ каждаго ношика. Такъ и теперь самую легкую ташку приготовили дѣвушкѣ; она благодарно улыбнулась и окинула всѣхъ ласковымъ и счастливымъ взглядомъ. Вообще она поминутно улыбалась такъ мило, что весело было глядѣть на нее. Я спросила объ ея имени.

„Настасья ей имячко святое“, отвѣтила за нее другая лопарка. „Она съ вами до самой Колы пойдетъ: оттуда въ Кильдинскій погостъ ей надо. Сосватана она уже.“

Пока лопари укладывали нашъ багажъ на дно кàрбаса, изъ вѣжи вышла молодая еще лопарка. Она, очевидно, была въ гостяхъ у Маселыгскихъ лопарей и возвращалась теперь къ себѣ; ея кàрбасъ стоялъ на берегу уже совсѣмъ готовый; на днѣ его лежало нѣсколько вещей и сидѣла, при-

вязанная веревкой къ ключицѣ, большая черная кошка. Лопарка сказала на прощанье нѣсколько словъ своимъ хозяевамъ и сѣла въ лодку; но прежде чѣмъ взяться за весло, она подняла со дна кошку и, прижавъ ее къ себѣ, начала ласкать ее. „Видишь, какъ любитъ свою кошку“, улыбаясь указалъ мнѣ на нее одинъ изъ нашихъ гребцовъ— „никуда безъ кошки своей не пойдетъ; вотъ къ намъ пріѣхала—съ собой взяла.“ *)

Лопарка улыбнулась, опустила кошку, взялась за весла и, крикнувъ еще что-то, отчалила отъ берега. Плавно понесся ея карбасъ по голубому озеру; кошка, привязанная за шею, сидѣла неподвижно; лопарка тихо запѣла пѣснь, которая унывнымъ, однообразнымъ мотивомъ доносилась до насъ. Вскорѣ отправились и мы.

***

День выпалъ необыкновенно жаркій. Жара ощущалась еще не такъ сильно, пока мы ѣхали по Колозеру; но когда насъ, наконецъ, высадили на болотистомъ берегу и пришлось затѣмъ пройти пѣшкомъ верстъ 5 до Пулъ-озера, то мы невольно стали благословлять сѣренькіе дни и особенно про-

---

*) Интересно замѣчаніе Мартиньи, приводимое Номомъ, объ уваженіи, которымъ вообще пользовались кошки у Норвежскихъ лопарей. Мартиньи сообщаетъ, что въ каждомъ лопарскомъ семействѣ онъ видѣлъ черную кошку, которую лопари считали за своего домашняго духа и съ которымъ совѣтывались въ трудныхъ минутахъ жизни. Mone: Geschichte des Heidenthums im nord. Europa. Leip. 1822. S. 39.

хладныя, свѣтлыя ночи, при блѣдномъ освѣщеніи которыхъ идется такъ легко и хорошо. Но вотъ и Пулъ-озеро, голубое, немного волнующееся отъ вѣтерка, который лопари съ удовольствіемъ признаютъ за попутный намъ. Мы наставляемъ парусъ и, слегка покачиваясь въ ка́рбасѣ, предаемся лѣнивому покою. Кругомъ крутые, лѣсистые берега; ярче кажутся при сильномъ свѣтѣ солнца хвои сосенъ; внизу ягель стелется пушистымъ покровомъ, на который яркія солнечныя пятна и сквозная тѣнь деревьевъ навели чудные узоры. Вотъ вдалекѣ между соснами мелькаетъ красивая фигура оленя; онъ вытянулъ шею, нагнулъ голову и ѣстъ ягель. Вотъ на голубыя волны опустилась цѣлая стая утокъ-пырковъ; — спокойно длинной вереницей плаваютъ онѣ.

Раздался выстрѣлъ, другой; гулко пронесся звукъ по водѣ и замеръ въ окрестныхъ лѣсахъ; утки нырнули въ воду и скоро появились на поверхности далеко отъ прежняго мѣста, а тамъ слегка покачивались на волнахъ двѣ изъ нихъ, убитыя нашими спутниками. Мы подъѣхали и взяли наши трофеи; лопари добродушно смѣялись.

„Ужо пріѣдемъ на Кицкую станціо—зажаримъ ихъ вамъ на рожнѣ.“

Способъ жарить дичь „на рожнѣ“ распространенный среди лопарей, заключается въ томъ, что убитую птицу натыкаютъ на деревянный колышекъ и этотъ колышекъ втыкаютъ въ землю около очага; потомъ перевертываютъ его до тѣхъ поръ, пока птица не изжарится. Не можемъ похвастаться, чтобы мы оцѣнили этотъ способъ приготовленія

жаркаго. Лопари услужливо несли отъ станціи Кицкой до самой Колы колышекъ съ изжаренной птицей, напрасно ожидая, что мы съѣдимъ ее.

Но вотъ и конецъ Пулъ-озеру; узкой, извилистой лентой вытекаетъ изъ него порожистая рѣка Кола. Мы уже близко къ океану и къ цѣли нашего путешествія.

„Кумжа-то какъ плещется“, говорятъ намъ наши гребцы, вытаскивая карбасъ на берегъ небольшой бухточки. Дѣйствительно невдалекѣ раздается довольно сильный плескъ и ежеминутно изъ воды выскакиваетъ рыба, блестя на солнцѣ чешуей.

„Черезъ пороги перескакиваетъ“, объясняетъ лопарка, „перейти-то тоже трудно.“

Извѣстно, что семга мечетъ икру свою не въ морѣ, но въ рѣкахъ, куда она удаляется изъ моря къ тому времени, когда ей надо метать икру. Такимъ образомъ молодая семга или какъ называютъ ее на сѣверѣ—кумжа выводится въ рѣкахъ. Черезъ нѣсколько времени она возвращается въ море; но, не будучи въ состояніи переплыть большіе пороги, она перебрасывается черезъ нихъ. Высоко взлетая надъ поверхностью воды она падаетъ съ громкимъ плескомъ на другую сторону порога; и такъ преодолѣвъ трудности, преграждающія ей путь, она возвращается въ родныя ей соленыя воды, если только на пути не попадетъ въ сѣть семужьяго забора, которые ставятся лопарями и русскими почти-что на всѣхъ порожистыхъ рѣкахъ, текущихъ въ море.

Долго стоимъ мы на берегу рѣки и смотримъ на усилія рыбы пробиться черезъ порожистыя мѣ-

ста, между тѣмъ какъ наши нощики уже давно шагаютъ по сухой лѣсной тайболѣ. Никто не остался показать намъ дорогу: сбиться съ пути трудно, потому что всегда одна тропинка и идетъ черезъ тундру. Смѣло можно пуститься по ней. Черезъ нѣсколько времени мы уже обгоняемъ нашихъ нощиковъ, которые отдыхаютъ на мягкомъ ягелѣ. Особенно устали женщины; спустивъ съ плечъ свою ношу, красавица брюнетка вытянула впередъ отекшія ноги и руки, уставшія придерживать у плечъ веревки ташки; Настасья разрумянилась еще больше отъ жары и утомленія, но все-таки ласково улыбается намъ.

„Идите впередъ—догонимъ“, кричатъ намъ вслѣдъ лопари.

Тайбола кончается крутымъ песчанымъ спускомъ къ той же рѣкѣ Колѣ. Прелестный уголокъ—и какъ хорошо отдохнуть на тепломъ пескѣ, въ ожиданіи нощиковъ. Сквозь желтыя иглы, покрывающія всю почву, пробивается жесткими, узкими стебельками дикій лукъ, гордо поднявъ кверху свои свѣтло-лиловые цвѣты, и тутъ и тамъ отдѣльные кустарники пахучей, нѣжной, розовато-бѣлой гвоздики. Сосны столпились у самаго берега рѣки; между ихъ густыми рядами мелькаютъ шумливыя, быстрыя струи ея. Небо теперь уже заволокло тяжелыми сѣрыми тучами, обѣщающими дождь или даже грозу. На ихъ величественномъ грозномъ фонѣ вырисовываются налѣво близко подступившіе своей зеленой громадой горы—Оленьи тундры. Мягкіе, волнистые контуры; на самыхъ вершинахъ свѣтло-зеленыя кегоры выступаютъ какъ-то особенно яр-

ко на темно-зеленомъ фонѣ хвойнаго лѣса, одѣвающаго мягко скользящіе внизъ склоны. Тутъ и тамъ темные овраги, ущелья; ихъ также покрываютъ хвойныя деревья, и въ общей темно-зеленой одеждѣ горъ они кажутся темными причудливыми складками. Вотъ въ послѣдній разъ скользнулъ лучъ солнца по горамъ; засвѣтились высокія кегоры; зажглись тутъ и тамъ золотистыми пятнами освѣщенныя мѣста. Горный пейзажъ на минуту предсталъ передъ нашими глазами во всей прелести оригинальнаго, эффектнаго освѣщенія. Потомъ грозныя тучи медленно стали собираться надъ вершинами горъ и, сгустившись, тяжело повисли надъ ними.

„Быть дождю“, коротко замѣтилъ одинъ изъ нашихъ ощиковъ лопарей, пришедшій первымъ.

...Кругомъ на горахъ залегли мрачныя тучи. Мурдъозеро, по которому мы ѣхали, уже давно окрасилось въ монотонный стальной цвѣтъ. Было душно, и парусъ, который мы было поставили, сѣвши въ ка́рбасъ, только слабо надувался вѣтромъ. Лопарь гребецъ вынулъ рыбникъ и принялся ѣсть запеченную въ него рыбу. Уморительно было его лицо, некрасивое, но добродушное, съ свѣтлыми всклокоченными волосами и отвислыми губами, которыми онъ аппетитно причмакивалъ при ѣдѣ. Лопарки между тѣмъ съ большой охотой жевали дикій лукъ, сорванный ими на берегу. Онѣ было предложили его намъ, но мы отказались отъ такого вкуснаго лакомства.

По одной изъ тѣхъ случайностей, которымъ подвержено бываетъ теченіе разговора, мы загово-

рили между собою объ извѣстной сказкѣ о Шемякиномъ судѣ. Припоминая ее, одинъ изъ нашихъ спутниковъ разсказалъ ее всю. При этомъ мы вдругъ замѣтили, что лопари внимательно слушаютъ насъ. Когда дѣло дошло до того, какъ нѣсколько разъ взимали деньги съ судящихся братьевъ за входъ къ Шемякѣ, лопари стали смѣяться. Но ничто не могло сравниться съ ихъ восторгомъ, когда они услыхали, что несправедливый судья былъ обманутъ. Чисто дѣтскій восторгъ; смѣхъ, который является единственно возможной местью беззащитнаго народа противъ оказываемыхъ ему самому несправедливостей. Вся система подкуповъ, обиранія беззащитныхъ, ярко очерченная въ сказкѣ, въ умѣломъ и живомъ пересказѣ переданной нашимъ спутникомъ, являлась какъ-бы страницею изъ дѣйствительной жизни лопаря. Долго не могли успокоиться наши гребцы. Вообще у лопарей сильно развита любовь къ разнаго рода разсказамъ. По воскресеньямъ молодежь въ погостахъ собирается для разныхъ игръ, между тѣмъ какъ старики ведутъ между собою бесѣду. При этомъ, замѣчаетъ г. Дергачевъ, у слушающихъ постоянно движутся губы, какъ будто они повторяютъ каждое слышанное слово. Молодежь кромѣ игръ любитъ забавляться и разсказами басенъ.

.....Уже давно угрожавшій намъ дождь засталъ насъ на той-же рѣкѣ Колѣ. Вечерѣло; мракъ и сырость сгустились надъ темными волнами и въ густыхъ лѣсахъ, толпящихся по крутымъ берегамъ. Скоро сѣрая пелена дождя совсѣмъ окутала зеленыя кудри лиственныхъ деревьевъ; быстро пронес-

ся по нимъ вѣтеръ, перевертывая листья и придавая имъ сѣроватый оттѣнокъ; потомъ мрачно поникли они. Гребцы стали торопиться.

Но вотъ внезапно донесся до насъ грозный гулъ пороговъ. Невдалекѣ, мелькая бѣлой пѣной сквозь темную зелень деревьевъ, прямо передъ нами, широкой лентой обрушивалась съ большаго камня рѣка Кола. А съ боку пѣнясь и шумя, точно стремглавъ летѣла въ нее другая рѣка—Кица. На мысу, образовавшемся сліяніемъ этихъ двухъ рѣкъ, стояла почернѣвшая тупа и крохотная вѣжа—станція Кицкая.

„Не проѣхать тутъ въ одномъ ка́рбасѣ“ — сказалъ лопарь-рулевой, указывая на большіе камни, только немного прикрытые водой. „Позвать надо, чтобы подали другой карбасъ“. Но на берегу не было замѣтно никакого движенія. Казалось, лопарское жилище вмѣстѣ съ его обитателями вымерло.

Рулевой всталъ въ лодкѣ и пронзительнымъ голосомъ, съ разстановкой произнося слова, закричалъ:

„Петръ, по-да-вай ка́р-басъ!“

Звукъ пронесся и замеръ. Никто не отвѣчалъ на него. Все опять погрузилось въ молчаніе. Какъ-то особенно явственно въ темнотѣ слышно было, какъ журчала Кица и шумѣлъ однообразный дождь, падая на воду.

„И—ванъ, Петръ, ка́р-басъ по-да-вай-те, ка́р-басъ!“ снова раздался крикъ.

На этотъ разъ насъ услыхали; изъ вѣжи выскочило нѣсколько лопарей; они что-то закричали,

увидавъ насъ, замахали руками и быстро стали отвязывать ка́рбасъ отъ берега. Размѣстившись въ двухъ лодкахъ мы безъ препятствій достигли берега.

* * *

Станція Кицкая—послѣдняя по пути изъ Кандалакши въ Колу. Ясно замѣтна на самихъ лопаряхъ близость города. Наши нощики всѣ отлично знаютъ русскій языкъ. Одинъ изъ нихъ даже можетъ похвастаться тѣмъ, что окончилъ курсъ въ Кольскомъ училищѣ. Въ костюмѣ они также стараются приблизиться къ городскимъ жителямъ: у нѣкоторыхъ есть „пинджакъ“ и русскій картузъ; нѣтъ у нихъ и того добродушнаго наивнаго выраженія, которое поражаетъ въ глубинѣ страны.

Еще дневной переходъ и мы будемъ у цѣли нашего путешествія. И вспоминается мнѣ теперь этотъ дневной переходъ—вспоминаются тундры и болота, густые сосновые лѣса и все та-же рѣка Кола, то преграждающая намъ путь своими порогами, то мирная и плавная—богатая рыбой и жемчугомъ Кола, круто извивающаяся, стѣсненная съ обѣихъ сторонъ высокими берегами, по которымъ такъ привѣтливо тѣснится веселый лиственный лѣсъ; порой съ ихъ крутизны свергается потокъ, небольшой, но быстрой струей; порой изъ за ихъ высокихъ стѣнъ выдвинется вершина другой горы, голая, каменистая, темножелтая. Вспоминается и то особенное чувство, когда наконецъ мы очутились на вершинѣ горы Соловараки, доминирующей подъ городомъ Колой. Былъ 6-й часъ вечера; сѣ-

рое, дождливое небо повисло надъ всѣмъ пейзажемъ: надъ сѣрымъ пятномъ города, лежащимъ тамъ гдѣ-то глубоко внизу, надъ темной гладью между горъ прокравшейся узкой морской губы и надъ широкой поверхностью рѣки Туломы, впадающей въ нее.

Было время прилива: Тулома, наполненная морской водой, широкой, серебристой лентой свѣтилась между обступившими ее горами. Легкій туманъ скрадывалъ ея широкую даль. Пріятно было наконецъ отдохнуть въ городѣ промокшимъ путникамъ, а все-таки такъ сильно манила, притягивала къ себѣ красавица Тулома.

VII.

К о л а.

На небольшомъ мысу, зеленымъ отлогимъ скатомъ спускающемся къ морской губѣ (длиною въ 60 верстъ) раскинулась Кола. Точно заснула она тутъ со своими двухъ-этажными деревянными домами, съ маленькимъ бѣлымъ соборомъ, съ рядомъ амбаровъ на берегѣ, съ неповоротливыми шнякаами, вытащенными на зеленую траву. Ровно два раза въ день изъ за горъ нахлынетъ могучимъ потокомъ вода изъ океана и съ тихимъ, едва слышнымъ плескомъ зальетъ огромные желтовато-сѣрые валуны на днѣ и высокія сваи, на которыхъ стоятъ амбары. Ровно два раза въ день отхлынетъ эта масса воды и сильнымъ теченіемъ убѣжитъ за высокія горы. Обнажатся тогда сваи амбаровъ, заблестятъ еще мокрые носы и борты шнякъ, на днѣ поднимутся огромные камни, къ которымъ прилѣпились жирной темной сѣтью водоросли, да на далекое пространство потянутся мокрыя и упру-

гія песчаныя отмели. И ровно два раза въ сутки поднимается и опускается уровень воды въ рѣкѣ Туломѣ, впадающей въ Кольскую губу. Дѣлается-ли отливъ—Тулома быстро побѣжитъ за солеными морскими струями и обнажится песчаное дно ея, устланное пахучими водорослями. Но вотъ начинается приливъ, и морская вода бросается въ широкое устье Туломы, останавливаетъ ея волны и на 10 верстъ наполняетъ ее.

Какой красавицей становится тогда Тулома. Съ обѣихъ сторонъ окаймленная высокими горами, она гордо плещется серебристыми волнами о ихъ гранитныя стѣны—и горы, точно любуясь ею, разступаются и даютъ ей мѣсто, такъ что, разливаясь у устья своего на 90 саж. въ ширину, она въ 6-ти верстахъ отъ города достигаетъ 600 саж.

Въ противоположность величественной, спокойной красавицѣ Туломѣ, съ другой стороны города, изъ за высокихъ, частью песчаныхъ, частью каменистыхъ горъ, рвется синяя шумливая Кола. Бѣлой пѣной разбиваясь о камни пороговъ, высоко взлетая жемчужными брызгами тамъ, гдѣ ей преграждаютъ путь слишкомъ большіе камни, она несется быстро, точно безъ оглядки, точно разметавъ на бѣгу безпорядочныя синія волны и успокаивается только тогда, когда шумно вольется въ спокойную морскую глубину.

Вода окружаетъ съ трехъ сторонъ Колу. Она точно оцѣпила колянъ, не даетъ имъ проходу. И спитъ Кола, какъ будто стѣсненная этими разнородными струями, этими молчаливыми, точно за-

колдованными горами, залегшими всюду вокругъ—за Туломой, за рѣкой Колой, за морской губой. А тамъ за самимъ городомъ, отступивъ отъ нея на нѣсколько десятковъ саженей, возвышается гора Соловарака, своими отрогами уходящая вдоль праваго берега Туломы. Покрытая лѣсомъ-кустарникомъ, поросшая по граниту мелкорослой полярной флорой: ягелемъ, мелкой брусникой, толокнянкой, черникой, голубицей и вороникой, эта, имѣющая 250 фут. въ вышину, гора, стоитъ одиноко и печально, точно на стражѣ. Въ 1873 г., во время землетрясенія, часть ея, спускающаяся къ рѣкѣ Колѣ, обвалилась—и теперь, точно зіяющая рана желтѣетъ одинъ бокъ ея, лишенный и той тощей зелени, которая хоть немного скрашиваетъ остальную часть ея. А тамъ, взберетесь вы на ея вершину—вамъ предстанетъ ягелевая тундра, сухая, безплодная и на ней мелкорослыя бѣдныя березы, между которыми уходитъ вдаль узкая, едва замѣтная тропа—это путь въ глубину Лапландіи. За то, обернетесь вы назадъ—вы тотчасъ минуете равнодушнымъ взглядомъ кучу сѣрыхъ домовъ внизу и съ восхищеніемъ остановите взоръ на зеркальной, серебряной глади Туломы, залюбуетесь на пѣнящіяся волны игривой Колы и на спокойное величіе морской губы. Дикій сѣверный пейзажъ, не блещущій роскошной растительностью, восхититъ васъ и здѣсь своимъ суровымъ молчаливымъ величіемъ. Притомъ природа, не наградившая прочими дарами сѣверъ, не щадитъ для него эффектныхъ освѣщеній. Прелесть, которую они придаютъ сѣверному пейзажу, мало намъ знакома. Нѣтъ у

насъ художниковъ, которые мастерскою кистью передали-бы ее намъ. А между тѣмъ богатую жатву далъ-бы сѣверъ талантливому пейзажисту. Сколько разъ, бывало, эта самая Кольская губа измѣнитъ свой видъ, благодаря освѣщенію. Падетъ на нее розовый отблескъ вечерней зари—она вся зарумянится, загорится нѣжными переливчатыми тонами. Тулома—та уже давно закуталась въ серебристый покровъ тумана, забѣжала за крутыя горы, спряталась, притаилась за ними—а тутъ около моря, она мрачна и спокойна, и тѣнь отъ ближайшей горы уже давно легла на нее. А морской заливъ все еще свѣтится нѣжнымъ багрянцемъ и чистое прозрачное небо глядится въ его спокойныя воды. Прошло всего нѣсколько часовъ—и на небѣ вспыхиваетъ веселая утренняя заря. Яркимъ золотомъ подернулось отъ нея все небо, а она, румяная радостная, и губу уже зажгла червоннымъ золотомъ. Спятъ пока еще въ легкомъ туманѣ горы—когда-то еще проснутся онѣ?—а губа уже пробудилась, переглядывается съ веселой утренней зоренькой.

Ясный безоблачный день совершенно измѣняетъ весь пейзажъ. Еще пуще. кажется, шумитъ и бѣснуется веселая Кола, прыгая внизъ по порогамъ; Тулома горделиво переливаетъ на солнцѣ свои волны, точно разодѣлась она въ искрящуюся одежду. Бухта голубая, ясная, спокойная, тихо плещется у зеленаго берега, ласкается къ поросшимъ лѣсомъ крутымъ берегамъ. Даль окутана туманомъ, тѣмъ особеннымъ голубымъ туманомъ, который мнѣ приходилось видѣть только на сѣ-

верѣ, въ волнахъ котораго такъ красиво покоятся зеленые лѣса и свѣтлыя кегоры. Что скрываетъ этотъ голубой туманъ? какая чудесная страна находится за его таинственнымъ свѣтлымъ пологомъ? Но полно, стоитъ ли идти туда, разыскивать эту чудесную страну, когда и тутъ такъ хорошо. Да идти не хочется. Жаркій день обезсиливаетъ васъ совсѣмъ. Да и все отдыхаетъ кругомъ. Дремлетъ морская губа въ зеленыхъ берегахъ; дремлютъ и высокія горы. Даже чайка вонъ тамъ точно застыла въ растворенномъ лазурью воздухѣ. Какъ чуденъ сѣверъ въ своей дикой красотѣ и пустынности.

Но не красивое мѣсто, а выгодное положеніе у трехъ водныхъ путей, близъ рыбообильной морской бухты, привлекало должно быть смѣлыхъ новгородскихъ насельниковъ, которые, проникая все глубже и глубже на сѣверъ, завели на этомъ небольшомъ мысу свою колонію. Уже въ XIII в. имя Колы упоминается въ лѣтописяхъ: въ числѣ другихъ новгородскихъ поселеній на Мурманскомъ берегу и Колѣ выпала на долю упорная и долгая борьба съ воинственными сосѣдями шведами, естественными соперниками русскихъ въ дѣлѣ колонизаціи сѣвернаго побережья. Тогда еще Кола ни откуда не получала помощи и наряду съ другими русскими колоніями должна была обороняться собственными силами. Только въ XVI в. Кола начала получать помощь отъ государства. Въ 1582 г., по повелѣнію царя Іоанна Грознаго, здѣсь былъ построенъ острогъ для обороны отъ шведовъ Эта помощь жителямъ Колы оказалась вовсе

не излишней: 8 лѣтъ спустя—въ 1890 г., шведы, подъ предводительствомъ нѣкоего Кафти, появились недалеко отъ Колы на р. Туломѣ на островѣ, называемомъ еще до сихъ поръ Нѣмецкимъ въ память этого нападенія. Шведы были удачно отбиты колянами, Кафти взятъ даже въ плѣнъ со множествомъ добычи. Нападенія шведовъ между тѣмъ возобновлялись постоянно, такъ что въ XVII в. правительство сочло нужнымъ послать въ Кольскій острогъ 100 стрѣльцовъ, а Петръ I велѣлъ укрѣпить Колу большой деревянной крѣпостью. Въ 1780 г., при Екатеринѣ II, кольскій острогъ былъ названъ окружнымъ городомъ, а въ 1784 г. уѣзднымъ городомъ Архангельской губ.

Бурна исторія Колы. Основанная воинственными новгородскими ушкуйниками, она, казалось, была обречена на вѣчныя битвы. Едва только прекратились нападенія шведовъ, какъ начались противъ нея враждебныя дѣйствія англичанъ. Въ 1809 г. англичане высадились на берегу Кольской губы. Кола была почти что беззащитна: въ ней находилось только 50 солдатъ. Жители рѣшились однако мужественно защищаться. Отправивъ женъ и дѣтей со своимъ имуществомъ въ горы, они сами, подъ начальствомъ купеческаго сына Матвѣя Герасимова составили ополченіе изъ 300 человѣкъ. Но перепуганный непріятелемъ городничій (городничіе появились въ Колѣ съ 1797 г.) велѣлъ ополченію разойтись и не препятствовать высадкѣ непріятеля. Жителямъ осталось только послѣдовать за своими семьями въ горы. Такимъ образомъ городъ былъ взятъ и враги, захвативъ съ собою въ

плѣнъ городничаго, уѣхали изъ Кольской губы съ большой добычей *).

Но самое страшное нападеніе на Колу англичанъ, еще памятное многимъ жителямъ города, произошло 10 августа 1854 г. Вотъ какъ разсказывалъ намъ про появленіе непріятеля въ Колѣ одинъ изъ очевидцевъ, мѣщанинъ Лоушкинъ. Англійскій корветъ „Миранда“, крейсируя вдоль Мурманскаго берега, захватилъ шняку съ кольскими промышленниками. На шнякѣ кромѣ трехъ кольскихъ мѣщанъ находились еще двое поднадзорныхъ. (Кола уже давно была мѣстомъ ссылки; первые преступники были сосланы туда въ 1550 г. **). Мѣщане, говорилъ Лоушкинъ, были посажены непріятелемъ въ трюмъ, а поднадзорные оставлены на свободѣ. Вслѣдъ за тѣмъ „Миранда“ двинулась въ Кольскую губу. И до сихъ поръ пароходъ не подходитъ къ самому городу, но останавливается въ трехъ верстахъ отъ него, въ одной изъ многочисленныхъ бухтъ губы, такъ какъ ближе къ берегу губа считается слишкомъ мелкою. Поднадзорные показали англичанамъ мѣсто стоянки судовъ, гдѣ и остановился непріятельскій корветъ. Затѣмъ была спущена шлюпка и губа изслѣдована непріятелями. Оказалось, что можно проникнуть и дальше въ губу, и англичане бросивъ бакана, вернулись на корветъ. Жители отлично видѣли всѣ дѣйствія непріятеля. Поэтому

*) Дергачевъ: Русская Лапландія. Отд. I. Статист. опис. стр. 93—97. Арх. 1877 г.

**) Дергачевъ: Рус. Лапл. Отд. I. Статист. опис. стр. 94. Арх. 1877 г.

тотчасъ послѣ отплытія непріятельской шлюпки, двое изъ нихъ—мѣщанинъ Балашовъ и Григорій Нѣмчиновъ, подъѣхали къ баканамъ и отрѣзали ихъ. Несмотря на эту мѣру, англичане добрались до самого устья р. Туломы и тотчасъ же потребовали сдачи города. Отправившійся для переговоровъ Гр. Нѣмчиновъ отвѣтилъ, что онъ на это не получилъ разрѣшенія отъ бургомистра. Тогда англичане объявили, что если сдача не послѣдуетъ черезъ 5 часовъ, они откроютъ огонь. Защищаться было почти невозможно: въ городѣ было всего 120 солдатъ, притомъ ни одного орудія. Однако Кола не сдалась. Прибѣгнувъ къ обыкновенному мѣсту защиты—горѣ Соловаракѣ и окружающимъ ея лѣсамъ и горамъ, коляне отправили туда свои семьи. Сами же они остались съ своимъ комендантомъ защищать родной городъ до послѣдней возможности. Непріятельскій огонь былъ ужасенъ: онъ продолжался непрерывно больше сутокъ. Запылала вся Кола. Соборъ былъ насквозь прострѣленъ, но еще стоялъ, пока, наконецъ, занявшись отъ горѣвшей деревянной стѣны стариннаго острога и деревянной башни, стоявшихъ возлѣ него, онъ не обратился, наконецъ, въ кучу обгорѣвшихъ бревенъ и досокъ. Подъ старинную деревянную кладбищенскую церковь Колы, построенную еще въ 1727 г., непріятели подложили мину, но она какимъ-то образомъ осталась невредимою. Истребивъ огнемъ почти что весь городъ, англичанамъ, однако, не удалось слѣлать высадку. Коляне помѣшали ей и,

оставивъ груду жалкихъ развалинъ, „Миранда“ наконецъ удалилась изъ Кольской бухты *).

Кола быстро оправилась отъ погрома, отстроилась заново и лучше, чѣмъ прежде. По плану подъ каждый домъ былъ отведенъ довольно большой участокъ, такъ что зданія не лѣпились другъ къ другу, какъ прежде, и представляли меньше опасности въ случаѣ пожара. Но на планѣ, составленномъ раньше постройки города, помѣчено гораздо больше домовъ, чѣмъ ихъ есть въ дѣйствительности. Теперь въ Колѣ меньше 100 домовъ (изъ нихъ одинъ каменный—зданіе казенное), которые всѣ расположены вдоль двухъ улицъ, густо поросшихъ травой. Дома большею частью двухэтажные, съ дворомъ, иногда съ огородомъ. Разведеніе овощей только что прививается въ Колѣ, да и сѣверный климатъ не допускаетъ большой роскоши и разнообразія огородныхъ растеній. А дворы какіе-то мертвенные и пустынные: не увидишь на нихъ ни куръ—любимцевъ хозяйки средней полосы Россіи, ни гнѣдой савраски, мирно пощипывающей зеленую сочную траву, которой здѣсь такъ много **). Внутри дома страдаютъ такими же недостатками въ постройкѣ, какъ и въ любой сѣверной

---

*) Сравни: Дергачевъ: Руск. Лапл. Оч. I, стр. 97, 98.

**) На сѣверѣ не держатъ куръ. Въ поморскихъ селеніяхъ жители объясняли это тѣмъ, что будто бы трудно держать ихъ, такъ какъ ихъ ѣдятъ собаки. Вотъ почему въ Колѣ очень трудно достать яицъ; ихъ выписываютъ изъ Архангельска и десятокъ ихъ обходится въ 35—60 коп. Лошади совершенно не нужны поморамъ. На всемъ Мурманскомъ берегу есть двѣ лошади: одна принадлежитъ фактористу Савину, другая — кольской купчихѣ Филипповой.

деревнѣ: стѣны между комнатами и потолки въ высшей степени тонки, окна обыкновенно остаются съ двойными рамами круглый годъ, такъ что комнаты вентилируются только черезъ дверь и т. п. Убранство составляютъ: кисейныя занавѣски на окнахъ, кіотъ съ образами, за который обыкновенно бываетъ засунута пропыленная тетрадка со „Сномъ Богородицы“, и на стѣнахъ нѣсколько лубочныхъ картинъ. Одинъ рядъ домовъ выходитъ на зеленый берегъ губы. Тутъ у самой воды стоятъ амбары кольскихъ купцовъ; они построены такъ, что вода во время прилива подступаетъ къ нимъ, и посредствомъ блока можно нагружать шняки прямо изъ амбара. Немного поодаль лежатъ вытащенныя на берегъ бѣлыя шняки. Дальше нѣсколько ка́рбасовъ привязаны къ берегу; во время прилива они то и дѣло стукаются бортами другъ о друга и о большіе камни на днѣ, а во время отлива остаются печально накренившимися на песчаныхъ отмеляхъ. А на самомъ мысу—тамъ, гдѣ Тулома соединяется съ морской губой, стоитъ бѣлый крестъ. Другой крестъ какъ бы заканчиваетъ городъ на противоположномъ концѣ его, около устья р. Колы. Тамъ построена часовенка во имя Спаса Милостиваго и около нея высится старинный крестъ подъ навѣсомъ. По кольскому преданію онъ былъ поставленъ собственноручно Варлаамiемъ Керетскимъ, святымъ очень почитаемымъ на всемъ Сѣверѣ. На немъ находится слѣдующая надпись, которую можно еще ясно различить: „Лѣта 7143 (т.-е. 1635) іюня 16-го крестъ... на поклоненіе всѣмъ православнымъ при благовѣр-

номъ царѣ и великомъ князѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ всея Россіи."

Главное украшеніе Колы безъ сомнѣнія ея соборъ. Онъ построенъ на мѣстѣ прежняго, сожженнаго англичанами въ 1854 г. Старый восемнадцатиглавый соборъ былъ построенъ въ 1684 г. и отличался своей прочностью и красотой. Г. Максимовъ приводитъ интересное преданіе, связанное съ его построеніемъ—преданіе, которое намъ лично не удалось слышать отъ колянъ: мастеръ, выстроивъ его, передъ всѣмъ народомъ бросилъ топоръ въ рѣку Тулому, запилъ и уже ни разу въ жизни не бралъ топора въ руки и не рядился на другую постройку *). Теперешій кольскій соборъ далеко не отличается красотой. Онъ представляетъ большой каменный кубъ, въ 2 свѣта, выкрашенный въ бѣлую краску и увѣнчанный широкимъ и приземистымъ зеленымъ куполомъ. Внутри, бѣлыя гладкія стѣны, не украшенныя образами и бѣдный низкій иконостасъ производятъ холодное, непріятное впечатлѣніе. Всего въ немъ три предѣла: во имя Воскресенія Христова, св. Николая Чудотворца и св. Алексѣя Божія человѣка. Боковыє придѣлы еще бѣднѣе и сумрачнѣе главнаго. Новый соборъ обнесенъ низкой деревянной рѣшеткой. На образовавшемся, такимъ образомъ, церковномъ дворѣ стоитъ достопримѣчательность Колы, единственное воспоминаніе объ ея бурномъ прошломъ: разбитая 6-ти фунтовая пушка. По словамъ однихъ, она была разбита во время послѣдняго на-

*) Максимовъ: Годъ на Сѣверѣ, СП. 1871 стр. 186–188.

паденія англичанъ; другіе говорятъ, что она и до этого сохранялась, какъ воспоминаніе о бывшей тутъ крѣпости, уничтоженной при Екатеринѣ II. Тутъ же на дворѣ воздвигнутъ большой крестъ съ дощечкой, на которой кратко разсказанъ пожаръ прежняго собора.

Есть въ Колѣ и другая церковь во имя св. Троицы, такъ наз. кладбищенская. Она стояла прежде на узкой, длинной косѣ, вдающейся въ морскую губу, окруженная молчаливымъ и неуютнымъ, чисто поморскимъ, кладбищемъ. Но во время землетрясенія въ 1873 г. р. Кола измѣнила свое русло, снесла часть косы со многими могилами и изъ косы сдѣлала островъ. И уныло, одиноко стоитъ кладбищенская церковь, отдѣленная шумливой Колой отъ города. Она очень древна и ветха, но пользуется глубокимъ уваженіемъ у колянъ. Перестроить ее намѣреваются уже съ 1878 года, но никакъ не могутъ энергично приступить къ дѣлу. А между тѣмъ въ Троицкой церкви править службу является уже невозможнымъ, благодаря ея ветхости. Въ прежнее время въ каждый большой праздникъ священники (ихъ въ Колѣ два) переправлялись на кладбище и служили обѣдню въ Троицкой церкви, гдѣ находилась всѣми почитаемая икона св. Троицы. Теперь же, когда за ветхостью церкви служить въ ней опасно, священники заперли ее совсѣмъ, а икону св Троицы перенесли въ соборъ. Этимъ они возбудили сильное недовольство среди колянъ, которые убѣждены, что самой иконѣ не нравится такое перемѣщеніе. Ходятъ слухи среди жителей

города, что часто ночные сторожа видѣли въ кладбищенской церкви зажженныя свѣчи и лампады—нѣкоторые даже слышали службу.

„А попы и не взойдутъ“, съ возмущеніемъ говорили намъ коляне, „трудно нешто переѣхать на островъ? Такъ никто и не ходитъ туда.“

„Баютъ, вишь, пасть она можетъ, народъ задавить. Такъ ужъ будто разомъ всѣхъ и у́бьетъ? Ужъ кого у́бьетъ—жить тому значитъ не положено. Смерти безъ смерти не бывать.“

Пустынно и мертвенно тихо въ Колѣ лѣтомъ. Мужчины почти всѣ на промыслахъ, куда они отправляются раннею весной, чтобы возвратиться въ родной городъ только позднею осенью. Женщины сидятъ преимущественно дома, справляя домашнюю работу. Даже въ церкви на службахъ бываетъ мало народу. На улицахъ только и увидишь, что ребятишекъ. То они шумно играютъ въ мячъ на зеленомъ морскомъ берегу; то, взваливъ на плечи весла, они бѣгутъ къ морю, чтобы, переѣхавъ на другой берегъ губы, набрать на торфяномъ болотѣ желтой морошки; то видишь—цѣлый отрядъ ихъ идетъ съ корзинами и грабѝлками *) въ рукахъ на Соловараку за грибами, черникой и вороникой **). Но кромѣ ихъ веселыхъ, молодыхъ

---

*) „Грабѝлка“—родъ деревяннаго савочка, оканчивающагося деревянными же зубцами. Грабѝлка спеціально употребляется для обиранія жесткихъ ягодъ вороники, рвать которыя руками и по одиночкѣ было бы положительно невозможно. Въ серединѣ грабѝлки находится отверстіе, въ которое продуваютъ иглы, попавшія вмѣстѣ съ ягодами.

**) Изъ ягодъ, встрѣчающихся около Колы, можно указать

голосовъ вы рѣдко услышите оживленный шумъ на улицѣ. Рѣдко, рѣдко только пройдетъ какой-нибудь колянинъ, стуча сапогами по деревянному тротуару—пройдетъ быстро, рѣшительнымъ шагомъ, къ амбару или къ шнякѣ; вотъ медлительно, лѣниво возвращается домой изъ присутственнаго мѣста должностное лицо; вотъ двѣ колянки въ сарафанахъ и высокихъ кокошникахъ идутъ за водой къ р. Колѣ. Стихъ шумъ отъ ихъ шаговъ и снова молчаніе. Черезъ нѣсколько минутъ видишь того же колянина, возвращающагося такъ же быстро изъ амбара; тѣ же колянки идутъ, отягченныя полнымъ ушатомъ—пройдутъ, и снова наступитъ тишина. Добрыя хозяйки рѣдко выходятъ изъ дому: онѣ должны стряпать, обшивать семью, вязать толстые чулки для ходьбы (тутъ при ходьбѣ по каменистой почвѣ, поросшей ягелемъ и жесткимъ кустарникомъ, предпочитаютъ толстые шерстяные чулки сапогамъ, которые скоро рвутся и стоятъ очень дорого, несмотря на то, что изготовляются чаще всего дома; иногда къ этимъ чулкамъ пришиваютъ кожаную подошву) и исполнять другія домашнія работы.

По праздникамъ городъ оживляется немного больше, но только тѣмъ, что на улицахъ прибавляется число пьяныхъ. Кола пьянствуетъ постоянно. Норвежскій ромъ, ввозимый и до сихъ поръ въ большомъ количествѣ въ поморскія становища

на морошку, чернику, голубицу, толокнянку и воронику. Всѣ онѣ идутъ въ пищу. Толокнянку кромѣ того подмѣшиваютъ къ мукѣ; воронику сушатъ, потомъ парятъ, посыпаютъ мукой и ѣдятъ съ хлѣбомъ. Вороника считается также поморами хорошимъ средствомъ противъ цынги.

всего Мурманскаго берега, несмотря на недавнее запрещеніе правительства, въ большомъ употребленіи въ Колѣ.

Пьянство достигаетъ еще большихъ размѣровъ во время пребыванія въ Колѣ лопарей. Оживляется и городъ, по которому то и дѣло снуютъ кучки лопарей и поморовъ. Лопари, какъ извѣстно, являются въ Колу, чтобы свести счеты съ кольскими купцами.

О мѣновой торговлѣ лопарей съ поморами писали часто и много. Поэтому только въ общихъ чертахъ припомню эту торговлю, которая является грубымъ средствомъ эксплоатаціи лопарей. Находясь въ Колѣ, лопари закупаютъ все нужное въ хозяйствѣ, какъ-то: съѣстные припасы, нѣкоторыя хозяйственныя принадлежности, матеріи на одежду. порохъ, дробь и т. п. у кольскихъ купцовъ—покупаютъ все это въ долгъ. Расплачиваться они должны рыбой, которую обязуются представить къ извѣстному сроку въ Колу. Лопарь никогда не обманетъ и дѣйствительно къ назначенному времени пріѣзжаетъ въ Колу со своей семгой. Тутъ то и начинается грабежъ лопарей. Прежде всего кольскіе купцы на всѣ свои товары назначаютъ огромныя цѣны—такъ напримѣръ аршинъ ситца стоитъ въ Колѣ 25—30 коп., 1 фунтъ сарсапарели, любимаго напитка лопарей, который они кромѣ того употребляютъ какъ лекарство—4 р. (вмѣсто обычной цѣны 2 р.) и т. д. *). Отдавъ рыбу своему

*) Въ послѣднее время конкурентами кольскихъ кулаковъ, на которыхъ жаловались намъ и многіе изъ колянъ, являются

хозяину, при чемъ большое количество ея отчисляется въ бракъ и по этому сбывается ими за уменьшенную цѣну тому-же помору, лопари идутъ съ нимъ въ его контору. Тутъ свѣряются счеты хозяина и бирки лопарей. За каждый пудъ семги лопари получаютъ приблизительно около пяти рублей. Вычитывается поэтому, сколько задолжали лопари помору и сколько остается денегъ за купцомъ. Во время сдѣлки обильно льется водка и норвежскій ромъ. Лопари страшно падки на вино, и обыкновенно уже въ первый день ихъ можно увидать пьяными. Не пьянѣетъ однако угощающій ихъ купецъ поморъ. Ему выгодно это повальное пьянство лопарей. Въ дни, когда производится разсчетъ—а купцу выгодно чтобы длился онъ дольше—поморъ съумѣетъ навязать лишній товаръ потерявшему всякій смыслъ лопарю, съумѣетъ ловко подтасовать счеты. Лопарь, находясь въ самомъ добродушномъ настроеніи, всему вѣритъ, за все расплачивается. Кола затягиваетъ лопаря и онъ, благодаря своей безхарактерности, часто не бываетъ въ силахъ вырваться изъ нея. Часто напримѣръ видишь—идетъ лопарь съ кускомъ сукна подъ мышкой: „Вишь, сукна на юпу домой несу. Прощаемся съ Колой городомъ. Всего накупилъ; только вотъ прибылой воды дожидаемся, чтобы по водѣ было ѣхать.“

Но проходитъ приливъ; отливъ уже начался, а

такъ называемыя „сумочники“, то-есть коробейники, которые, продавая свой товаръ по умѣренной цѣнѣ, заставили и кольскихъ купцовъ сбавить цѣну.

тотъ же лопарь идетъ вамъ навстрѣчу еще менѣе вѣрными шагами.

„Что же ты не уѣхалъ?“

„Нельзя такъ; хозяинъ держалъ... вотъ на юпу сукна купилъ... прибылой воды ждать надо... нельзя противъ во́ды-то.“ На слѣдующій день тотъ же лопарь встрѣтится вамъ съ тѣмъ же кускомъ сукна и все съ той же рѣчью: „на юпу вотъ сукно... прибылая вода...“

И завтра, и послѣ завтра тоже самое. Лопарь живетъ въ Колѣ до тѣхъ поръ, пока хозяинъ промышленникъ, обдѣлавъ всѣ свои дѣла, не перестанетъ поить его.

Что лопари находятся у нихъ въ кабалѣ, этого не отрицаютъ кольскіе купцы. Въ свое оправданіе они, однако, приводятъ то, что сами находятся въ такой же кабалѣ у архангельскихъ капиталистовъ. Дѣло въ томъ, что, привозя рыбу въ Архангельскъ, они принуждены бываютъ сбывать ее архангельскимъ купцамъ по той цѣнѣ, которую имъ тѣ предлагаютъ. Это происходитъ оттого, что у кольскихъ купцовъ нѣтъ въ Архангельскѣ своихъ складовъ – негдѣ держать рыбу въ ожиданіи, когда на нее поднимется цѣна. Кромѣ того, нѣтъ и времени ждать: кольскіе купцы принуждены къ извѣстному сроку возвращаться въ Колу съ товаромъ для лопарей. Не имѣя въ рукахъ запаснаго капитала, они волей-неволей отдаютъ тогда за безцѣнокъ свою рыбу, чтобы было на что купить товаръ. Слѣдуетъ также принять во вниманіе, что они очень много теряютъ на бракованномъ товарѣ и на утечкѣ; соль, кадки и бочки покупаются ими же —

и между тѣмъ имъ обыкновенно приходится отдавать пудъ семги за 5 - 6 р., т. е. получить незначительную прибыль на пудъ. Естественно, что всѣ свои убытки они вымещаютъ на лопаряхъ. Часто администраціей возбуждался вопросъ объ упорядоченіи торговли семгою. Особенно живо принялся за разрѣшеніе этого вопроса бывшій архангельскій губернаторъ Н. М. Барановъ. Однако до сихъ поръ торговля ведется на прежнихъ изстари существовавшихъ основаніяхъ.

Кто не жилъ хоть нѣкоторое время въ Колѣ, тотъ почти не можетъ себѣ представить, какъ вяло и сонно течетъ здѣсь жизнь и какъ она томительно ложится на душу. Чтобы хотя отчасти понять это, необходимо припомнить, что Кола, такъ сказать, отрѣзана отъ всего міра. Сообщеніе со всѣмъ этимъ остальнымъ міромъ устанавливается лѣтомъ во время навигаціи; сухопутнымъ путемъ, тѣмъ самымъ, по которому прошли мы отъ Кандалакши до Колы, большею частью пользуются зимой. Во время-же распутицы весной и осенью до Колы не доходитъ никакихъ вѣстей изъ всего остальнаго міра. И живетъ Кола своей особенной тихой, вялой жизнью. Зимой веселѣе, конечно; возвращаются съ промысловъ мущины; люднѣе становится въ городѣ, веселѣе жить, хотя тутъ-то и начинаются долгія полярныя ночи, освѣщенныя только сполохами да отблескомъ снѣга—ночи, уступающія дню иногда только нѣсколько часовъ въ сутки. За то веселится молодежь. Дѣвушки по очереди устраиваютъ у себя въ домѣ вечерки: припасаютъ угощеніе для подругъ и ждутъ молодыхъ

людей. Играютъ, то-есть танцуютъ «кресты», «шестерку», «кандрель». Веселье молодежи продолжается иногда до 3—5 часовъ утра (на святкахъ-же и на маслянницѣ до 6 часовъ), послѣ чего парни идутъ провожать домой тѣхъ дѣвушекъ, за которыми ухаживаютъ. Старшіе смотрятъ сквозь пальцы на эти ухаживанья и по возможности стараются даже удаляться во время вечерокъ, чтобы не мѣшать молодежи.—У замужнихъ женщинъ свое веселье: это имянины, справляемые всегда томительно долгимъ имяннымъ обѣдомъ съ неизмѣнными пирогомъ съ семгою, пирогомъ съ палтусомъ, студнемъ, пирогомъ съ черносливомъ и т. п. Лѣтомъ столъ рыбный; зимой подаются и мясныя блюда *). Дѣвушки на этихъ обѣдахъ не бываютъ; зовутъ только замужнихъ женщинъ съ ихъ мужьями. Чинно сидятъ гости за столомъ; мужчины по одну сторону, женщины по другую; хозяйка обходитъ ихъ, угощая. Есть еще празднества, на которыя имѣютъ право только замужнія женщины: это такъ называемые „бабьи праздники"—26-го декабря (Соборъ Божьей Матери) и второй день Пасхи. Всѣ замужнія колянки обязаны въ эти дни идти къ службѣ; затѣмъ, разряженныя въ богатые сарафаны, въ шитые золотомъ и жемчугомъ кокошники, закутанныя дорогими платками онѣ идутъ обѣдать къ своимъ матерямъ. Даже если у замужней колянки нѣтъ матери, но

*) Лѣтомъ въ Колѣ нѣтъ мяса; это объясняется тѣмъ, что въ Колѣ, также какъ и вездѣ на сѣверѣ, нѣтъ ледниковъ и хранить мяса поэтому въ лѣтнія жары невозможно.

въ родномъ домѣ осталась сестра, хотя и моложе ея – она идетъ домой. Только въ томъ случаѣ, когда въ домѣ у нея только отецъ да братья, она освобождается отъ этой обязанности.

Есть въ Колѣ для развлеченія обывателей три библіотеки: одна при училищѣ, другая при кольскомъ соборѣ, третья при полицейскомъ управленіи. Коляне вообще любятъ читать. Тѣмъ болѣе интересна судьба этихъ библіотекъ. Соборная библіотека, которая состоитъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ книгъ, тщательно хранилась мѣстными священниками. Что касается до второй изъ библіотекъ, то она, имѣвшая около 200 книгъ, теперь почти вся расхищена, благодаря небрежности завѣдовавшихъ ею.

Только тотъ, кто представитъ себѣ жизнь въ Колѣ, можетъ понять, что значитъ прибытіе парохода въ Кольскую губу—желаннаго парохода, который однимъ приноситъ письма, другимъ—газету, третьимъ, съѣстные припасы, нужный для какой-то постройки кирпичъ и т. п. — и всѣмъ колянамъ, наконецъ, долю оживленія въ видѣ „привальнаго“ и „отвальнаго“ пиршества. Такъ какъ времени прибытія парохода нельзя точно опредѣлить въ виду того, что туманы и бури въ Ледовитомъ Океанѣ часто задерживаютъ его на неопредѣленное время и такъ какъ, кромѣ того, пароходъ останавливается въ 3-хъ верстахъ отъ города—его караулятъ нѣсколько дней. Бѣгаютъ на Соловараку смотрѣть, не покажется-ли дымокъ, прислушиваются, не послышится-ли свистокъ—и обманываются десятки разъ.

Трудно описать ту радость, которую почувствовали мы, когда въ одно холодное, пасмурное утро мы вдругъ услыхали торопливые шаги людей, ходившихъ взадъ и впередъ подъ нашими окнами и часто повторявшихъ на разные лады завѣтное слово „пароходъ“. Утомленные 22-дневнымъ пребываніемъ въ Колѣ, мы уже давно страстно желали вырваться изъ нея. Съ какой радостью присоединились мы къ кучкѣ колянъ, спѣшившихъ къ устью рѣки Туломы, гдѣ стоятъ кàрбасы. Помню, утро было холодное, свѣжесть лежала на окрестныхъ горахъ. Скользя по мокрымъ, покрытымъ слизистыми водорослями камнямъ, которые уже успѣлъ обнажить отливъ, мы добрались до кáрбаса. И вотъ быстро понесла насъ „убылая вода“ изъ Кольскаго залива. Здоровый іодистый запахъ охватываетъ насъ вмѣстѣ съ легкимъ вѣтеркомъ. Внизу подъ водою видна темно-бурая сѣть водорослей, обращенныхъ своими концами въ сторону отливающей воды. Мы обгоняемъ по пути нагруженные кàрбасы, которые тоже спѣшатъ къ пароходу. Вотъ и Кола съ Соловаракой исчезла за выступомъ горы. Сильнѣе гребутъ гребцы. Вотъ, наконецъ, на зеленомъ фонѣ горъ темнымъ силуэтомъ вырѣзывается желанный пароходъ.

К-ФСС
Государственная Публичная
БИБЛИОТЕКА
КАБИНЕТ
КРАЕВЕДЕНИЯ